

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
КАЛИНИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА
СИНТАКСИЧЕСКИХ
ЕДИНСТВ

Межвузовский тематический
сборник

966264

КАЛИНИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАЛИНИН 1981

В предлагаемом вниманию читателей сборнике публикуются статьи, посвященные выявлению фундаментальных семантических и прагматических свойств предложения и текста, а также их компонентов. Исследования выполнены на материале русского, немецкого, английского и французского языков. Их результаты могут быть полезными для специалистов по общему и частному языкознанию, преподавателей, аспирантов и студентов, интересующихся проблемами лингвистической семантики и прагматики.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Доктор филол. наук, профессор *В. В. Богданов*, доктор филол. наук, и. о. профессора *Р. Д. Кузнецова*, доктор филол. наук, профессор *Г. Г. Почепцов*, доктор филол. наук, профессор *И. П. Сусов* (отв. редактор), доктор филол. наук, профессор *П. В. Чесноков*, кандидат филол. наук, доцент *А. А. Прокопчук*, кандидат филол. наук *В. И. Сергеева*, кандидат филол. наук *В. И. Юганов* (отв. секретарь редколлегии).

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Взаимоотношение таких аспектов синтаксиса, как тектоника (часто, но неверно с точки зрения лингвистических интересов тоже именуемая синтаксисом), семантика и прагматика, можно кратко выразить следующим образом: как, что (или о чем) и зачем? Формально-синтаксические исследования имеют своим предметом устройство предложения, текста или иной сложной языковой единицы. Синтаксическая семантика сосредоточивает свое внимание на информационном содержании этих единиц, организации выражаемых ими комплексов значений и соотношении данных единиц с отражаемыми в них фрагментами действительности. Синтаксическая прагматика рассматривает предложение, текст и т. п. как компоненты речевых действий, как инструменты, посредством которых достигается взаимодействие между общающимися людьми и производится воздействие со стороны говорящего (или пишущего) на партнеров по общению и совместной предметно-практической или теоретико-познавательной деятельности.

Синтаксическая семантика и прагматика, выдвинувшиеся на передний план лингвистических исследований относительно недавно, в последние полтора — два десятилетия, оказали весьма серьезное влияние на упрочение связей языкознания с логикой, психологией, семиотикой, теорией познания, социологией и т. д., в корне подорвав позиции сторонников чисто имманентных «алгебр языка», имеющих очень ограниченное практическое значение.

В настоящей сборнике, представленном вниманию читателей и продолжающем серию публикаций (см.: Предложение и текст в семантическом аспекте. Калинин, 1978; Значение и смысл речевых образований. Калинин, 1979; Коммуникативно-прагматические и семантические функции речевых единств. Калинин, 1980), публикуются прежде всего исследования авторов, входящих в межвузовскую проблемную группу «Значение и смысл речевых единств: семантическая и

прагматическая интерпретация предложения и текста» при кафедре общего языкознания Калининского государственного университета, а также работы ряда ученых, представляющих другие творческие коллективы и любезно согласившихся выступить на страницах данного сборника.

Использованию предикатно-аргументной (реляционной) и субъектно-предикатной (атрибутивной) моделей в содержательной интерпретации предложения и текста, уточнению их возможностей, их соотношению со структурой внешней действительности и мыслительного акта, специфике синтаксических значений посвящают свои статьи доктора филологических наук В. В. Богданов, И. П. Сусов и В. С. Юрченко, кандидаты филологических наук В. Н. Ерхов, С. В. Михеев, Ю. В. Попов, Т. П. Трегубович, В. И. Сергеева и В. И. Юганов. Сопоставление семантической и тектонической структур результата, с одной стороны, и пассива, с другой, составляет содержание работы доктора филологических наук В. П. Неद्याлкова. Кандидат филологических наук А. А. Прокопчук исследует содержательные факторы, определяющие последовательность компонентов в сочинительных рядах.

Коммуникативно-прагматические свойства синтаксических образований рассматриваются в статьях доктора филологических наук Г. Г. Почепцова и молодых языковедов А. А. Романова, Л. П. Рыжовой и А. И. Шестаковой.

Можно надеяться, что публикация этого сборника послужит стимулом к дальнейшим исследованиям в области лингвистической семантики и прагматики.

РОЛЬ ВТОРИЧНОЙ ПРЕДИКАТИВНОСТИ В ПОСТРОЕНИИ СВЯЗНОГО ТЕКСТА

1. **Понятие вторичной предикативности.** Общим местом многих современных синтаксических теорий является утверждение о том, что предложению, в отличие от прочих языковых единиц, присуще свойство предикативности. При этом само это свойство интерпретируется самым различным образом. Одни лингвисты считают предикативность конститутивной характеристикой любого предложения (Банару, 1973), другие полагают, что возможны непредикативные предложения (Иофик, 1972:4), третьи вообще отрицают какую бы то ни было пользу понятия предикативности (Стеблин-Каменский, 1974 : 137—140). Интересно, что самое распространенное определение предикативности как отношения содержания предложения к действительности отражает по сути дела лишь референтность предложения, которая определенным образом связана с модальностью. Предметом предлагаемого исследования является вторичная предикативность. Предикативность получает здесь семантическую (или, как раньше говорили, логическую) интерпретацию, а именно как отношение между призначным словом и предметным словом, которое им характеризуется.

Различаются первичная и вторичная предикативность. Первичная предикативность интерпретируется как матричная сказуемость, т. е. как наличие в самостоятельном или главном предложении финитного глагола (или его аналога в тех языках, где финитные формы отсутствуют). Она может быть эксплицитной, если она материально выражена финитным глаголом или структурой, в составе которой имеется финитный компонент или его аналог, и имплицитной, если соответствующее материальное выражение отсутствует (односоставные именные предложения, эллиптические предложения и пр.).

Вторичная предикативность трактуется как зависимая от первичной. Самым распространенным средством ее выражения являются так называемые включенные предикаты и нематричные предикаты (Богданов, 1977: 98—104), а именно инфинитивы, герундии, деепричастия, причастия, супины и т. д. Сюда включаются также имена действия и качества, ка-

чественные прилагательные и наречия. Вторичная предикативность, так же как и первичная, может быть эксплицитной, если она явно выражена перечисленными выше формами, и имплицитной, если средствами выражения оказывается просодия, порядок слов, морфемы и прочие показатели. К средствам выражения вторичной предикативности относятся и финитные формы, встречающиеся в придаточных предложениях. Вторично-предикативными являются следующие структуры: придаточные предложения, инфинитивные, причастные, деепричастные и герундиальные обороты, обособления, предложно-субстантивные конструкции и т. п. В качестве структур с вторичной предикативностью рассматриваются здесь и самостоятельные предложения, построенные на включенных и нематричных предикатах (Богданов, 1974), т. е. предложения типа *И царица хохотать, и плечами пожимать...* (А. Пушкин. Сказка о мертвой царевне). Таким образом, вторичная (сокращенная, зависимая или безличная) предикативность (или предикация) понимается здесь несколько шире, нежели в тех работах, где она подвергается специальному исследованию (Сазонова, 1974; Hathaway, 1967 и др.).

2. Специфика и назначение структур с вторичной предикативностью. Вторично-предикативные структуры могут внешне как напоминать структуры первично-предикативные (в случае придаточных предложений), так и существенно отличаться от них (в случае оборотов, обособлений и пр.). Естественно, что в этой связи может возникнуть вопрос о том, чем же обусловлено существование таких структур в языке и каков их семантический и синтаксический статус.

Своеобразие структур с вторичной предикативностью заключается в том, что в семантической, а иногда и в синтаксической иерархии они понижены в ранге. Под семантической иерархией здесь понимается предикатно-аргументная схема, отражающая смысл предложения. В такой схеме позиции аргументов могут быть заняты не только первичными вещными именами, но и предикатами, которые тем самым оказываются во включенной, или зависимой, позиции. Существование таких зависимых позиций для предикатов обусловлено тем, что, с одной стороны, имеется целый ряд так называемых включающих предикатов, которые не могут употребляться без эксплицитного или имплицитного использования включенных предикатов, и что, с другой стороны, субъектами и объектами наших суждений могут быть не

только вещные слова, но и слова, обозначающие целые ситуации. На синтаксическом уровне включенные предикаты, как правило, выражаются неличными формами глаголов, которые сплошь и рядом выступают в зависимых синтаксических позициях.

Вторично-предикативные структуры могут употребляться также в нематричных позициях, не являющихся включенными. В этом случае они также понижены в семантическом и синтаксическом ранге, однако этот ранг не определяется семантической иерархией, хотя во многих случаях определяется иерархией синтаксической. К числу таких структур относятся обособления, определительные конструкции, сирконстантные структуры и т. д. Такие структуры образуют как бы дополнительные свернутые высказывания (Апресян, 1969).

Чем же, однако, обусловлено перемещение предикативной структуры в зависимую позицию и приобретение ею статуса вторично-предикативной структуры, какие механизмы регулируют такие передвижки? Почему определенная структура выбирается в качестве матричной, тогда как другие оказываются в зависимом положении? Существует несколько объяснений этого факта, однако важнейшими из них являются соображения логической модальности (Падучева, 1974 : 195—204), т. е. характера логического представления содержания предложения, а также соображения текстообразования. На них в первую очередь и следует остановиться.

3. Логические модальности вторично-предикативных структур. Логическая модальность показывает, каким образом содержание предложения или его части сообщается реципиенту. Е. В. Падучева выделяет четыре модальности такого типа: утвердительную, презумптивную (= пресуппозиционную), нейтральную и вопросительную (Падучева, 1974 : 197). Утвердительная модальность выражается утвердительным предложением. Типичной формой такого предложения является самостоятельное повествовательное предложение с финитной формой глагола или в ряде случаев главное предложение в составе сложного с такими же характеристиками сказуемого. Такие предложения обычно двусоставны, потому что для утверждения необходимо наличие предмета (субъекта) и признака, который ассертивно приписывается этому предмету (предиката). Ср.: *Многие запятые в русском, немецком, чешском тоже ничего не выражают и употребляются иероглифически* (Л. Щерба. Теория русского письма);

Воздух был редок, неподвижен и звучен (Л. Толстой. Казаки). Однако некоторые двусоставные, а тем более односоставные предложения могут выражать другие модальности, например, прескрипции, интенции, инструкции (Castaneda, 1975: 39—55). Сюда же, видимо, можно отнести также констатации, ср.: *Дом. Улица. Фонарь. Аптека* (А. Блок. Двенадцать), так как всякая утвердительность здесь отсутствует; далее, интеръекции, вокативы и пр. Тем самым диапазон логических модальностей, возможных здесь, весьма широк. Все эти предложения представляют собой структуры с первичной предикацией.

В структурах с вторичной предикативностью возможны другие модальности. Наиболее распространенными их видами для вторично-предикативных структур являются пресуппозиция и нейтральность. Пресуппозиция обычно выражается такими включенными предикатами, как финитные формы придаточных предложений, а также отглагольными именами действия и качества. Ср.: *Странно, что он этого не знает; Его приезд в Ленинград очень меня обрадовал*. Пресуппозиции обычно основываются на утверждениях, содержащихся в других предложениях, поскольку пресуппозиция — это высказывание, которое нет необходимости утверждать, поскольку оно уже ранее было утверждением и поэтому «общается уже как само собой разумеющееся» (Падучева, 1974: 197). Структуры с пресуппозиционной модальностью обычно вводятся фактивными предикатами, как, например, *сожалеть, удивляться, возмущаться, сердиться, быть странным, быть интересным* и др. (Kiparsky, 1971).

Что касается нейтральной модальности, то наиболее распространенным способом ее выражения являются инфинитивные конструкции. Ср.: *Трудно понять человеческую душу, но душу свою собственную понять еще трудней* (А. Чехов. Драма на охоте). Однако в этой функции встречаются и придаточные предложения, которые обычно вводятся нефактивными предикатами типа *думать, верить, полагать, ожидать, представлять, казаться* и др. Ср.: *Он очень хорошо помнил, что шляпа на нем была с плюмажем и мундир с золотым шитьем* (Н. Гоголь, Нос). С другой стороны, инфинитивные конструкции могут соответствовать не только нейтральной, но и пресуппозиционной модальности, например: *Это заставило его оглянуться и поворотить домой* (Н. Гоголь. Шинель). Все зависит от включающего предиката,

однако и структура включенного предиката в определенной степени согласуется с типом включающего предиката.

Тот факт, что пресуппозиционная, нейтральная, а также вопросительная модальности характерны для вторично-предикативных структур, определяет в значительной степени и их текстовые характеристики. Однако, прежде чем перейти к их рассмотрению, отметим, что не во всяком сложном предложении асертивная модальность относится к главной части. Сплошь и рядом, особенно в предложениях логического типа, а именно условных, причинно-следственных, целевых, временных и других, утверждение относится к способу соединения главного предложения (точнее, содержания главного предложения) с содержанием придаточного. Ср.: *Когда ж падающая звезда по небу темному летела и рассыпалась, — тогда в смятенье Таня торопилась* (А. Пушкин. Евгений Онегин), где утверждение относится только к одновременности двух событий, связываемых союзом *когда*, но не к отдельным частям этого предложения. В обеих частях этого сложного предложения представлены не утвердительные, а пресуппозиционные модальности, а утверждение касается только их временной связи.

4. Textoобразующий характер структур с вторичной предикативностью. Поскольку в одном повествовательном предложении обычно содержится только одно утверждение, то все прочие предикативные структуры, которые могут входить в состав данного предложения, могут по своему логическому статусу либо пресуппозироваться, либо нейтрализоваться. Пресуппозиция — это свершившееся ранее и, следовательно, свернутое утверждение, а нейтрализация — это снятое утверждение, т. е. такое положение, когда утверждение и отрицание равновозможны. Указанные логические модальности, как правило, маркируются синтаксически, а иногда и морфологически, что находит свое отражение в существовании неличных форм глаголов. В русском и других индоевропейских языках для выражения этих модальностей могут использоваться и финитные формы глаголов, специализированные в функции утверждения и, следовательно, обычно встречающиеся в первично-предикативных структурах. Однако существуют языки (например, японский), в которых глагольные формы, встречающиеся в первично-предикативных структурах, никогда не употребляются в структурах вторично-предикативных и наоборот.

Поскольку вторично-предикативные структуры не могут

использоваться для утверждения, то они приобретают функцию уточнения, развертывания основного утверждения, содержащегося в матричном предикате. Вторично-предикативные структуры являются распространителями первично-предикативных структур потому, что ни в семантическом, ни в синтаксическом, ни в логико-модальном отношениях они не могут существовать без последних. Действительно, о включенном предикате имеет смысл говорить только в том случае, если есть включающий. Синтаксически зависимые структуры возможны лишь в том случае, если имеются синтаксически главенствующие структуры. Наконец, пресуппозиция возможна только относительно утверждения. Если утверждения нет, то пресуппозиция лишена смысла. Однако развертывание первично-предикативных структур есть по сути дела развертывание текста, т. е. текстообразование. Тем самым напрашивается вывод, что назначение вторично-предикативных структур сводится к тексторазвертыванию и текстопостроению. Эти структуры отличаются максимальной текстоплетенностью. Именно по отношению к ним в наибольшей степени применим термин В. А. Звегинцева «псевдопредложение» (Звегинцев, 1976:185—188), указывающий на несамостоятельность, неавтономность подобных структур. Разумеется, неверно было бы говорить, что в текстообразовании не участвуют структуры первично-предикативные. Их участие бесспорно. Однако они образуют лишь текстовый каркас, который практически не может или может лишь в особых случаях функционировать как самостоятельный текст. Соотношение первично- и вторично-предикативных структур может определять характер текста. Насыщение текста - первично-предикативными структурами делает его более динамичным, тогда как избыток вторично-предикативных структур придает тексту оттенок статичности, описательности. Ср.: *Жизнь моя сделалась мне несносна. Я впал в мрачную задумчивость, которую питали одиночество и бездействие. Любовь моя разгоралась в уединении и час от часу становилась мне тягостнее. Я потерял охоту к чтению и словесности. Дух мой упал. Я боялся или сойти с ума, или удариться в распутство* (А. Пушкин. Капитанская дочка); *Высокий, немного сутуловатый пехотный офицер, натягивая на руку не совсем белую, но опрятную перчатку, вышел из калитки одного из маленьких матросских домиков, настроенных на левой стороне Морской улицы, и, задумчиво глядя себе под ноги, направился в гору к бульвару. Выражение некрасивого с низким*

лбом лица этого офицера изобличало тупость умственных способностей, но притом рассудительность, честность и склонность к порядочности. Он был дурно сложен — длинноног, неловок и как будто стыдлив в движениях. На нем была незатасканная фуражка, тонкая, немного странного лилового цвета шинель, из-под борта которой виднелась золотая цепочка часов; панталоны со штрипками и чистые, блестящие, хотя и с немного стоптанными в разные стороны каблуками, опойковые сапоги, — но не столько по этим вещам, которые не встречаются обыкновенно у пехотного офицера, сколько по общему выражению его персоны опытный военный глаз сразу отмечал в нем не совсем обыкновенного пехотного офицера, а немного повыше (Л. Толстой. Севастополь в мае).

Контекстная обусловленность структур с вторичной предикативностью делает практически невозможным построение текста только с их помощью, т. е. без опоры на первично-предикативные образования. Иначе говоря, вторично-предикативные структуры всецело «работают» на текстообразование, однако сами по себе они не в состоянии создать связанного текста. В тех же случаях, когда такие структуры выступают в самостоятельном употреблении, они, как правило, содержат имплицитный матричный предикат с ассертивной функцией. Например, в предложении *И царица хохотать, и плечами пожимать* утверждение относится не к действиям царицы, описанным данными инфинитивами, а к начальной фазе этих действий, выражаемых имплицитным матричным предикатом. Следовательно, инфинитивная конструкция здесь является зависимой, вторично-предикативной, хотя она синтаксически и представлена самостоятельным инфинитивным предложением, внешне напомиающим обычные двусоставные предложения. Сказанное здесь справедливо для всех предложений такого типа, а также для частей парцелированных предложений, поскольку парцелляты в большей степени зависят от своих базовых частей, т. е. в конечном счете от контекста, чем все прочие структуры.

5. Заключение. Структуры с вторичной предикативностью являются вторичными, т. е. зависимыми не только в семантическом и синтаксическом отношении. Они вторичны и в генетическом смысле. Их основная роль заключается в том, чтобы выступать осложнителями первично-предикативных структур или создавать условия для формирования гипотаксиса. Известно, что генетически гипотаксису предшествовал

паратаксис. В паратактических конструкциях каждая предикативная структура обладала либо полной степенью ассертивности, либо во всяком случае приближалась к такому состоянию. В паратаксисе пресуппозиционная модальность могла только намечаться. Полное свое развитие она получила в гипотаксисе и в других видах свернутых предикативных образований. Это дало возможность одному предложению концентрировать в себе несколько предикатных отношений, или выражений, при одном утверждении. Кроме того, это расширило возможности текстообразования, сделало текст более разнообразным не только с точки зрения разного логического представления сообщений, содержащихся в отдельных предикатных выражениях, но и в формально-синтаксическом отношении, так как возникли особые формы вторичных предикатов вроде инфинитива, причастия, деепричастия, герундия, имени действия, имени качества, прилагательного, наречия и др. Простейшие подсчеты показывают, что на долю вторично-предикативных структур приходится более трех четвертей текста. Это значит, что первично-предикативные структуры, являющиеся носителями ассертивной и констатирующей семантики, используются в среднем реже, чем в одном случае из четырех предикативных структур, или предикатных выражений. Тем самым текст в большей своей части окрашен не ассертивной, а пресуппозиционной или какой-либо иной семантикой, хотя как будто бы и строится для того, чтобы сообщить посредством утверждения, отрицания, констатации какие-то сведения о тех или иных объектах или фактах реальной действительности. В этом, как кажется, и заключается одна из антиномий или парадоксов текста как языкового феномена.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю. Д. Синтаксис и семантика в синтаксическом описании. — В кн.: Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М.: Наука, 1969, с. 302—306.

Банару В. И. Очерк по теории предикативности. Кишинев: Штиинца, 1973. 42 с.

Богданов В. В. Природа включенных предикатов. — В кн.: Лингвистические исследования. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974, с. 19—24.

Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. 204 с.

Бродович О. И. Структуры со вторично-предикативной связью между элементами в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л.: ЛГУ, 1972. 26 с.

Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. М.: Изд-во МГУ, 1976. 308 с.

Иофик Л. Л. Введение. — В кн.: Структурный синтаксис английского языка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1972, с. 3—11.

Падучева Е. В. О семантике синтаксиса: Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М.: Наука, 1974. 292 с.

Сазонова Н. М. К вопросу теории предложения. Киев: Вища школа, 1974. 86 с.

Стеблин-Каменский М. И. Спорное в языкознании. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. 142 с.

Castaneda H. — *N.* Thinking and Doing: The Philosophical Foundations of Institutions. Dordrecht; Boston: Reidel, 1975. 366 p.

Hathaway B. A Transformational Syntax. New York: Ronald Press, 1967. 315 p.

Kiparski P., Kiparski C. Fact. — In: Semantics: An Interdisciplinary Reader in Philosophy, Linguistics and Psychology / Ed. by D. D. Steinberg and L. A. Jakobovits. Cambridge: Cambridge University Press, 1975, p. 345—369.

В. Н. Ерхов

(Орловский госпединститут)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ В МОДЕЛИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Современная лингвистика уделяет большое внимание моделированию предложений. В большинстве классификаций «основных моделей» предложений проявляется стремление исследователей учесть при этом и семантику высказываний (см.: Абрамов, 1978). Несомненно, структурно-семантические модели предложений представляют собой шаг вперед по сравнению с чрезмерно формализованными моделями недавнего прошлого. Вместе с тем следует признать, что новые попытки пока не дали ожидаемых результатов. Выделяемые модели не отвечают основным требованиям, предъявляемым к ним: адекватно описывать семантику реального высказывания и служить в качестве моделей (образцов) для порождения высказываний.

Общей чертой, объединяющей различные системы моделей предложений, является их редукционалистский подход к материалу, стремление выделить «минимум предложения», под которым понимается, как правило, минимальное окружение глагола.

Финитный глагол играет важнейшую роль в конституировании предложения, ибо именно на нем, на его значении

релятора «надстраивается» значение предикатора (Сусов, 1973:13). Поэтому при порождении отмеченных предложений необходимо учитывать валентность глагола. Однако следует подчеркнуть, что окружение глагола способствует в первую очередь раскрытию семантики самого глагола; валентностная характеристика глагольной лексемы не содержит исчерпывающей информации о структуре и семантике реальных высказываний, содержащих эту лексему в качестве предиката.

При моделировании семантической структуры предложений часто принимаются во внимание ролевые характеристики в терминах глубинных падежей, семантических ролей и т. п. Не останавливаясь на недостаточной разработанности аппарата исследования семантической структуры высказывания, о чем свидетельствует, между прочим, различное количество «активных валентностей» (Ю. Д. Апресян) у разных авторов (см.: Богданов, 1977a:66), укажем на два недостатка подобных моделей, имеющие принципиальный характер.

Во-первых, семантические роли приписываются элементам обязательного окружения глагола, т. е. преимущественно партиципантам ситуации. Если же к рассмотрению привлекаются элементы с обстоятельственной семантикой, обычно делается ссылка на то, что они (речь идет главным образом о локативе и директиве) «при некоторых глаголах являются обязательными» (Schröder, 1978: 11), т. е. описание семантической структуры ориентировано опять-таки на «минимум предложения».

Во-вторых, при выделении семантических ролей и отношении их к компонентам семантической структуры предложения очень велика роль субъективного фактора. Избежать этого полностью едва ли возможно, но возражения вызывает недостаточный учет (иногда и полное игнорирование) семантических связей между компонентами предложения, закрепленных в языке.

Дело в том, что в семантике предикатного слова заложены не только информация о количестве его актантов, но и их ролевые характеристики (Богданов, 1978:29). Так, субъектом при глаголах восприятия может быть только означающее экспериенсива; эксплицировать при них в позиции субъекта, например, агентив невозможно. Иногда, правда, оказывается возможным заполнить позицию субъекта при одном предикате означающими различных глубинных падежей, как, например, в немецких предложениях: Der Pförtner

schließt die Tür «Швейцар закрывает дверь» (агентив). — Die Tür schließt «Дверь закрывается» (объектив). Однако совершенно очевидно, что в этом случае мы имеем дело с различными значениями глагола. Такое же положение, по-видимому, имеет место и при вариантах правого окружения глагола: вариативное управление сигнализирует о семантическом варьировании глагольной лексемы. Видимо, верно и обратное: различные лексико-семантические варианты глаголов определяют количество и семантические характеристики актантов (Ерхов, 1979).

Выделение значительного количества глубинных падежей и допущение возможности их экспликации различными компонентами предложения (ср., например, экспериенсив, выраженный субъектом и зависимым компонентом: *Я ничего не вижу; Мне ничего не видно*) теоретически не вызывают сомнений, поскольку соответствуют общепринятому положению об отсутствии одно-однозначного соответствия между планом содержания и планом выражения. В исследовательской же практике это приводит к произвольному обращению с языковым материалом, к смешению языковых структур с различным статусом, к хаотической, неупорядоченной картине языковой действительности (см., например: Альтман, 1978).

Как представляется, решение проблемы следует искать не в дальнейшей субкатегоризации аргументов, а скорее в том, чтобы свести их к возможно меньшему числу. Первым шагом на этом пути могло бы быть признание семантической роли означаемого субъекта как носителя предикативного признака. В этом качестве субъект противостоит зависимым актантам при относительных предикатах. Предицируемый признак может обозначать действие, свойство, состояние (Богданов, 1977б: 7), т. е. в зависимости от семантики предикатного слова признак может получать различное толкование.

Зависимые актанты могут иметь различную семантику — объектную или обстоятельственную. Думается, при разграничении этих компонентов стоит учесть соответствующую рекомендацию И. И. Ревзина и исходить из обстоятельственного значения (т. е. определять объект как не-обстоятельство) вследствие большей семантической определенности обстоятельственных элементов предложения (Богданов, 1978). Дальнейшее подразделение объектов на классы может оказаться полезным при исследовании возможностей их поверх-

ностной манифестации, однако в принципе тип объекта, как указывалось выше, определяется семантикой предиката.

Для решения проблемы моделирования предложений этого шага еще недостаточно. Необходимо отказаться от минималистских тенденций при выделении моделей (ср.: Юрченко, 1979:78—79). Следует признать, что реальное предложение ориентировано не на глагол с его валентностью, а на описываемую в предложении внеязыковую ситуацию с учетом коммуникативной ситуации (последняя определяет зачастую и выбор глагольной лексемы с присущей ей дистрибуцией). Но эмпирическая ситуация, описываемая в предложении, многомерна, она имеет атрибуты, характеризующие ее по различным параметрам. Атрибуты ситуации могут включаться в семантическую структуру предложения в зависимости от целей и условий коммуникации; они выступают в этом случае как различительные черты, которые говорящий выделяет в описываемой ситуации (Гак, 1972: 19). Наиболее регулярные, типичные атрибуты ситуаций определенного типа обобщаются и закрепляются в структуре абстрактной типовой ситуации, а через нее — и в языковой модели.

Из сказанного следует, что модель предложения, описывающего ситуации определенного типа, должна включать предикат, относящий высказывание к данному типу ситуаций плюс означающие партиципентов (участников ситуации) плюс семантические позиции всех ее атрибутов. Таким образом, в общем случае в предложении присутствуют следующие семантические позиции: 1) носитель признака, 2) предципируемый признак, 3) позиции партиципентов, экспликация которых факультативна, 4) позиции партиципентов, экспликация которых обязательна, 5) позиции атрибутов ситуации. Позиции носителя признака, предципируемого признака и позиции обязательных аргументов образуют (тоже в общем случае) структурный минимум предложения; остальные позиции (при их экспликации) служат для распространения предложения.

Разумеется, возможны предложения, не содержащие позиций, охарактеризованных выше как обязательные. Так, предложения с одноместным предикатом не содержат обязательных распространителей (*Он ушел*), а предложения, описывающие AMBIENTНОЕ СОСТОЯНИЕ (Чейф, 1975), не имеют в своем составе указания на носителя признака (*Холодно; Морозит*). Отнюдь не всегда могут быть эксплицированы позиции атрибутов ситуации: иногда этому препятству-

ет значение предикцируемого признака, например, локатив невозможен в предложениях включения: *В пустыне лев — хищник*. Возможны случаи, когда на экспликацию атрибутов ситуации налагает запрет валентность предикатного слова: *Er ist verreist* «Он в отъезде». Однако все эти исключения, очевидно, не ставят под сомнение принципиальную возможность рассмотрения семантической модели предложения как совокупности указанных позиций. Кроме того, отмеченные (и иные) исключения поддаются учету и описанию. Думается, в этом направлении и должно идти дальнейшее исследование и описание моделей предложений.

Если принять, что обязательные актанты обозначают преимущественно участников ситуации, то окажется, что зависимые компоненты репрезентируют главным образом объектные позиции. Большое прикладное значение имеет классификация объектов в зависимости от характера действия (состояния, отношения), так как с этим связаны различия в поверхностной манифестации объектных позиций. К примеру, в немецком языке объект при глаголах говорения оформляется предлогами *von* и *über*, объект эмоций стоит с предлогами *über* (факт, событие) или *auf* (лицо) и т. д.

Значительную область занимают позиции партиципантов, экспликация которых является факультативной. Для их классификации обоснованным представляется использование ролевых характеристик, поскольку они не определяются однозначно семантикой предиката. К рассматриваемым позициям относятся значения адресата, бенефицианта, воспринимающего ситуацию лица (в зависимости от семантики предиката эта позиция может принимать значение взаимности), замещаемого предмета. Целесообразность выделения адресата из более общего значения бенефицианта (ср.: Богданов, 1977 б: 12) обусловлена их формальными различиями при экспликации предложными сочетаниями: адресат обозначается формой *с an*, а бенефициант — *с für*: *Er schreibt an seinen Freund* «Он пишет своему другу»; *Er kauft das Spielzeug für das Kind* «Он покупает игрушку ребенку (для ребенка)». Иначе говоря, семантические различия этих позиций осознаются носителями языка; следовательно, их должна учитывать и теоретическая модель.

Семантические позиции атрибутов ситуации охватывают локальные, темпоральные и модальные характеристики (под модальными характеристиками понимается, в соответствии с германистической традицией, способ протекания или совер-

шения действия). Локальные характеристики явным образом распадаются на локатив и аблатив/директив. Последние объединяются в одну «суперпозицию» не по признаку дополнительной дистрибуции. Напротив, они могут выступать параллельно, например: *Er fährt aus Moskau nach Berlin* «Он едет из Москвы в Берлин». Но обычно оказывается достаточной экспликация одной из этих позиций; ср.: *Er fährt aus Moskau* — *Er fährt nach Berlin* «Он едет из Москвы — Он едет в Берлин». Реже эксплицируется позиция промежуточного пункта (или маршрута движения), также относящаяся к локальным характеристикам. Темпоральные характеристики, причисляемые к атрибутам ситуации, соотносят действие либо с моментом речи (сегодня, вчера и т. п.), либо с конкретным отрезком объективного времени (зимой, утром, в шесть часов), т. е. выражают абсолютное время (относительное время предполагает сопоставление двух пропозиций, но одна ситуация не может рассматриваться как атрибут другой ситуации).

Будучи относительно независимыми от предикатного слова и семантически определенными, экспликаторы указанных позиций являются маркированными в формальном отношении. Маркерами локальных, темпоральных и модальных характеристик выступают, как правило, предлоги, причем выбор того или иного предлога часто зависит от семантики и даже от морфологической субкатегоризации имени; ср.: *auf dem Tisch* «на столе» — *an der Wand* «на стене», *am Morgen* «утром» — *in der Nacht* «ночью».

Следует отметить, что экспликация позиций атрибутов ситуации может быть при некоторых предикатах обязательной. В этом случае облигаторность часто проявляется только на семантическом уровне, не затрагивая поверхностной манифестации соответствующей позиции. Так обстоит дело с локативом при глаголах местоположения, с аблативом и директивом при глаголах движения и перемещения. Однако возможны случаи, когда обязательность данного компонента подчеркивается преобразованием поверхностной манифестации соответствующей семантической позиции. Наиболее типичным средством такой перестройки поверхностной структуры является транзитивация предикатного слова, превращение его в формально переходный глагол. Это имеет место при глаголах, обозначающих длительность: *Ожидание длилось (продолжалось, тянулось) целый месяц*. В немецком языке ярким примером является пара глаголов *eintreten/be-*

treten: первый из них — непереходный, экспликация директива при нем факультативна; второй — переходный, экспликация директива (в форме винительного падежа!) обязательна: Er trat (ins Zimmer) ein/Er betrat das Zimmer «Он вошел в комнату». В винительном падеже выступают обязательные комплементы, обозначающие промежуточный пункт или маршрут движения: Er passierte den Platz «Он миновал площадь»; Er geht seinen Weg «Он идет своей дорогой». В немецком языке есть специальные словообразовательные средства, служащие транзитивации глаголов (приставки be-, er-, an-).

В связи с влиянием синтаксической валентности глаголов на оформление поверхностных манифестаций семантических позиций атрибутов ситуации нужно остановиться на группе немецких глаголов с префиксом ent-. В соответствии с нормой они управляют дательным падежом. Благодаря консервативности нормы дательный падеж сохранил в сочетании с этими глаголами значение аблатива — одно из многих обстоятельственных значений, свойственных дативу на ранних этапах развития немецкого языка (Москальская, 1977: 179) и утраченных им ныне. Правда, в современном языке датив в этой позиции испытывает конкуренцию со стороны более регулярной формы с aus; ср.: Mein Befehl **entspringt** der Einsicht in die augenblickliche Lage «Мой приказ вытекает лишь из осознания настоящего положения»; Aber da war ein anderer Gedanke, der **aus** seinen Worten **entsprang**... (Thürk) «Но тут была еще одна мысль, которая вытекала из его слов».

Итак, семантическая модель предложения включает в общем случае семантические позиции носителя признака, субстанциальных элементов ситуации (их экспликация может быть обязательной или факультативной) и позиции атрибутов ситуации; отнесенность содержания предложения к определенной ситуации обуславливается семантикой элемента, манифестирующего предцируемый признак.

Атрибуты ситуации относительно независимы от предиката, что обуславливает их семантическую определенность и формальную дифференциацию их экспликаторов.

При некоторых группах глаголов экспликация тех или иных позиций атрибутов ситуации является обязательной. В этом случае синтаксическая валентность глагола может вызвать отклонения от регулярной реализации соответствующей семантической позиции. В немецком языке чаще других

способов переоформления экспликаторов атрибутов ситуации используется транзитивация глаголов.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамов Б. А. Некоторые проблемы моделирования в синтаксисе. — В кн.: Вопросы грамматики современного немецкого языка. М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1978, с. 3—28.

Альтман И. В. Исследование семантики трехчленных конструкций. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1976. М.: Наука, 1978, с. 215—233.

Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977 (а). 204 с.

Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения: Автореф. дис. ... доктора филол. наук. Л.: ЛГУ, 1977 (б). 31 с.

Богданов В. В. Актанты и сирконстанты. — В кн.: Проблемы членов предложения в индоевропейских языках. Грозный: Чеч.-Инг. гос. ун-т, 1978, с. 26—31.

Гак В. Г. К проблеме соотношения языка и действительности. — Вопросы языкознания, 1972, № 5, с. 12—23.

Ерхов В. Н. Семантическое варьирование глагольной леммы и ее семантико-синтаксическое окружение. — В кн.: Значение и смысл речевых образований. Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1979, с. 25—34.

Москальская О. И. Типология системы падежей. — В кн.: Историко-типологическая морфология германских языков: Фономорфология. Парадигматика. Категория имени. М.: Наука, 1977, с. 175—238.

Сусов И. П. Семантическая структура предложения: Автореф. дис. ... доктора филол. наук. Л.: ЛО ИЯ АН СССР, 1973. 34 с.

Юрченко В. С. Структура предложения и система синтаксиса. — Вопросы языкознания, 1979, № 4, с. 77—89.

Schröder J. Zum Zusammenhang von Lokativität und Direktionalität bei einigen wichtigen deutschen Präpositionen. — Deutsch als Fremdsprache, 1978, Heft I, S. 9—15.

С. В. Михеев

(Московский госпединститут
иностранных языков имени М. Тореза)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ЗАЛОГОВЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Отличительной особенностью залога как грамматической категории является то, что залог «ближе к синтаксису предложения, чем к морфологии слова» (Виноградов, 1972: 476). Э. Бенвенист в этой связи пишет, что семантические функции залога «указывают отношение субъекта к процессу, тогда как модальные и временные значения, присущие осно-

ве, касаются самой репрезентации процесса, независимо от положения субъекта» (Бенвенист, 1974: 191). Это обуславливает необходимость анализа семантики залога на уровне синтаксической структуры, которую принято называть пассивной конструкцией (Храковский, 1974).

Семантические свойства залоговых конструкций связаны с характером предикатных знаков, образующих структурную вершину данных конструкций. Предикатный знак представляет собой функциональный тип словесных знаков, означаемым которого является глагольная словоформа, а означаемым — семантический предикат. Если исходить из понимания залога как некоторого общего семантического содержания, характеризующего большие множества предикатных знаков и находящего регулярное выражение в рамках залоговой конструкции (Бондарко, 1978: 143), то рассмотрению семантических свойств последних следует предпослать анализ семантических характеристик предикатных знаков и определение категориальной семантики залога.

Объективная действительность в самых общих терминах может быть представлена предметами, их свойствами и отношениями (Богданов, 1977: 26—28). В системе языка обозначению предметов служат непредикатные знаки, в то время как для обозначения их свойств и отношений используются предикатные знаки (Кацнельсон, 1972; Богданов, 1977: 26—30). Сочетание предикатного и непредикатного знака (знаков) в определенной языковой структуре образует семантическую пропозицию, которая описывает факт, ситуацию, положение вещей в объективной действительности.

Отличительной особенностью предикатного знака является то, что он некоторым образом имплицитно подразумевает субстанцию, предметы, которым он может быть приписан (Frege, 1960: 30). Класс предикатных знаков далеко не однороден, что соответствует многообразию свойств и отношений предметов объективной действительности и лежит в основе разбиения класса предикатных знаков на подклассы на основании разнообразных признаков. Наиболее общим дроблением класса предикатных знаков является выделение подклассов знаков, обозначающих, с одной стороны, признаки и свойства предметов, а с другой стороны, — отношения предметов друг к другу. Это деление иногда связывают с количеством мест у предикатного знака (Кацнельсон, 1972). Соответственно выделяются подкласс одноместных и подкласс многоместных предикатных знаков (т. е. двух- и более мест-

ных). В дальнейшем рассматриваются многоместные предикатные знаки, поскольку именно на этом подмножестве задана оппозиция «актив — пассив».

Семантический предикат имплицитно определяет некоторое количество аргументов и в том случае, если их не меньше двух, задает им различные семантические роли. Это в конечном счете обусловлено неравнозначностью ролей реальных участников описываемой ситуации, среди которых один совершает действие, другой его претерпевает, а в пользу третьего это действие совершается (Danes, 1964: 225). Семантическая пропозиция, представляющая положение вещей в описываемом мире, с необходимостью должна передавать различие функций участников описываемой ситуации.

Семантические роли аргументов, имплицитно определенных многоместными предикатами, часто получают различную интерпретацию (Fillmore, 1968; Чейф, 1975; Сусов, 1973; Богданов, 1977). К числу релевантных для данной работы семантических функций прежде всего относится семантическая функция агента, т. е. активного потенциального источника действия (Fillmore, 1968; Чейф, 1975: 128). Функция объектива менее определена в семантическом отношении, и ее может выполнять любой предмет, на который направлено действие, исходящее от агента, в результате предмет изменяет свое состояние (Fillmore, 1968). В семантической пропозиции, образованной трехместным предикатом, помимо двух указанных функций, выделяют семантическую функцию бенефактива (Fillmore, 1968; Богданов, 1977) — предмета, в пользу или в ущерб которому совершается действие, выраженное предикатом. Итак, семантическая пропозиция представляет собой «систему с отношениями» (Ломтев, 1972), которые предикат навязывает имплицитно определенным аргументам.

Формой выражения семантической пропозиции, образованной некоторым предикатом, служит предикативная синтаксическая структура, организующей вершиной которой является глагольная словоформа (Tesnière, 1959). Последняя характеризуется синтаксической валентностью, соотносимой с количеством мест у семантического предиката, являющегося означаемым данной глагольной формы. Синтаксическая структура предложения и отношения ее компонентов, таким образом, всецело обусловлены характером семантической пропозиции, выражению которой служит данное предложение.

Компоненты синтаксической структуры предложения

иерархически неравнозначны, что находит выражение в их различном грамматическом оформлении. Форма подлежащего сигнализирует нулевую, немаркированную позицию, в то время как другие компоненты предложения занимают более низкую иерархическую позицию и в этом смысле маркированы, т. е. имеют меньший синтаксический «вес». Глагольная форма, если она имеет более одной синтаксической валентности, открывает одну валентность на подлежащее как немаркированный компонент синтаксической структуры, а вся структура предложения раскрывает синтаксические отношения подлежащего к другим компонентам синтаксической структуры (Кацнельсон, 1972: 184).

На семантическом уровне нет показателя немаркированности. Именно поэтому некоторые исследователи считают, что порядок расположения аргументов семантического предиката нерелевантен (Fillmore, 1968). Однако известно, что большинство предикатов «семантически перекошено» (Кацнельсон, 1972: 184) в сторону одушевленных агентов (Lyons, 1968: 341). Как следствие того, что большинство предикатов своей интенцией обращены в сторону одушевленных агентов, отношения последних к другим предметам объективной действительности воспринимаются как действия по отношению к ним.

Таким образом, так же как и в случае с синтаксическими функциями компонентов синтаксической структуры, можно предположить, что семантические функции не просто различны, но и определенным образом иерархически упорядочены. Действительно, факт, ситуация описываемого языковыми единицами мира с необходимостью имеет определенную структуру, которую и воссоздает семантическая пропозиция. В синтаксической структуре семантические отношения между компонентами пропозиции передаются морфологическими и иными грамматическими средствами языка.

Являясь полным языковым знаком, каждое предложение представляет собой неразрывное единство означающего (синтаксической структуры) и означаемого (семантической пропозиции). Компонентам семантической структуры предложения (пропозиции), изоморфно отображающим описываемую ситуацию, могут быть поставлены в соответствие компоненты синтаксической структуры. Однако они не находятся в одно-однозначном соответствии. Например, в английском языке подлежащее предложения может выражать различные семантические функции: *The teacher gave him a new book*

«Учитель дал ему новую книгу»; The new book was given to him «Новую книгу дали ему»; He was given a new book «Ему дали новую книгу»; The key opened the door «Ключ открыл дверь».

Тот факт, что семантическая функция аргумента языкового предиката не столь тесно связана с его позицией в предложении, т. е. синтаксической ролью, — отличительная особенность естественного языка (Reichenbach, 1948). Часто различный порядок следования словесных форм используется не для выражения нового денотативного содержания, а для выражения различных коннотативно-стилистических значений, а также для смещения логического акцента в предложении (Мурзин, 1978). Таким образом, роли компонентов синтаксической и семантической структур относительно независимы, что позволяет выражать некоторый семантический инвариант различными синтаксическими вариантами, т. е. грамматическими способами (Гак, 1977:42).

Эти рассуждения вплотную подводят нас к определению грамматической сущности оппозиции действительного и страдательного залога.

Действительный залог связан с некоторым множеством многоместных предикатных знаков, которые задают одному из аргументов семантической структуры функцию агента. «В активном залоге, — пишет Э. Бенвенист, — глаголы обозначают процесс, который исходит из субъекта и развивается вовне» и который «должен перейти на объект как на некоторую роль» (Бенвенист, 1974: 188—189). Означающее предикатного знака — семантический предикат — задает функцию агента, которая реализуется в позиции подлежащего активной синтаксической структуры. Таким образом, активная синтаксическая структура отображает структуру семантической пропозиции. Именно поэтому данную структуру определяют как исходную, немаркированную.

Сущность категории страдательного залога связана с возможностью оформить в виде подлежащего аргумент, которому в семантической структуре задается функция объекта, а для таких языков, как, например, английский, и беннефактива, ср.: He was given a new book «Ему дали новую книгу». При этом страдательный залог связан с тем же множеством предикатных знаков, что и действительный залог. Иначе говоря, действительный и страдательный залого — это способы различного грамматического (синтаксического) представления одного и того же семантического инварианта.

Страдательный залог произведен в том смысле, что синтаксическая структура, которая является средством выражения данной категории, не изоморфно отображает структуру описываемой ситуации, выражая в главной синтаксической позиции подлежащего аргумент семантической структуры, который не является исходной точкой развития действия-процесса.

Большое место в исследованиях, посвященных анализу залоговой проблематики, занимает описание преобразований активных конструкций в соответствующие пассивные. Причем даже в сугубо формально-синтаксических исследованиях отмечается тот факт, что трансформация активной конструкции в пассивную приводит к изменению направленности действия. Некоторые лингвисты этот признак кладут в основу категориальной семантики залога (Гухман, 1964: 8). Однако и в активной, и в пассивной конструкции направление действия остается одним и тем же — от активного агента к объекту. Такова структура описываемой ситуации. Разница заключается в том, что в активной и в пассивной конструкциях агент действия выражается в разных синтаксических позициях: в позиции подлежащего в первом случае и факультативно в позиции дополнения — во втором. Поскольку же и активные, и пассивные конструкции содержат утверждения о предмете, выраженном в позиции подлежащего, активные конструкции утверждают или отрицают что-то о семантическом агенте действия, который является его источником, а пассивные конструкции содержат утверждения о семантическом объективе или бенефактиве, на который направлено действие того же агента, выраженного в другой синтаксической позиции или присутствующего имплицитно на семантическом уровне. Пассивизацию предложения, таким образом, можно сравнить с изменением фокусировки нашего внимания (Лейкина, 1978), поскольку в пассивной конструкции та же ситуация представляется под иным углом зрения (Зимек, 1978: 85).

Утверждение о том, что активные и пассивные конструкции различаются грамматическими способами представления одной и той же ситуации, раскрывает лишь один аспект семантики залоговых конструкций. Известно, что активные и пассивные конструкции не могут свободно взаимозаменяться в тексте. Помимо рассмотренных семантических характеристик они несут дополнительную семантическую информацию, которую, однако, уже нельзя трактовать в терминах предид-

катной логики и референционально-денотативных значений.

Активная и пассивная конструкция, имея идентичное денотативное значение, различаются смыслами (т. е. сигнификативными значениями). Смысл некоторого знака, в том числе и предложения, фактически равен способам осмысленного употребления этого знака в структуре единицы более высокого уровня (Бенвенист, 1974: 137). Смысловая информация, передаваемая залоговыми конструкциями, связана с некоторыми особенностями семантической организации текста, который образует матрицу, предполагающую в определенной ее части употребление той или иной залоговой конструкции (Михеев, 1979).

Семантика залоговых конструкций складывается из референционально-денотативных и смысловых (функционально-коммуникативных и прагматических) компонентов. Залоговые конструкции, функционируя в речи, предстают в двух ипостасях: с одной стороны, они позволяют делать сообщения о тех или иных предметах объективного мира, а с другой стороны, они позволяют выражать субъективное отношение к описываемым предметам в плане их коммуникативной значимости, строить связные тексты в соответствии с требованиями развития функциональной перспективы предложения.

ЛИТЕРАТУРА

- Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 446 с.
- Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. 205 с.
- Бондарко А. В. Теория значения и трактовка категории залога. — В кн.: Проблемы теории грамматического залога. Л.: Наука, 1978, с. 43—49.
- Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. 2-е изд. М.: Высш. школа, 1972. 614 с.
- Гак В. Г. О семантическом инварианте и синонимии предложения. — Сб. науч. трудов/Моск. гос. пед. ин-т иностр. языков им. М. Тореза, 1977, вып. 112, с. 42—50.
- Гухман М. М. Развитие залоговых противопоставлений в германских языках: Опыт историко-типологического исследования родственных языков. М.: Наука, 1964. 294 с.
- Зимек Р. Понимание пассивной перспективы предложения в чешской лингвистике. — В кн.: Проблемы теории грамматического залога. Л.: Наука, 1978, с. 79—87.
- Лейкина Б. М. К проблеме соотношения залога и коммуникативного членения. — В кн.: Проблемы теории грамматического залога. Л.: Наука, 1978, с. 129—137.
- Ломтев Т. П. Предложение и его грамматические категории. М.: Изд-во МГУ, 1972. 197 с.

Михеев С. В. Некоторые причины употребления пассивных конструкций в тексте: На материале английского языка. Калинин, 1979, 23 с. Рукопись представлена Калининск. ун-том. Деп. в ИНИОН АН СССР 16.02. 1979, № 3191.

Мурзин Л. П. Возвратная конверсия предложения: К постановке вопроса. — В кн.: Проблемы теории грамматического залога. Л.: Наука, 1978, с. 118—122.

Сусов И. П. Семантическая структура предложения: На материале простого предложения в современном немецком языке. Тула: Тульск. гос. пед. ин-т, 1973. 141 с.

Чейф У. Л. Значение и структура языка. М.: Прогресс, 1975. 432 с.

Fillmore Ch. J. The Case for Case. — In: Universals in Linguistic Theory. New York: Holt, Reinhart and Winston, 1968, p. 1—91.

Frege G. On Concept and Object. — In: Translations from the Philosophical Writings of Gottlob Frege. Oxford: Blackwell, 1960, p. 23—30.

Daneš F. A Three-Level Approach to Syntax. — In: Travaux linguistiques de Prague. Prague, 1964, t. 1, p. 225—240.

Lyons J. Introduction to Theoretical Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 1968. 519 p.

Reichenbach H. Elements of Symbolic Logic. New York: Macmillan, 1948. 437 p.

Tesnière L. Éléments de syntaxe structurale. Paris: Klincksieck, 1959. 670 p.

В. П. Недялков

(Ленинградское отделение
Института языкознания АН СССР)

К ТИПОЛОГИИ СООТНОШЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТИВА И ПАССИВА

На материале немецкого языка

Во многих языках существуют производные глагольные формы, обозначающие состояния, являющиеся следствием предшествующего действия. Соответствующие значения удобно называть результативным, а саму форму — результативом¹. По способу выражения различаются два основных типа результатива: а) совмещенный и б) несомещенный. В случае а) формы выражения результатива совпадают с формами пассива. Так, например, обстоит дело в языках русском, английском, французском, литовском, узбекском, арабском и др. В случае б) формы результатива не совпадают с формами пассива. При этом в одной группе языков, например, в нивхском, эскимосском, чукотском, арчинском и др., пассива вообще нет. В другой же группе языков результатив и пассив имеют (частично) различные формы. Сюда, например, относятся языки немецкий, норвежский,

испанский, армянский, хинди, китайский, японский и др. Поэтому, например, русские предложения типа *Окно было закрыто*, обладающие, как известно, двумя значениями — состояния (=результатив) и действия (=пассив), имеют два немецких соответствия: а) *Das Fenster war geschlossen* ≈ «Окно являлось закрытым» (результатив; образуется с помощью глагола *sein* «быть» и причастия 2-го) и б) *Das Fenster wurde geschlossen* ≈ «Окно закрыли/закрывали» (пассив; образуется с помощью глагола *werden* «быть» и причастия 2-го). Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы, во-первых, на материале немецкого языка проследить соотношение значений действия и состояния, т. е. значений, которые не выражаются явно в языках с совмещенным результативом, во-вторых, дать дополнительный материал для теоретического осмысления категории результатива — категории, занимающей промежуточное, весьма своеобразное положение в системе категорий ряда языков (см.: Недялков, 1980: 143—151; Höhle, 1978: 35—48; Helbig, 1980: 199—212).

1. **Два основных типа результативов.** В самом общем виде конкретные результативы могут быть подразделены на два основных типа по признаку естественности употребления в изолированном предложении, взятом вне контекста. Те результативы, которые удовлетворяют названному признаку, можно условно именовать неконтекстными, противопоставляя их второму, контекстному типу. Граница между этими типами, естественно, размыта (ср.: Engelhardt, 1969: 175—183).

Неконтекстные результативы образуются от ограниченно-го, хотя и значительного числа транзитивов, подлежащих тем самым перечислению списками. Эта группа подразделяется на собственно результативы и на стативы. Первые обозначают состояние как результат предшествующего действия (ср. (1a) и (1b)), вторые — состояние (или качество), не являющееся результатом предшествующего действия (ср. (2a) и (2b)): (1) а. *Dort ist ein Schild angebracht* (Nichelmann) «Там прикреплена вывеска» (т. е. находится сейчас в прикрепленном состоянии) (презент результатива) ← б. *Dort ist (vor kurzem) ein Schild angebracht worden*² «Там (недавно) была прикреплена вывеска (прикрепили вывеску)» (перфект пассива); (2) а. *Als ein witziger Sprecher war er allgemein geschätzt* (Desczyk) «Как остроумного собеседника его все ценили», букв. «Он был... ценим» (претерит статива); б. *Als ein witziger Sprecher wurde er all-*

gemein geschätzt — перевод тот же (претерит пассива). Поскольку действие, описываемое в (1b), имплицитно подразумевает существование (хотя бы на краткое время) состояния, описываемого (1a), а состояние, описываемое в (1a), всегда имплицитно подразумевает действие (1b), оба эти предложения могут, в принципе, относиться к одной денотативной ситуации. Различие будет состоять лишь в способе представления события — как результативного состояния или как завершенного действия, в зависимости от намерения говорящего.

Контекстные результативы, в отличие от неконтекстных, образуются от такого большого числа транзитивов, которое вряд ли можно уточнить (в частности, здесь, т. е. в соответствующих контекстах, могут употребляться и транзитивы, характерные для неконтекстных результативов). Привожу примеры изолированного (3a и 4a) и контекстного (3b и 4b) употреблений относящихся сюда результативов: (3) а. *Das ist erzählt «Это рассказано» (презенс результатива неправилен; нужен пассив ist erzählt worden); б. Der Rest ist schnell erzählt (Remarque) «Остальное можно быстро рассказать»; (4) а. *Er war niedergeschlagen «Он был сбит с ног» (претерит результатива неправилен; нужен пассив: wurde niedergeschlagen); б. Im Nu war (→wurde) auch der alte Hanfstengel niedergeschlagen (Scharrer) «В одно мгновение старый Ханфштенгель был также сбит с ног»; с... *war niedergeschlagen worden (претерит результатива синонимичен здесь претериту пассива, но не плюсквамперфекту пассива). Отсюда следует, что простая регистрация всех транзитивов, засвидетельствованных в РК (ср.: Brinker 1971: 94), дает очень мало.

С одной стороны, значение многих контекстных результативов чаще всего без натяжек трудно подвести под значение результативного состояния (разве что в каком-то производном, переносном или же фиктивном смысле). Налицо как будто бы акциональное значение. Однако, с другой стороны, если в сочетании с собственно результативами (прежде всего с континуальными; см. 2.1.1) обстоятельства типа *вчера* указывают на время наличия состояния (см. (5)), а в сочетании с пассивами — на время совершения действия (см. (6a)), то с контекстными результативами эти обстоятельства чаще всего вообще не могут сочетаться (см. (6b)). Ближайшей параллелью здесь является английский перфект. Таким образом, положение контекстных результативов очень своеобразно. Примеры: (5) Gestern (noch)

war dort ein Schild angebracht «Вчера (еще) там была прикреплена вывеска» (претерит результата); (6) a. Ich bin gestern geschickt worden, um... «Я был вчера послан, чтобы...» (перфект пассива); b. Ich bin (*gestern) von Herrn Oberstleutnant geschickt, die Abteilung vorzuführen (Renn) «Я послан (*вчера) господином подполковником, чтобы вывести отряд» (презент результата).

Рассмотрим подробнее названные выше группы результатов.

2. Неконтекстные результаты. Этот тип, как отмечалось выше, подразделяется на два подтипа.

2.1. Собственно результаты. Здесь можно различать по крайней мере две разновидности результатов по признаку сочетаемости с показателями ограниченной (*в течение часа, долго*) и неограниченной (*все еще*) длительности. Результаты, допускающие такую сочетаемость, именуются континуальными, не допускающие — неконтинуальными (ср.: Коленько, 1955: 139; Vaagland, 1975: 207—326; Schendels, 1979: 74).

2.1.1. Континуальные результаты. Дополнительными признаками многих относящихся сюда результатов являются *обратимость результативного состояния* (т. е. его потенциально временный характер), а также возможность (зрительно) опознать предшествующее действие в воспринимаемом состоянии. Здесь типичны, например, результаты, образованные от трехактантных транзитивов, обозначающих закрепление, фиксацию предмета где-либо (*прикрепить, покрыть, заасфальтировать, запачкать* и т. д.), а также изменения, связанные с функционированием предмета (*открыть, закрыть, запрячь, зарядить, включить* и т. п.). В ситуации, описываемой результатами, обычно участвуют два-три пространственно контактирующих актанта. Они могут быть эксплицитны (см. (1a) и (7)) или имплицитны в результативной конструкции (ср. (9), где «воротник» предполагает «пальто»): (7) An die Wände waren mit Kreide Bilder gemalt (Renn) «На стенах мелом были нарисованы картины»; (8) Gollwitz riß die Flinte vom Rücken, aber sie war nicht geladen (Nichelmann) «Гольвиц рванул ружье с плеча, но оно не было заряжено»; (9) Sein Kragen war aufgeschlagen (Scharrer) «Его воротник был поднят».

2.1.2. Неконтинуальные результаты. Сюда относятся результаты, образованные от транзитивов, не обладающих семантической общностью, типа приведенной выше, т. е. яв-

ляющиеся немаркированными по этому признаку. Здесь и *скосить*, и *уволить*, а также *крестить*, *одобрить*, *спасти*, *известить* и многие другие глаголы, конкретное содержание которых (т. е. сам способ совершения действия) является чаще всего менее ясным, чем в случае 2.1.1. Пример: (10) «Ich bemerke, daß Ihre Familien benachrichtigt sind» (Leonhard) «Замечу, что ваши семьи извещены».

2.2. **Стативы.** По признаку из 2.1 эти образования являются континуальными. Круг транзитивов, образующих стативы, значительно уже, чем круг транзитивов, образующих собственно результитивы. Эти транзитивы обозначают (хотя бы в одном из своих значений) дуративные действия или даже состояния. Можно выделить четыре группы стативов: 1) эмотивные стативы (образуются от транзитивов типа *обижать*, *возмущать*, *воодушевлять* и т. п. и/или от однокоренных рефлексивов типа *возмущаться* и т. п.; см. (11)); 2) модальные стативы (от транзитивов типа *вынуждать*, *обязывать* и т. п.; см. (12)); 3) качественно-дуративные стативы (от транзитивов типа *любить*, *ненавидеть*, *следить*, *характеризовать* и т. п.; см. (2)); 4) локативные стативы (от транзитивов типа *окружать*, *соединять*, *ограничивать* и т. п.; см. (13)): (11) а. Er war darüber empört «Он был возмущен этим»; б. Er empörte sich darüber «Он возмущался этим»; в. Das empörte ihn «Это возмущало его»; д. * Er wurde empört; (12) а. Ich bin dadurch gezwungen... «Я вынужден из-за этого...»; б. Das zwingt mich... «Это вынуждает меня...» (13) а. Das Dorf ist (—> wird) von Bergen umgeben «Деревня окружена горами»; б. * Das Dorf ist von Bergen umgeben worden. Стативы сохраняют, как правило, семантические актаны исходных транзитивов, являясь (как и видно из (2), (11)—(13)), двухактантными (ср. 2.1.1). Это, видимо, второй основной признак, объединяющий статив всех четырех групп, после признака семантического соответствия одноименных временных форм у статива и у актива и/или пассива (см. (2)). Стативы отличаются семантической пестротой. В этой связи можно отметить, что целый ряд стативов по сути дела адъективирован (ср.: *begehrt sein* «быть желанным»), другие звучат архаично (*geliebt sein* «быть любимым»; нужен пассив *geliebt werden*), наконец, третьи представляют собой скорее всего «авторскую вольность» (ср. *beobachtet sein* «быть наблюдаемым» у А. Зегерс; здесь нужен пассив *beobachtet werden*). Характерно отсутствие у ряда эмотивных

стативов соотносительных пассивов (ср. (11d)); (ср.: Spitzer, 1927: 152—154; Вычегжанин, 1971: 81—88).

3. Контекстные результаты. Здесь употребление транзитива в форме результата обусловлено такими основными типами контекстов (в широком смысле слова), как: 1) ситуативно-речевой (связь с моментом речи), 2) лексический (наличие в предложении слов с определенным значением), 3) позиционный (сочинительная конструкция, позиция инфинитива и т. п.), 4) текстовой (характер включения в цепь последовательных или одновременных событий), 5) коммуникативный (интонационное выделение или лексическое насыщение нерематических РФ). Возможно совмещение некоторых из названных контекстов. Один и тот же конкретный результатив может, естественно, употребляться в разных контекстах. Транзитивы, приводимые ниже в примерах к этому разделу, чаще всего отклоняются информантами при предъявлении их в изолированных предложениях, взятых вне контекста, т. е. в примерах типа (3a) и (4a) (schicken, ablehnen, sagen, kaufen, erschießen, niederschlagen, füttern, einholen, verfassen, schreiben, rufen, bringen). Внутри названных пяти типов контекстов выделяются частные контексты (всего 13 типов), которым даны условные (частично) наименования.

3.1. Ситуативно-речевой контекст. Здесь результаты, используемые в устной речи, встречаются в двух основных типах контекстов. По ситуации возможен лишь презенс результата.

1) Перфектный контекст. Действие (часто — действие ожидаемое) относительно недавно закончилось, его результат актуален. Преобразование в перфект пассива обычно возможно, но отодвигает момент действия в более давний временной план, не имплицуруя (хотя обычно и не исключая) его актуальности для момента речи. Так, из (6b) ясно, что говорящий находится при выполнении поручения, а (6a) этого не имплицурует. Ср. также (14) а. Das Buch ist geschrieben «Книга (была) написана»; б. Das Buch ist geschrieben worden «Книга (была) написана». Пример (14a) уместен в той речевой ситуации, когда (ожидаемое) действие (только что) завершено и книга находится перед глазами, в то время как (14b) лишь сухо сообщает об имевшем место действии.

2) Перформативный контекст. Здесь говорящий выступает одновременно и как агенс, поскольку в описываемой ситуации слово и действие совпадают (ср. коинциденцию Э. Кош-

мидера). Возможно преобразование в презенс актива или пассива с сохранением общего смысла: (15) а. Richter: Der Antrag ist abgelehnt, букв. «Судья: «Предложение отклонено»; б. Der Antrag wird abgelehnt «Предложение отклоняется»; с. Ich lehne den Antrag ab «Я отклоняю предложение».

3.2. Лексический контекст. Рассматриваемые ниже контексты, как и контексты из 2.1, характерны главным образом для устной речи. Результативные конструкции здесь преобразуются в другие конструкции, звучащие стилистически более нейтрально (в результативной конструкции может проявляться динамичность, внезапность, экспрессия или категоричность). Преобразование в перфект пассива во всех четырех контекстах невозможно. Во всех контекстах необходимо присутствие обстоятельств.

1) **Адвербиально-модальный контекст.** Обстоятельства типа leicht «легко» обязательны, поскольку эта конструкция является по сути дела двупредикатной (см.: Недялков, 1979: 43). Значение вневременное. Более обычна здесь инфинитивная конструкция; ср. (16) а. Das ist leicht gesagt» (Kerndl), букв. «Это легко сказано»; б. Das ist leicht zu sagen «Это легко сказать». См. также (3).

2) **Адвербиально-аористный контекст.** Более обычен здесь претерит пассива. Результатив, искусственно фиксируя внимание на конечной точке динамической ситуации (fait-accomplí-Effekt), как бы имитирует наличие состояния. Этим достигается живость описания. См. пример (4).

3) **Адвербиально-футуральный контекст.** От 4) этот случай отличается отнесенностью действия к плану предстоящего. Презенс пассива (со значением будущего времени) здесь звучит более нейтрально: (17) «Ich sage, in fünf Minuten ist (—> wird) er erschossen» (Leonhard), букв. «Я говорю, через пять минут он расстрелян».

4) **Консеквентно-футуральный контекст.** В этом случае описывается следствие, (автоматически) наступающее в будущем после соответствующего предыдущего поведения денотата подлежащего. Презенс пассива (со значением будущего времени) — более нейтральный вариант: (18) «Stemme drei Zentner, Iwan, und du bist (— wirst) gekauft» (Seeger), букв. «Выжми полтора центнера, Иван, и ты куплен».

3.3. Позиционный контекст. Здесь можно назвать не менее трех разновидностей.

1) **Сочинительный контекст.** В сочинительных конструкциях с предикативами — прилагательными, наречиями или

с перфектом с sein результатив не допускает преобразования: (19) ...griff er endlich zum Hammer, und keine halbe Stunde, und Kania war eingeholt und hinten (Fallada) «...он брал, наконец, молоток, и не прошло и получаса, как он нагонял Каниа и оставлял его позади», букв. «...как Каниа был нагнан и позади».

2) **Контекст с результативом в инфинитивной форме.** В позиции инфинитива противопоставленность результатива и пассива может ослабляться: (20) ...denn es muß gesagt sein (→ gesagt werden) (Eichhorn-Nelson) «...так как это должно быть сказано».

3) **Контекст с результативом в придаточном предложении.** В придаточных предложениях, содержащих (благодаря значению союзов) указание на завершенность, противопоставленность результатива и пассива также может ослабляться (нейтрализация?): (21) а. «Sie haben gesungen, bis der letzte erschossen war» (Frisch) «Они пели до тех пор, пока не был расстрелян последний»; б. ...erschossen worden war; с. ...erschossen wurde.

3.4. **Текстовый контекст.** Здесь возможность или необходимость употребления результатива, а не пассива связана с характером включения результатива в связный текст, с характером связи с «соседними» сказуемыми. Можно выделить два случая.

1) **Причинно-следственный контекст.** Здесь презенс результатива предполагает, в отличие от возможного перфекта пассива, соотнесенность обозначаемого результата с каким-то дальнейшим событием, как бы обуславливает его: (22) Der Kranke ist nach Hause gebracht (→ ist gebracht worden), der Arzt ist gerufen (→ ist... gerufen worden), jetzt wendet sich der hilfsbereite Nachbar wieder seiner unterbrochenen Arbeit zu «Больной принесен домой, врач позван, теперь сосед, который охотно помогает, принимается за прерванную работу» (пример из: Steube, Walter, 1972: 26).

2) **Описательно-статический контекст.** Здесь результатив употреблен в цепи характеристик (местности, внешнего вида и т. п.), не сменяющих друг друга, а как бы выступающих одновременно для описания чего-то целого. Преобразование в перфект пассива ниже невозможно: (23) Die Sonne... steigt, und der Schnee glänzt auf. Das Vieh ist gefüttert (→ * ist gefüttert worden). Annegret bringt Ole Frühstück (Strittmater) «Солнце поднимается, и снег начинает блестеть. Скотина накормлена. Ангрет приносит Оле завтрак».

3.5. Коммуникативный контекст. Этот случай характерен для нерематических результатов, т. е. для результатов, значение которых в общем виде уже имплицитно задано значением подлежащего. Поэтому, например, вне контекста (14а) звучит странно: неясно коммуникативное задание (ведь естественно, что если бы книга не была написана, то ее не существовало бы; ср.: Ноженко, 1961: 188). Такие результаты обычно рематически «усиливаются» либо употреблением с другими словами, либо путем интонационного выделения результата. Преобразование в перфект пассива обычно возможно.

1) **Контекст с ремой при результате.** В роли ремы могут выступать обозначения агенса, показатели времени (см. (42)), обстоятельства образа действия и т. д. Таким образом, здесь агентивное дополнение выступает как своего рода качественная характеристика денотата подлежащего: (24) а. «Das Buch... ist von einem Arzt verfaßt» (Fallada) «Книга сочинена врачом»; б. ...ist verfaßt worden.

2) **Контекст с рематизацией результата.** Здесь путем интонационного (или иного) выделения результата употребление последнего получает коммуникативное оправдание: (25) Das Buch muß, da es nun einmal verfaßt ist (—→ verfaßt worden ist), veröffentlicht werden «Книга, поскольку она уже написана, должна быть опубликована».

4. **Неправильное употребление результата вместо пассива.** Все возрастающее распространение этого явления неоднократно отмечалось в специальной литературе (Engel, 1977: 121; Helbig, Kempter, 1923: 14). Такие случаи особенно характерны для диалектально окрашенной речи (здесь существенно, в частности, влияние нижненемецкого; см. (25)), а также для индивидуальных отклонений от нормы у некоторых писателей (см. (26)). Неправильность (25) объясняется тем, что здесь обстоятельство указывает на время действия (ср. пояснения к (6), а также 6): (25) а. «Ich bin doch erst um ein Uhr zwanzig entlassen» (Fallada), букв. «Но ведь я только в час двадцать отпущенный»; б. ...bin entlassen worden; (26) а. Der war ausgeschiedt, um... Ordnung herzustellen (Feuchtwanger) «Он был послан, чтобы восстановить порядок»; б. ...war ausgeschiedt worden (ср., однако, (6б) и пояснения в 1) из 3.1).

5. **Устойчивые результаты.** Употребление устойчивых результатов не связано с проблемой выбора «результатив или пассив». По этому признаку сюда относятся, например,

многие эмотивные стативы, у которых соотносительные пассивы неупотребительны (см. (11d)). Другой тип устойчивых результатов образует результаты в переносном употреблении (см. (28) и (29)). В устойчивых, большей частью архаичных выражениях со значением пожелания и приветствия результаты встречаются вместо пассивов в императиве: (27) Sei geküßt! «Целую», букв. «будь поцелован» (в письме); (29) Damit ist noch gar nichts gesagt «Это еще ничего не значит»; (29) «Was? Die sind wohl vom Affen gebissen!» «Что? Они, видно, не в своем уме!».

6. **Агенс при результативе и при пассиве.** При результативе вопрос об агенсе обычно не возникает. Представление об агенсе (предшествующего!) действия может возникать лишь благодаря лексическому значению исходного транзитива, т. е. идея агенса здесь как бы домысливается, в то время как при пассиве на агенс четко указывает форма глагола. Поэтому преобразование результатив → пассив не только влечет за собой изменение типа «состояние → действие», но и заметно оживляет присутствие (анонимного) агенса в описываемой ситуации. Так, в (30a) результатив четко указывает на состояние, подчеркивая смысл «куртки здесь нет», а в (30b) пассив указывает на закончившееся действие, кем-то выполненное, т. е. выражает смысл «куртку украли» (ср. также (1a) и (1b)): (30) a. «Da war einer drin», sagten sie, «deine Jacke, Helwig, ist gestohlen» (Seghers); b. ...ist gestohlen worden. См. также (1) и 7.

7. **Агентивное дополнение.** Хотя частотность агентивного дополнения (т. е. того члена результативной конструкции, который соответствует подлежащему активной конструкции) в результативной и пассивной конструкциях не очень отличается друг от друга, составляя 12,6% и 13,7% соответственно (Brinker, 1971: 107), качественные различия по этому признаку между обеими конструкциями значительны (ср. 6). Здесь важен уже сам набор транзитивов в этих конструкциях: в результативных конструкциях лишь 50% транзитивов предполагают одушевленный агенс, в то время как в пассивных — 90% (Schoenthal, 1976: 192—196). Существенно, что агентивное дополнение всегда можно, в принципе, добавить в пассивную конструкцию, но отнюдь не всегда — в результативную. Так, Г. Хельбиг отмечает неправильность (31) и правильность (32) (Helbig, Kempfer, 1973: 23), ср. (31)* Das Fenster ist von ihnen geöffnet; (32) Die Thesen sind von ihm gebilligt. Видимо, не случайно результатив из

(31) относится к типу из 2.1.1, результатив из (32) — к типу из 2.1.2. Невозможность агентивного дополнения для типа 2.1.1 объясняется тем, что по внешнему виду окна нельзя судить о том, кто именно его открыл. В таких случаях для употребления агентивного дополнения нужны особые условия. Они есть, например, в (33), где на агенса указывает содержание плаката; ср.: (33) In seinem eigenen Hof... war ein Plakat von den Kommunisten angeklebt (→ war... angeklebt worden): «Wer Hindenburg wählt, wählt Hitler» (Seghers) «В его собственном дворе коммунистами был приклеен плакат: «Кто голосует за Гинденбурга, тот голосует за Гитлера» (пример из: Ноженко, 1961: 181—184).

Агентивное дополнение, обозначающее активное лицо, встречается в результативных конструкциях всего примерно в 15% текстовых примеров с агентивным дополнением. Эти нетипичные случаи обычно допускают определенное объяснение (см. (33), (6b) и пояснения в 1) из 2.1; (24)). Более 50% случаев приходится на результативы с локативными агентивными дополнениями типа (13) и (36), т. е. на двухактантные результативы. Около 15% примеров содержат каузативное агентивное дополнение (значение причины или средства), представленное, например, в (14a), (15a), (34) и (35). И, наконец, в 10% примеров с агентивным дополнением представлены различные индивидуальные и неясные случаи (см., например, (30)). Ср.: (34) a. «...weil ich von Ihrem Schicksal erschüttert war» (Fallada) «...так как я был потрясен Вашей судьбой»; b. «...? erschüttert worden war»; c. «? erschüttert wurde»; (35) a. Mein Ärmel ist aufgerissen durch einen Splitter (Remarque) «Мой рукав разорван осколком»; (36) Das ganze Gelände war bereits von den Franzosen besetzt «Вся местность была занята французами». Таким образом, чаще всего наличие агентивного дополнения в результативной конструкции объясняется тем, что оно *предполагается значением соответствующего двухактантного результата*.

8. Говорящий и посессор в результативных и пассивных конструкциях. Как уже отмечалось выше (см. 6), в результативных конструкциях обычно не возникает вопроса об агенсе. Однако по ситуации иногда оказывается, что говорящий и/или посессор выступают как естественные (или, по крайней мере, возможные) агенсы. Преобразование же результатив → пассив обычно исключает их из числа возможных агентов. Так, если в (37) агенсом является скорее всего

сам говорящий, то в (38) пассив определенно указывает на то, что действие совершил не говорящий. Пример (38) оставляет открытым вопрос об агенсе (но по ситуации скорее всего лицо пудрила сама женщина). Вариант (38b) звучит несколько неестественно, невольно вызывая вопрос «Кто пудрил?» При этом скорее имплицитруется, что пудрил не посеток (ср.: Недеялков, 1970: 33—37). Ср.: (37) а. «Das Glas ist halb geleert, ich habe also einige gute Schlucke vor mir» (Remarque), букв. «Стакан наполовину опорожнен, у меня еще есть несколько хороших глотков»; б. ...ist geleert worden «...опорожнили»; (38) а. Das Gesicht der Frau war stark gerudert (Remarque) «Лицо женщины было сильно напудрено»; б. ...war gerudert worden «...напудрили».

9. Обстоятельство места при результативе и при пассиве. Обстоятельства места встречаются при пассиве чаще, чем при результативе, а главное — они в принципе могут быть добавлены в любую пассивную конструкцию. В результативных конструкциях дело обстоит иначе: у одной, относительно меньшей группы результативов обозначение места входит в число обязательных или факультативных актантов (см. (1), (7)), у других же результативов обозначение места вообще не сочетается со значением результатива и требует его преобразования в пассив; ср. (39) а. Er ist (*dort) bewaffnet «Он (*там) вооружен»; → б. Er ist dort bewaffnet worden «Его там вооружили».

10. Обстоятельство времени при результативе и при пассиве. Обстоятельства типа *вчера*, как уже отмечалось выше, указывает при результативе на время существования состояния, а при пассиве — на время действия (ср. (5) и (6a)). Поскольку длительность состояния в принципе не ограничена, эти обстоятельства указывают лишь на один из отрезков времени, когда соответствующее состояние кем-либо воспринималось. По названной причине обстоятельства типа *вчера* не очень вяжутся со значением многих результативов, особенно неконтинуальных, хотя и не исключены; ср. (40) а. Am anderen Morgen waren von zehn Bäumen die Äpfel gestohlen (Scharrer) «На другое утро яблоки были украдены с десяти деревьев»; б. ...waren gestohlen worden. В (40a) речь идет о времени обнаружения состояния, в (40b) — о времени действия.

Не на время состояния, а на время действия указывает обстоятельство времени при некоторых нерематических результативах (см. 1) в 2.5), где оно выступает скорее как

своего рода качественная характеристика денотата подлежащего; ср. (41) Diese Stadt ist im Jahre 1794 gegründet (→ wurde... gegründet) «Этот город основан в 1794 году».

К сказанному в 2.1 о сочетаемости результатов с показателями длительности можно добавить следующее. Обстоятельства типа *so* *вчера* обычно легко сочетаются с континуальными результатами (но не с соотносительным перфектом пассива; ср. (42a) и (42b)), однако только тогда, когда при результате нет отрицания. Если же отрицание присутствует, то тогда, напротив, предпочтителен перфект пассива (см. (42c)), что объясняется отсутствием фактического результата действия: (42) a. Seit gestern sind die Äpfel verpackt «Со вчерашнего дня яблоки упакованы»; b. * Seit gestern sind die Äpfel verpackt worden; c. Seit gestern sind die Äpfel nicht verpackt worden.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эта статья непосредственно примыкает к моей ранее опубликованной работе (см.: Недялков, 1980: 143—151).

² Примеры без указания авторов и оценки преобразований получены от информантов. Ниже для экономии места преобразования нередко даются в скобках внутри текстового примера.

ЛИТЕРАТУРА

Выцегжанин В. В. Характеристика глаголов типа *aufregen*. — В кн.: *Вопр. ром.-герм. языкознания*. Челябинск: Челяб. гос. пед. ин-т, 1971, вып. 2, ч. 2, с. 81—88.

Коленько Е. А. Конструкция *sein* с причастием II в современном немецком языке. — *Учен. зап./1 Моск. гос. пед. ин-т иностр. языков*, 1955, т. 7, с. 133—144.

Недялков В. П. Заметки о пассивной и каузативной конструкциях в немецком языке. — В кн.: *XXII Герценовские чтения: Иностранные языки*. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1970, с. 33—37.

Недялков В. П. Заметки по типологии двупредикатных конструкций: Опыт исчисления. — В кн.: *Значение и смысл речевых образований*. Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1979, с. 35—47.

Недялков В. П. Заметки по типологии результативных конструкций: перфектив, результатив, перфект, пассив. — В кн.: *Коммуникативно-прагматические и семантические свойства речевых единств*. Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1980, с. 143—151.

Ноженко П. Н. Употребление конструкции *sein* с причастием II переходных глаголов в современном немецком языке. — В кн.: *Вопросы теории немецкого языка*. Иркутск: Ирк. гос. пед. ин-т иностр. языков, 1961, т. 2, с. 173—191.

Brinker K. *Das Passiv im heutigen Deutsch: Form und Funktion*. München, 1971. 160 S.

Engel U. *Syntax der deutschen Sprache*. Berlin, 1977. 307 S.

Engelhardt H. *Realisiertes und Nichtrealisiertes im System des deut-*

schen Verbs: Das syntaktische Verhalten des zweiten Partizips. Göppingen, 1969. 209 S.

Helbig G., Kempter F. Das Zustandspassiv. Leipzig, 1973. 48 S.

Helbig G. Zustandspassiv, sein-Passiv oder Stativ? — In: Kopenhagener Beiträge zur Germanistischen Linguistik. Kopenhagen, 1980, Sonderband 1, S. 199—212.

Höhle T. N. Lexikalistische Syntax: Die Aktiv-Passiv-Relation und andere Infinitkonstruktionen im Deutschen. Tübingen, 1978. 198 S.

Schendels E. Deutsche Grammatik. Moskau: Vysšaja škola, 1979. 397 S.

Schoenthal G. Das Passiv in der deutschen Standardsprache. München, 1976. 258 S.

Spitzer L. Als er das hörte, war er überrascht. — Germ.-rom. Monatsschrift, 1927, XV. Jg., H. 3—4, S. 152—154.

Steube A., Walther G. Zur passivischen Diathese im Deutschen. — In: Linguistische Arbeitsberichte. Berlin, 1972, Nr. 5, S. 17—48.

Vaagland E. M. Zur Fügung bleiben + Part. II im heutigen Deutsch. — Norw. J. Linguistics, 1975, vol. 29, p. 207—236.

Ю. В. Попов

(Кубанский госуниверситет),

Т. П. Трегубович

(Минский госпединститут имени А. М. Горького)

О ПРЕДИКАЦИИ В ТЕКСТЕ

В семантических исследованиях в последнее время широко используется неграмматическое понятие предиката как при анализе синтаксических структур, так и при изучении проблем номинации. Заимствованное из современной пропозициональной логики, это понятие представляется многим лингвистам весьма удобным для анализа и описания «признаковой» семантики языка на некотором «глубинном» уровне. Доказательства тому, причем убедительные, мы находим во многих работах, в частности, в тонких и оригинальных исследованиях Н. Д. Арутюновой (см., например: Арутюнова, 1976 и 1980).

Следует подчеркнуть, что речь идет именно о пропозициональном предикате, который по своим свойствам отличен (по крайней мере, в глазах лингвиста) от логического предиката в традиционной схеме суждения *С (есть) П*. Отличие состоит в том, что аргументы пропозиционального (многоместного) предиката равноправны и, следовательно, приписывать одному из них функцию субъекта нет оснований. По той же причине нельзя, видимо, и аргумент одноместного предиката квалифицировать как субъект. Для сторонников

вербоцентрической теории предложения это обстоятельство не создает проблем при семантической интерпретации, ибо несколько не мешает приписывать аргументам предиката актантные функции, или роли, чем и перекидывается мостик между пропозициональной глубинной структурой предложения и ее поверхностной репрезентацией. Те же, кто не отказывает грамматическому субъекту в особом статусе, вынуждены специально учитывать вышеупомянутое обстоятельство, как это делает, например, И. П. Сусов, различая реляционную (собственно пропозициональную) структуру и ее вторичное субъектно-предикатное членение как два уровня, этапа порождения предложения (см.: Сусов, 1973: 51 и сл.).

Представление о многоступенчатом характере порождающего языкового процесса в концепции И. П. Сусова заслуживает особого рассмотрения. Но для наших целей достаточно указать на принципиальный аспект проблемы, с которой непременно сталкиваются лингвисты, стоящие на любых позициях, если только они не отрицают структурированности языкового плана содержания: между этими структурами и их поверхностной репрезентацией нет и не может быть прямого соответствия, они соотносятся между собой через систему опосредующих отношений.

В свете идей порождающей грамматики эту старую истину следует, по-видимому, трактовать следующим образом: между языковым выражением и его «смыслом» наличествует интервал, заполненный какими-то операциями, которым «смысл» должен быть подвергнут, с тем чтобы он мог быть данными средствами выражен. Возможность расчленения такого процесса на этапы позволяет при статическом подходе рассматривать их как уровни «глубины» выражаемого содержания.

По нашему мнению, сущность этого процесса состоит в речевой актуализации пропозиционально структурированного смыслового содержания. Иными словами, мы согласны с И. П. Сусовым в том, что исходным материалом для создания текста являются отобранные реляционные (логико-смысловые) структуры, но считаем, что их преобразование в подлежащие поверхностной репрезентации семантические структуры осуществляется в речевой системе актуализационных отношений — промежуточном звене между системой языка и системой текста (несколько подробнее об этом см.: Попов, 1980). Подвергаясь актуализационным преобразованиям, исходные элементы языкового содержания,

очевидно, испытывают некоторое «приращение» свойств, обеспечивающее возможность их последующего выражения в тексте с нужным коммуникативным эффектом. Поэтому естественно полагать, что актуализированные семантические структуры «ориентированы» в двух направлениях — как на исходные пропозициональные структуры, так и на поверхностную лексико-грамматическую репрезентацию их в тексте.

Сугубо важным моментом актуализации высказывания (конкретного предложения текста) являются, на наш взгляд, актуализационные преобразования пропозициональных предикатов в единицы семантической структуры, которые нам кажется целесообразным объединить под названием семантической (речевой) предикации высказывания.

Семантическая предикация понимается нами как процесс ранжирования пропозициональных предикатов высказывания, тесно взаимосвязанный с другими актуализационными процессами — номинацией, темо-рематизацией, иллюкутивацией и т. д. При этом возможно не только «понижение в ранге» предиката (ср.: Вейнрейх, 1970: 201 и сл.), но и его «повышение», связанное с присвоением одному из его аргументов функции субъекта либо с употреблением самого предиката в этой позиции (см. ниже).

Подобно тому, как логическая предикация конституирует структуру пропозиции, а грамматическая — формальную структуру предложения, семантическая предикация определяет семантическую структуру высказывания; пропозициональные предикаты наделяются функционально различным ранговым статусом и ставятся (в рамках высказывания) в определенные отношения друг к другу, что, в конечном счете, и является основанием существования высказывания как единицы текста со всеми прочими его свойствами. Надо заметить, что участие предикации в семантической организации высказывания не ограничивается лишь собственно «предикативной» сферой. Пропозициональные предикаты могут быть «понижены в ранге» и до уровня (семантических) атрибутов к референтным именам, т. е. актуализироваться в сфере референтной номинации. Такие случаи иногда нелегко по форме отличить от тех, когда грамматический атрибут репрезентирует предикат, не «пониженный в ранге»; ср.: *Я ем спелые яблоки* — либо здесь один предикат, либо два с отношением условия между ними: *Я ем яблоки, если только они спелые*. В тексте выбор подобных вариантов обычно предопределен или нерелевантен.

Одной из наиболее сложных и, по-видимому, спорных проблем семантической предикации является вопрос о «предикатах предикатов». На пропозициональном уровне все они представляют собой включающие предикаты с включенными предикатами в аргументных позициях. Однако в исследованиях, ставящих своей целью «глубинный» анализ семантики предложения, эти единицы получают различное толкование. Одни предпочитают говорить именно о включающих предикатах, предоставляя им тем самым то же место в семантической структуре предложения, какое они занимают в пропозициональной структуре (ср., например: Богданов, 1977: 77 и сл.); другие вводят понятие модификаторов (квалификаторов, операторов и т. п.), которые, подобно логическим кванторам, «выносятся за скобки» структуры, детерминируя ее целиком в том или ином семантическом отношении (ср.: Сузов, 1973: 97 и сл.).

В числе модификаторов, относящихся к «предложению в целом», чаще других упоминаются элементы со значением модальности и темпоральности, что объясняется, очевидно, влиянием индоевропейской грамматической традиции. Но так как семантическая структура высказывания ориентирована не только на поверхностную репрезентацию, но и на исходную пропозициональную структуру, слишком прямые грамматические аналогии вряд ли уместны. Поэтому более универсальным и адекватным нам представляется понятие включающих предикатов, подчеркивающее общую особенность их пропозиционального статуса: *Пред (Пред)*.

С другой стороны, однако, между включающими предикатами, конечно же, существуют различия, как семантические, так и структурные, т. е. связанные с их позицией в пропозициональной структуре еще до ее актуализации. Эти различия определенным образом проявляют себя при актуализации высказывания, при его семантической предикации.

Хорошо известно, что определяющие признаки во многих синтаксических структурах репрезентируются как подчиненные определяемому, тогда как семантически именно признак подчиняет себе определяемое (ср., например: Богданов, 1977: 94). Но в последнем случае вернее все же говорить не о семантическом, а о логическом подчинении, вытекающем из аргументной позиции определяемого. В семантической структуре дело обстоит, по-видимому, несколько иначе. Если на пропозициональном уровне все включенные предикаты занимают позиции аргументов, то в семантической

структуре не все из них актуализируются в функции актантов.

Рассмотрим следующее высказывание, отвлекаясь для удобства иллюстрации от всех нелексически репрезентируемых предикатов: *Бойцы* (A_1) *успешно* (Π_1) *отбили* (Π_2) *атаку* (Π_3) *противника* (A_2) — в пропозициональной записи: $\Pi_1 (\Pi_2 (A_1, \Pi_3 (A_2)))$. Различие между включающими предикатами (Π_1) и (Π_2) состоит в том, что предикат (Π_2) *отбить* связан семантическими отношениями со всеми подчиненными ему логически элементами — (A_1), (Π_3) и (A_2) (ср.: *Бойцы отбили атакующего противника*), тогда как предикат (Π_1) связан семантически лишь с (Π_2) и только опосредованно через него (структурно) — с остальным пропозициональным содержанием. Можно предположить поэтому, что в исходном пропозициональном материале, отобранном для актуализации в рамках высказывания, включающие предикаты типа (Π_1) отличаются тем, что образуют пропозиции с единственным аргументом — включенным предикатом, в нашем примере: $\Pi_1 (A_1, \Pi_3 (A_2)) \Pi_1 (\Pi_2)$. Однако в результате актуализации, т. е. в семантической структуре высказывания, рекуррентия предиката (Π_2) снимается, и он актуализируется лишь в своей первичной функции, конституируя структуру $\Pi_2 (A_1, \Pi_3 (A_2))$, в то же время как (Π_1) «понижается в ранге» и оказывается семантически подчиненным детерминантом к (Π_2), его предикатором (этот термин представляется удобным, хотя он уже употребляется в других значениях).

Таким образом, логическое отношение включения между предикатами может актуализироваться либо как интрапропозициональное (аргументно-предикатное), либо как интрапредикатное (предикаторно-предикатное). Отношение первого типа может быть экспликативным (включающие предикаты с семантикой субъективных ощущений или локутивных), каузативным (семантика каузации состояния или понуждения, просьбы, совета) или комплетивным (в тех случаях, когда аргументную позицию может занимать как предикатная, так и референтная номинация).

Интрапредикатные отношения различаются соответственно семантическим классам предикаторов, которые пока еще недостаточно исследованы. Думается, что к изучению этого явления следует подходить, опираясь на общую семантическую функцию предикаторов: они призваны модифицировать

или детерминировать статус экзистенциальности, присущий любому признаку в позиции предиката.

Не претендуя на полноту списка, в числе таких отношений можно назвать модальные, темпоральные (абсолютные и относительные, хронологические), фазисные, локальные, качественные, количественные (степень и кратность признака). Особую роль играют предикаторы, которые мы назовем фактивными: *принять решение, дать совет, сделать прыжок* и т. п. Сочетания такого типа не являются идиоматичными и, следовательно, вопреки распространенной традиции, не должны исключаться из семантического анализа (ср. понятие вербализаторов: Вейнрейх, 1970: 211 и сл.).

Мы по-прежнему отвлекаемся от вопроса о грамматически репрезентируемых предикаторах, поскольку их лексическая репрезентация, пусть менее регулярная, более универсальна. Но именно в связи с лексической репрезентацией возникает проблема: если *принять решение* = *решить*, а *снова начать работать* = *возобновить работу* и т. д., следует ли таким одинаковым по значению выражениям приписывать одинаковые же семантические структуры? Думается, что нет, поскольку семантическая структура высказывания, сохраняя в себе в трансформированном виде пропозициональную структуру (которая в подобных случаях действительно одна и та же), в то же время ориентирована на существующие в данном языке возможности поверхностной репрезентации. Поэтому контаминация отдельных пропозициональных элементов (*решить, возобновить*) происходит не только на лексемном, но уже на семантическом уровне. Поэтому и семантические классы предикаторов могут давать «пересечения»: фактивно-модально-темпоральные (*намереваться*), фактивно-темпорально-фазисные (*возобновить*) и другие; ср. семантику циркумстантных включающих предикатов (Прокопчук, 1979: 77 и сл.) или указанное В. В. Богдановым со ссылкой на Б. М. Гранде совмещение фактивной и качественной семантики в значении семитских глагольных лексем, выступающих, по нашей терминологии, в роли предикаторов (Богданов, 1977: 95).

Реальные высказывания, особенно в газетных и научных текстах, зачастую содержат большое количество предикатных слов, значительно превышающее количество референтных аргументов (хотя бы и скрытых). Многие из этих слов репрезентируют не самостоятельные семантические предикаты, а предикаторы к ним или предикаторы к предикаторам,

образуя в высказывании предикативные комплексы.

Детальное исследование таких комплексов под углом зрения соотношений между семантической и лексико-грамматической структурами — дело будущего. Уже имеется, правда, немало тонких наблюдений относительно семантических (номинационных) процессов, сопровождающих выражение признаков значений, а также особенностей их лексико-синтаксической репрезентации (см., например, упомянутые работы Н. Д. Арутюновой, а также: Телия, 1980). Однако при этом именно предикационный аспект семантической структуры высказывания обычно остается в тени, а вместе с ним и многие важные вопросы «перевода» системы языка в систему текста.

Остановимся в этой связи несколько подробнее на проблеме фактивных предикаторов. Если в плане номинации для них характерна прежде всего связанность лексических значений, то в предикационном аспекте наиболее примечательной оказывается та роль, которую они играют в опосредовании отношений между предикатами и структурой высказывания в целом. Эта роль различна, в зависимости от того, репрезентирован фактивный предикатор глагольно-личной или какой-либо именной формой.

В последнем случае роль «фактивности» (если отвлечься от всех других возможных наслоений) ограничивается, по-видимому, экспликацией экзистенциального статуса предиката с анафорической отсылкой, что не всегда обязательно; ср.: *(Принятое) решение никого не удовлетворило*. Более эффективным такое употребление фактивных предикаторов является в тех случаях, когда с их помощью оказывается возможным избежать двусмысленности (именно через уточнение экзистенциального статуса): *(Существующий) порядок их не устраивает*. И в том, и в другом случае, однако, применимы и иные средства; ср.: *Это решение..; Такой порядок...*

Гораздо более специфична роль фактивных предикаторов, репрезентируемых личными глагольными формами. С их помощью пропозициональные предикаты «повышаются в ранге», становясь либо присубъектными (что, конечно, во многих случаях возможно и без посредства предикаторов), либо субъектными, занимающими позицию подлежащего; ср.: *Мы приняли решение; Решение принято; Идет дождь; Наступила ночь*.

По поводу последних двух примеров нужно сказать несколько слов особо. Здесь мы встречаемся с семантическим классом предикатов, не сводимым к их первичному делению

на акциональные, процессуальные и статальные, ориентированному на основные семантические функции аргументов. (По этой причине, кстати, семантика многоместных предикатов является комплексной, так как включает в себя отношения ко всем аргументам; ср.: Трегубович, 1978: 16.) Такого рода семантические определения неприменимы к предикатам типа *Идет дождь*, *Светает* и т. п., которые отнесены не к каким-то определенным, хотя бы и скрытым аргументам, а к ситуации в целом. Мы называем такие предикаты **ситуативными**.

По мнению И. П. Сусова, эти предикаты могут образовывать высказывания с нерасчлененным пропозициональным (реляционным) содержанием, но лишь тогда, когда нерасчлененной является и их поверхностная репрезентация: *Дождь*; *Светает*. В противном случае (*Гремит гром*; *Идет война*) признается (по аналогии?) наличие «предметных релятем», т. е. аргументов (см.: Сусов, 1973: 41—42).

Расчлененность поверхностной репрезентации действительно, как правило, отражает членение семантической структуры высказывания, но сам характер этого членения на двух уровнях различен. Ситуативный предикат, как нам кажется, представляет собой одновременно и «определение» ситуации, и ее «имя», т. е. своеобразно совмещает функции предиката и аргумента. Конечно, любая «ситуация» включает в себя так или иначе какие-то «предметы», но это не значит, что они обязательно должны отражаться семантической структурой высказывания. Иногда это практически бессмысленно (например, наименование ситуации «Ночь» или «День» через отражение взаимного положения Солнца и Земли). Иногда мы сознательно отвлекаемся от референтов, придавая тем самым именуемой ситуации цельность или всеобщность; ср.: *Война между Ираком и Ираном продолжается* (реляционно-статальный предикат к аргументам «Ирак» и «Иран») и *На ближнем Востоке продолжается война* (ситуативный предикат).

В высказываниях типа *Идет дождь* ситуативный предикат *дождь* превращается не в «исходный предмет» (позиция одного из аргументов в концепции И. П. Сусова), а в субъектный предикат благодаря употреблению фактивного предикатора *идет* в позиции сказуемого. Такая предикация делает все высказывание более или менее развернутым, но в то же время синтетическим наименованием ситуации как факта, события, нередко с темпоральным или локальным

уточнением: *Вокруг царит тишина; К вечеру ударил мороз.*

Между прочим, явный параллелизм в употреблении локальных и темпоральных детерминаторов (заметный не только в данном случае) заставляет нас отказаться от приписывания первым аргументной функции локатива или директива и рассматривать их как локальные предикаторы, репрезентируемые, как и таксономические предикаты, референтными номинациями.

На примере только что упомянутых ситуативных высказываний (с ситуативным субъектным предикатом) удобно рассмотреть еще один спорный вопрос — о соотношении семантических классов предикатов и предикаторов. Верно ли, что, например, наряду с модальными, темпоральными, локальными предикаторами (возможно, и другими) существуют предикаты с такой же семантикой? Вопрос решается положительно, конечно, если семантические предикаты отождествляются с пропозициональными либо с грамматическими — как логические предикаты, так и грамматические сказуемые могут иметь практически признаковые значения любого типа.

Однако, если принять тезис о различии пропозициональной и семантической структур и о существовании предикаторов — «предикатов к предикатам», то говорить о модальных, темпоральных и т. п. предикатах было бы непоследовательно (предикаты с качественной и с количественной семантикой, разумеется, возможны). Пропозициональные структуры высказываний *Вокруг царит тишина* и *К вечеру ударил мороз* содержат одни лишь предикаты: Π_1 (Π_2 (Π_3)), это свидетельствует, на наш взгляд, о том, что их семантические структуры представлены комплексами, состоящими из ситуативного субъектного предиката, фактивного предикатора (во втором примере — фазисно-фактивного) и локального (темпорального) предикатора.

Образуя вместе с предикатом семантический единый предикативный комплекс, предикаторы в то же время обладают особыми позиционными функциями в глобальной организации высказывания: фактивные предикаторы в оппозиции к предикатам выполняют роль грамматических сказуемых, а локальный и темпоральный предикаторы в противопоставлении к остальной части комплекса — роль «ситуирующей темы» (см.: Гармаш, 1974: 13).

Таким образом, семантически подчиненные (предикатам) предикаторы в этих примерах приобретают самостоятельные, ведущие функции в грамматической и темо-рематической

структурах высказывания. Возможен и такой случай, когда предикаторы получают особую значимость в самой семантической структуре (оставаясь семантически подчиненными). Причина этому — гиперонимичность предикатов; ср.: *опасная ситуация, мирная обстановка, высокий уровень, отличное качество, дружественный акт* и т. д. Такой способ предикации позволяет увеличить семантическое разнообразие предикатов за счет семантики детерминирующих их предикаторов.

Итак, структурно-семантические функции предикаторов весьма разнообразны, хотя их позиция в семантической структуре высказывания всегда одна и та же. Если бы речь шла только о семантике изолированного, «условного» предложения, возможно, достаточно было бы различать лишь предикаты, предикаторы и атрибуты, несколько детализируя тем самым пропозициональную схему. Но мы говорим о высказывании как единице текста, поверхностная репрезентация которого, в том числе грамматическая, отнюдь не безразлична для его текстуализации, т. е. включения в текст именно как семантической единицы. Поэтому можно полагать, что при актуализации высказывания «уточняются», дифференцируются не только пропозициональные отношения предикатов, но и их «предграмматический» субъектно-реляционный статус. Одни пропозициональные предикаты остаются бессубъектными, другие становятся присубъектными (один из аргументов помещается в позицию подлежащего), третьи — субъектными (сами занимают позицию подлежащего). Присубъектные и субъектные предикаты можно подразделить на центральные и маргинальные (в придаточном предложении).

Надо подчеркнуть, что это вторичное ранжирование затрагивает лишь предикаты, но не предикаторы; хотя последние могут репрезентироваться личной формой глагола или именительным падежом имени в формальной позиции подлежащего, они лишь вводят в семантические субъектные и присубъектные позиции свои предикаты. Иначе говоря, хотя ранее мы употребляли для удобства изложения понятия подлежащего и сказуемого, в действительности речь идет о семантических, «предграмматических» категориях, возникающих как результат «субъектизации» предиката — выбора среди его аргументов такого, который становится фокусом предикативной ориентации высказывания. Расхождения с формально-грамматической структурой при этом

не обязательны, но возможны; ср.: *Я смог уйти первым и Мне удалось уйти первым.*

Логично предположить, что субъектный предикат может выступать фокусом предикаторной ориентации, т. е. в таком высказывании присубъектный предикат отсутствует, несмотря на наличие грамматического сказуемого. Например: *Начало войны будет ужасным; война* — субъектный ситуативный предикат, *начало* — фазисный предикатор, *ужасный* — качественный предикатор, *будет* — грамматический модально-темпорально-фактивный предикатор. Возможно, конечно, и одновременное наличие в высказывании субъектного и присубъектного предикатов: *Его приход оказался для нас неожиданным; неожиданный* здесь не предикатор, а включающий предикат с экспликативным отношением к включенному: *мы — не ожидали — (он — пришел).*

Понятие фокуса предикативной ориентации высказывания наиболее близко, пожалуй, традиционному понятию логического субъекта в грамматике, но лишено тех противоречий, которые накопились в значении последнего. Хотя старая мысль о «косности» грамматических форм справедлива, язык не только занят тем, что развивает «более эластичные механизмы, чтобы компенсировать неподатливость грамматики» (Арутюнова, 1980: 163), но и свободно использует эти формы по их прямому назначению. При всех «отклонениях» позиционная подлежащно-сказуемая организация высказывания тесно связана с другими аспектами организации текста (и обусловлена ими), и потому предположение о ее семантической «подготовке», заключающейся в выборе одного из элементов семантической структуры для позиции подлежащего, а другого — для позиции сказуемого, не кажется нелепым. Варианты репрезентации таких элементов в названных позициях — уже другой вопрос, затрагивающий материальные ресурсы языка.

В заключение — несколько обобщающих слов. Одним из важных моментов речевой актуализации пропозиционального содержания в рамках высказывания как единицы текста является семантическая предикация. Семантическая предикация представляет собой ранжирование пропозициональных предикатов (и конституируемых ими пропозиций), т. е. установление между ними отношений, связывающих их в единую семантическую структуру высказывания.

На первом этапе предикации устанавливаются: 1) межпропозициональные отношения, 2) интрапропозициональные

отношения включения (каузативные, экспликативные, комплетивные), 3) интрапредикатные отношения включения (модальные, темпоральные, локальные, фазисные, качественные, количественные, фактивные), 4) интрареференциальные отношения атрибуции. В результате пропозициональные предикаты распределяются по следующим семантическим рангам: (собственно) предикаты, предикаторы, атрибуты.

На втором этапе предикации осуществляется выбор фокуса предикативной ориентации, в результате чего (собственно) предикаты приобретают вторичные позиционные ранги субъектных, присубъектных и бессубъектных предикатов.

Семантическая предикация тесно взаимосвязана с лексико-грамматической репрезентацией и актуальным членением высказывания в составе текста.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 383 с.

Арутюнова Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения. — В кн.: Аспекты семантических исследований. М.: Наука, 1980, с. 156—249.

Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. 204 с.

Вейнрейх У. О семантической структуре языка. — В кн.: Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1970, вып. 5, с. 163—249.

Гармаш Р. Б. Функционально-смысловые характеристики темы в актуальной структуре немецкого повествовательного предложения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск: Минск. гос. пед. ин-т иностр. языков, 1974. 26 с.

Попов Ю. В. Система языка и система текста. — В кн.: Коммуникативно-прагматические и семантические функции речевых единств. Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1980, с. 66—73.

Прокончук А. А. Фазисные, модальные и циркумстантные включающие предикаты. — В кн.: Значение и смысл речевых образований. Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1979, с. 71—79.

Сусов И. П. Семантическая структура предложения: На материале простого предложения в современном немецком языке. Тула: Тульск. гос. пед. ин-т, 1973. 141 с.

Телия В. Н. Семантика связанных значений слов и их сочетаемости. — В кн.: Аспекты семантических исследований. М.: Наука, 1980, с. 250—319.

Трегубович Т. П. Опыт анализа семантико-синтаксической структуры текста. На материале газетной публицистики ГДР: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск: Минск. гос. пед. ин-т иностр. языков, 1978. 28 с.

ФАТИЧЕСКАЯ МЕТАКОММУНИКАЦИЯ

Прагматический анализ высказываний, основывающийся на учете признака коммуникативно-функциональной направленности, позволил не только установить новый аспект высказываний, но и дает основание для выделения метакоммуникативных элементов в структуре и семантике речевых сообщений.

Мета- в обозначении *метакоммуникация* и его производных неоднозначно. *Метакоммуникат* может быть авторским комментарием к собственно сообщению, т. е. тем, что А. Вежбицкой было названо «метатекстом» (см.: Вежбицка, 1978). Здесь метакоммуникация имеет значение «коммуникация о коммуникации». *Метакоммуникат* может выполнять и иную задачу, которая связана с регулированием речевого общения с помощью языковых средств. Речь идет о реализации фатической функции языка (см.: Jakobson, 1960: 355—356). Применительно к такого рода явлениям метакоммуникация — это коммуникация, сопутствующая коммуникации. О метакоммуникации именно этого типа и пойдет речь в данной статье.

Общение с помощью языка предполагает не только направленность речи, исходящей от говорящего, на адресата, но и ответное направленное внимание лица, являющегося адресатом речи, к высказываниям, исходящим от говорящего. Включение или переключение внимания на речь требует определенных усилий со стороны адресата и известной, пусть измеряемой долями секунды, затраты времени на это. Внезапная (при невключенном внимании адресата) речь может быть не воспринята адресатом вообще или воспринята неполностью, ущербно. С целью избежать подобных потерь при общении пользующиеся языком реализуют в своей речевой деятельности фатическую метакоммуникативную функцию языка. Она направлена на включение/переключение внимания адресата на сообщение, поддержание на нужном уровне внимания адресата в период передачи сообщения и, наконец, на размыкание речевого контакта. В связи с этим возникающий в результате деятельности текст обычно включает не только собственно сообщение, но и элементы, функциональное назначение которых заключается в том,

чтобы обеспечить прием сообщения адресатом. На каждой из трех выделенных фаз общения осуществлению этой же метакоммуникативной функции подчинены и возможные отзвы, языковые и неязыковые, со стороны адресата, посредством которых осуществляется обратная связь между автором сообщения и адресатом. Таким образом, регулирование процесса речевой коммуникации средствами самой речи включает в себя: а) установление речевого контакта, б) поддержание речевого контакта и в) размыкание речевого контакта. (Метакоммуникативное использование обнаруживается в функционировании и других знаковых систем, ср., например, роль желтого света в дорожном светофоре, который в отличие от зеленого и красного не разрешает и не запрещает движения, а лишь сигнализирует о предстоящем переходе к другому сигналу.) Рассмотрим основные особенности каждой из указанных трех фаз и некоторые типичные средства реализации фатической метакоммуникативной функции (преимущественно на материале русского языка).

А. Установление речевого контакта. «Установление речевого контакта» — не вполне удачное обозначение, ибо коммуникативное содержание данной фазы общения может быть и шире простого установления контакта и может быть не связано с использованием специализированных контактоустанавливающих средств. Это своеобразная нулевая фаза общения, предшествующая передаче собственно сообщения. Метакоммуникативной задачей, решаемой на данной фазе общения (в дополнение к установлению речевого контакта), является часто идентификация автора / источника сообщения. Такая дополнительная метакоммуникативная функция может быть необходима в условиях неопознаваемости или неопознанности автора / источника сообщения или трудности его опознания в силу, например, особенностей канала связи. В качестве примеров можно привести открывающие радиопередачи фразы типа рус. *Говорит Москва*, англ. *This is London*, франц. *Ici Paris* и т. п., начальные фразы разговора по телефону (после приветствия) типа рус. *Говорит Петров*, англ. *This is John speaking* и т. д.

Установление речевого контакта может осуществляться путем употребления специальных элементов (междометий, а также иных частей речи в междометном употреблении), предваряющих «содержательную» речь. Такие элементы нормальны при дистантном положении адресата относительно говорящего. Ср.: *Эй!*; *Алло!*; *Внимание!* Употребление названных

элементов достаточно четко дифференцировано в зависимости от условий общения (включая характер канала связи) и социально-лингвистических параметров.

Эй! просторечно, оно возможно в условиях социально равноположных отношений или со стороны лица, имеющего социально более высокий статус по отношению к лицу более низкого статуса, и используется в условиях непосредственного восприятия речи адресатом, как правило, когда адресат не видит (или не обращает внимания на) говорящего. *Алло!* закреплено за общением по техническим каналам связи (телефон, радио). *Внимание!*, лексическое содержание которого отчетливо передает сущность самой фазы установления речевого контакта, носит оттенок официальности и обычно используется при обращении ко множеству адресатов, точнее, к коллективному адресату. *Эй!*; *Алло!* могут подкрепляться глаголами, обозначающими процессы слухового восприятия. Такие глаголы употребляются в формах повелительного наклонения (*Эй!* (*По*)*слушай(те)!*) или в составе метакоммуникативных вопросов: *Эй!* *Слышите?* или *Алло!* *Вы меня слышите?*

Все три названных междометных контактоустанавливающих элемента используются преимущественно в условиях, когда личность адресата еще не установлена или несущественна, т. е. при известной отчужденности между адресатом и говорящим. Другой важной характеристикой их использования является дистантность общающихся. Отсутствие названных показателей влечет за собой изменения в способах контактоустановления. Так, в условиях известности личности адресата и существенности этого знания обращение через *Эй!* (вместо обращения по имени, имени и отчеству и т. д.) является отклонением от нормы и становится стилистически маркированным. Подобное обращение звучит с неоправданной грубостью. Отсутствие же признака дистантности делает ненужным употребление междометий и междометных слов, являющихся сильными аттрактантами внимания адресата. На смену им приходит (*По*)*слушай(те)!* В отличие от *Эй!*; *Алло!*; *Внимание!*, нормально открывающих сообщение, (*По*) *слушай(те)!* может занимать и неначальную позицию (в границах, однако, первого высказывания):

Мужчина поспешно подошел к кабине и заговорил:

— *Подбрось, слушай...* (В. Шукшин. Характеры).

В случае, когда необходимым условием успешного общения является знание адресатом личности говорящего и на-

оборот, а объективные условия не позволяют осуществить идентификацию визуально (разговор по телефону, в темноте, невозможность установления личности — в необходимых для общения параметрах — на основе внешности) основной части сообщения могут предшествовать метакоммуникативные высказывания типа *Алло! Петр Сергеевич? Говорит Окорков...* или *Здравствуйте! Наталья Ивановна Седельникова? Я ваш участковый...*

Контактоустанавливающая функция присуща, в качестве дополнительной к основной, обращениям в начальной позиции в высказывании, открывающем сообщение. Дело в том, что речь лишена свойства избирательности. Неизбирательность речевого сообщения — важное свойство языка, обеспечивающее возможность все большего расширения, по мере развития технических средств, объема адресата. Не случайно говорится о средствах массовой информации. Технические усовершенствования решили проблему преодоления пространственных и временных ограничений. Сегодня любому сообщению может быть придан глобальный характер, что касается его распространения в пространстве, и вневременной характер, что касается его сохранения для последующих поколений. Вместе с тем неизбирательность речевого высказывания может требовать в определенных условиях введения в текст сообщения апеллятива в качестве языкового показателя адресата речи. Ср., например, обращения учителя в классе, в которых перемежаются обращения ко всему классу с обращениями к отдельным учащимся, последние всегда с апеллятивом или его эквивалентом, например, указательным жестом.

Интересующее нас употребление апеллятивов, осложненное выполнением ими контактоустанавливающей функции наблюдается в условиях начальной позиции в высказывании, открывающем общение. Это обращения типа *Товарищи!* в публичных выступлениях, *Друзья!* и под.

Кроме апеллятивов, в процессе речевого общения целям установления речевого контакта служат и иные средства, для которых речеконтактная функция не является основной или единственной, как для *Эй!*; *Алло!*; *Внимание!* Такие средства выступают в качестве функциональных эквивалентов названных слов, расширяя инвентарь средств установления речевого контакта, давая возможность в большей степени ситуативно дифференцировать их употребление. Одним из таких является *Прости(те)!*

Прости(те)! может открывать речь при обращении к адресату с просьбой, выполнение которой отвлекает его от того, чем он был занят до обращения. Так, мы говорим *Простите, (вы не скажете) как (мне) попасть на Пушкинскую?*, обращаясь на улице к незнакомому лицу, или *Прости, ты не видел, где ножницы?*, обращаясь к члену семьи, занятому каким-то своим делом. Функция *Прости(те)* здесь двоякая. С одной стороны, это слово выполняет контактоустанавливающую роль, с другой, оно является выражением вежливости, своеобразной словесной компенсацией адресату за причиненное ему беспокойство. *Прости(те)* может отсутствовать (ср.: *(Вы не скажете) как...?*; *Ты не видел...?*), и тогда функцию выражения вежливости может брать на себя особая «просительная», «извинительная» интонация. Установление же контакта не имеет в этом случае особого словесного выражения в структуре высказывания.

Связанные с установлением речевого контакта речевые действия имеют то общее свойство, что обычно они не являются сами по себе целью общения. Они предваряют собственно общение, создавая для его успешного осуществления необходимые условия. Они, как говорилось выше, своеобразная нулевая фаза общения, в которой осуществляется речевой контакт, уточняются необходимые параметры, касающиеся личности и взаимных отношений общающихся. Показательным для их несущественности по отношению к содержательной части общения является то, что при пересказе акта общения третьему лицу сведения о нулевой фазе обычно опускаются. Лишь если имели место какие-то отклонения от нормального течения нулевой фазы, трудности в ее осуществлении, на них может фиксироваться внимание при пересказе акта общения.

Б. Поддерживание речевого контакта. Установлением контакта не исчерпываются метакоммуникативные задачи, решаемые в процессе общения. В ходе передачи сообщения говорящему важно, чтобы его сообщение принималось в течение всего времени его передачи. С целью поддержать восприятие адресатом текста на нужном уровне активности в передаваемое сообщение могут включаться, например, обращения к адресату (*Товарищи!* и под.), делаться специальные паузы, ставиться контролирующие вопросы (например, при обучении) и т. п. Осуществляемый говорящим выбор оптимальных паралингвистических параметров передачи сообщения, возможное их изменение в ходе общения свидетельст-

вуют о том, что говорящий осознанно или неосознанно осуществляет оценку условий общения в процессе передачи сообщения. Соответствующие паралингвистические и кинетические средства социально дифференцированы.

Для данной фазы общения — в условиях непосредственного контакта общающихся — важным является также получение сигналов от адресата, которые свидетельствуют о его включенности в процесс принятия сообщения. Этой метакоммуникативной цели служат междометия типа *гм*, нейтральные фразы приема сообщения вроде *так, да*, эмотивно-оценочные фразы типа *Ох, ты!*; *Вот это да!*; *Здорово!*, квази-вопросы вроде *Неужели?*, не предполагающие ответа. Значимым может быть и... отсутствие сигнала. Так, тишина в зале может служить показателем внимания слушателей к принимаемому ими сообщению.

Неязыковыми функциональными эквивалентами сигналов контакта и обратной связи адресата с говорящим в условиях непосредственной зрительной связи между общающимися могут быть кинетические сигналы (например, такую роль может выполнять положение тела адресата) и специальные звуковые, но неречевые сигналы, показывающие отношение к содержанию высказываемого (ср. аплодисменты, топот ногами, свист). Знаковый характер этих сигналов проявляется в возможном различии их значения в разных культурах (например, свист является показателем неодобрения у русских и одобрения у североамериканцев), в их возможной эквивалентности языковым формулам (ср. крики *Ура!* как ответ участников демонстрации на провозглашение здравий и аплодисменты как ответ на такой же стимул со стороны участников собрания).

Средства обратной связи между говорящим и адресатом, т. е. в направлении адресат—говорящий, представляются весьма интересным объектом сравнительного изучения в разных языковых сообществах. Имеются социально обусловленные различия в этой области и в разных социальных группах в границах единого языкового сообщества.

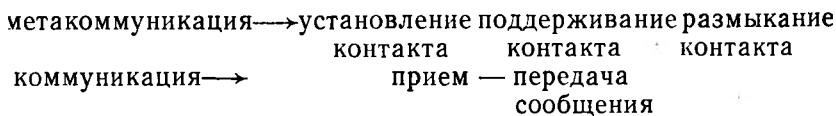
В. Размыкание речевого контакта. Бытовое общение обычно не использует специальных показателей размыкания речевого контакта. Собственно, в языке и нет для этого специализированных средств типа отмечавшихся выше в связи с фазами установления и поддерживания речевого контакта. Однако в специальных текстах в некоторых сферах общения прослеживается тенденция к канонизации опреде-

ленных выражений в качестве метакоммуникативных сигналов — показателей окончания сообщения. Так, в публичных выступлениях в качестве показателя окончания текста и, соответственно, размыкания речевого контакта приобрела распространение фраза *Благодарю за внимание*. Ее каноничность, формулообразный характер очевидны из того факта, что неотмеченными являются развертки этой фразы, ср.: * *Я очень благодарю вас за ваше внимание* или * *Благодарю вас за ваше внимание к моему докладу* и под. В определенных религиозных сообщениях показателем конца сообщения и, соответственно, наступления фазы размыкания контакта является *Аминь*. Видимо, в сознании многих из тех, кто использует это слово, оно уже не имеет своего первоначального значения «истинно, воистину», связанного с подтверждением истинности сказанного, а служит единственно показателем окончания текста.

Как и все другие языковые явления, метакоммуникативные сигналы исторически изменчивы. Если *Благодарю за внимание* как метакоммуникативный сигнал, как нам кажется, возник и получил распространение при жизни современного поколения, то противоположную судьбу и тоже на наших глазах испытало слово *конец* в книгах. Сегодня оно совершенно исчезло в таком употреблении. Возможная причина — в его избыточности: окончание книжного текста очевидно и без этого слова. Интересно, что это же слово «сохраняет свои позиции» в кино. Трудно, по крайней мере сегодня, представить окончание фильма без него. Именно в силу неожиданности разрыва с этой традицией (впрочем, здесь были и другие причины: появление в кадре режиссера и актера, его вид и др.) так свежо, необычно было окончание шукшинского фильма «Печки-лавочки»: *Все, ребятки*.

Метакоммуникативную функцию размыкания контакта выполняют и завершающие передачу по радио фразы типа *Всего доброго!*, нем. *Auf Wiederhören!*, венг. *A visszonthallás-га!* Ведь зачастую через несколько секунд общение возобновляется, но употребление таких фраз является сигналом окончания именно данной передачи и, таким образом, они метакоммуникативны по своей функции. В средствах массовой информации наблюдается стремление специализировать сигналы окончания, равно как и начала, передачи для содержательно разных типов передач, с использованием речевых и неречевых (музыка, изображение) метакоммуникативных показателей.

Сделаем выводы. Социо-, психо- и физиологические особенности речевого общения обуславливают необходимость осуществления в процессе общения, наряду с коммуникативной, метакоммуникативной функции. В акте речевого общения и в возникающем в результате общения тексте можно выделить соответственно два плана: коммуникативный (план передачи и приема собственно сообщения) и метакоммуникативный (в данном случае план регулирования речевого общения в процессе общения). Их разграничение, с учетом трех фаз общения, можно представить следующей схемой:

В системе языка имеются и продолжают вырабатываться и совершенствоваться специальные средства, функциональное назначение которых (не обязательно во всех случаях единственное для них) заключается в обеспечении эффективности актов речевого общения в аспекте коммуникативной контактности общающихся. Полный текст, возникающий в результате речевого общения, таким образом, имеет двухплановый характер. Элементы метакоммуникативного плана обычно могут быть изъяты из текста без ущерба для содержания самого сообщения. Очевидное исключение составляют те случаи, когда метакоммуникативная функция у таких элементов является дополнительной к основной, коммуникативной. Взаимодействие коммуникативного и метакоммуникативного планов высказывания, факторы, определяющие необходимость использования метакоммуникативных показателей и лежащие в основе их общности и различия, равно как и сам инвентарь этих показателей, требуют изучения и в общелингвистическом плане, и с ориентацией на выявление этно- и лингвоспецифичных явлений.

ЛИТЕРАТУРА

- Вежбицка А. Метатекст в тексте. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1978, вып. 8. Лингвистика текста, с. 402—421.
Jakobson R. Linguistics and Poetics. — In: *Style in Language.* Cambridge, Mass., 1960, p. 350—377.

А. А. Прокопчук

(Харьковский госуниверситет имени А. М. Горького)

КОММУНИКАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ЛИНЕАРИЗАЦИИ В РЯДАХ С СОЧИНИТЕЛЬНОЙ СВЯЗЬЮ

Линейность — одно из основополагающих свойств языкового знака. Ф. де Соссюр принцип линейности означающего считал чрезвычайно существенным: «...последствия его неисчислимы... От него зависит весь механизм языка» (Соссюр, 1977: 102). И, действительно, ни одно нормальное речевое образование, будь это высказывание или часть высказывания, будь это более или менее пространный текст, не приобретает законченного вида без определенной линейной упорядоченности, линеаризации. При так называемой стилистической шлифовке речевого образования исправления в порядке следования составляющих часто бывают последним «штрихом», благодаря которому соответствующее образование получает форму, наиболее полно выражающую замысел автора.

Вопрос о линейном порядке компонентов различных видов речевых образований изучался с различной степенью полноты и интенсивности. Наиболее часто исследователи обращались к анализу форм и функций порядка компонентов (порядка членов предложения, порядка слов) в предложении. Несмотря на некоторые расхождения в названии и содержании устанавливаемых функций порядка слов в разных языках, в целом эти функции совпадают. Сравните, например, логико-грамматическую, структурно-грамматическую, эмоциональную, коммуникативно-познавательную функции, устанавливаемые В. Г. Адмони (Адмони, 1973: 293—296), и функции порядка слов в области синтаксической структуры, в области актуального членения, в области эмоциональности (экспрессивности), в области стилистической, о которых говорит П. Адамец (Адамец, 1966: 9—10). Значительно реже ставится вопрос о функциях разновидностей линейного порядка составляющих в сложных синтаксических образованиях, в фрагментах текстов и в целых текстах (ср.: Дейк, 1978: 259—334; Звегинцев, 1980: 13—21). Что касается мотивированности и значимости определенных способов размещения (композиции) составляющих в художественных текстах, то здесь у литературоведов накоплено больше опыта, чем у

лингвистов. К сожалению, лингвистика не может в полной мере использовать результаты литературоведческого анализа, так как вычленение составляющих текста в этих двух науках проводится не по одинаковым признакам.

Полифункциональность линейного порядка компонентов речевых образований связана с их многоаспектным характером. В последних отражается не только определенный фрагмент действительного или вымышленного мира, но и многие стороны коммуникативного акта как вида деятельности, характеризующейся целенаправленностью и мотивированностью. Планируя речевую деятельность, говорящий использует информацию о собеседнике, о степени его осведомленности о том, что сообщается, о его возможной реакции на сообщаемое. Отражаемый фрагмент мира подается под таким углом зрения, в таком видении, которое наилучшим образом воздействовало бы на слушающего и способствовало бы достижению запланированного результата. В свою очередь, стратегия и тактика речевого действия, отражающиеся в речевом образовании, характеризуют автора речевого образования.

Количество и специфика функций линейного порядка, устанавливаемых грамматистами, зависит от того, какие аспекты и в каком объеме включаются в компетенцию грамматической теории. Коммуникативно-познавательная функция порядка слов, например, была отмечена и стала изучаться в пределах грамматики только тогда, когда было признано, что коммуникативно-познавательная установка говорящего отражается в предложении и находит в нем свое формальное выражение. В русской грамматике это произошло только в конце 50-х гг. XX в. До этого времени порядок слов «изучался вне связи с актуальным членением предложения. Явление, именуемое этим термином, было замечено давно, но вошло в традицию относить данный круг проблем не к языку, а к логике или к психологии говорящего» (Ковтунова, 1976: 18). Проводимые в последнее время исследования речевых актов, выявление назначения, способов использования средств языка в речевой деятельности (Austin, 1962; Searle, 1974; Wunderlich, 1976), а также исследования в области лингвистики текста (Dressler, 1972; Schmidt, 1973) способствовали выделению коммуникативно-функционального, или прагматического, аспекта речевых образований (ср.: Сусов, 1979: 95). Анализ линейного порядка компонентов речевых образований в коммуникативно-функциональном

аспекте дает возможность объяснить некоторые особенности расположения, которые обычно не рассматриваются в логико-грамматическом, структурно-грамматическом и других аспектах.

При знакомстве с работами, посвященными порядку членов предложения и порядку слов внутри членов предложения обращает на себя внимание отсутствие каких-либо замечаний о порядке следования компонентов в группах с сочинительной связью. Не ставится этот вопрос и в работах, в том числе и монографических, о структурных и семантических особенностях сочинительной связи. Может возникнуть впечатление, что линейный порядок в рядах единиц, связанных сочинительной связью, полностью произволен. Тем более, что одним из существенных признаков сочинительной связи в синтаксических исследованиях и исследованиях по словообразованию (словосложению) признается признак обратимости. Согласно этому признаку компоненты ряда с сочинительной связью могут взаимно меняться своими местами (Пешковский, 1959: 142—145; Fleischer, 1974: 109, 248—249). В то же время легко привести факты, свидетельствующие об обратном. В рецензии М. И. Стеблина-Каменского на книгу И. М. Оранского «Фольклор и язык гиссарских парья (Средняя Азия)» есть, например, замечание: «Вызывает... недоумение решение издательства поставить в заглавии книги слово «фольклор» на первое место (известно, что первоначальный заголовок был «Язык и фольклор...», и автор очень переживал это необоснованное переименование)» (Стеблин-Каменский, 1979: 140). В эссе «Гете и Толстой» Т. Манн упоминает, что Ницше, питавший антипатию к Шиллеру, упрекал однажды немцев в том, что они очень бестактно употребляют слово «и»: «Мы говорим *Шопенгауер и Гартман*, — язвительно замечал он, — говорим также *Гете и Шиллер*. ...«Чего доброго, — опасался он, — мы начнем еще говорить *Шиллер и Гете*» (Манн, 1957: 37).

Допуская, что компоненты ряда с сочинительной связью могут взаимозаменяться, что их линейный порядок нерелевантен, мы пренебрегаем некоторыми нюансами, характеризующими варианты с различным линейным порядком. Подобное пренебрежение в большей мере терпимо в разного рода искусственных (сконструированных, например, для целей обучения, демонстрации каких-либо положений) образованиях (*Маша и Саша ели вкусную кашу*) и в меньшей мере

допустимо в естественных высказываниях, возникающих в конкретных речевых ситуациях.

Во-первых, линейный порядок означающего может отражать линейный (временной или пространственный) порядок означаемого. Перестановка искажает в этом случае референтно-денотативную сторону высказывания: Ср.: *Сережка, Мошков, Стахович вскочили на верхний берег* (А. Фадеев) — *Сережка, за ним Мошков, за ними Стахович вскочили на верхний берег*. По аналогичным причинам в некоторых сложных словах, компоненты которых связаны сочинительной связью (нем. *Kopulativkomposita*), в принципе допускающих перестановку (ср.: *Fleischer, 1974: 248—249*), перестановка вызывает изменение в содержании: *deutsch-russisches Wörterbuch* «немецко-русский словарь» и *russisch-deutsches Wörterbuch* «русско-немецкий словарь».

Во-вторых, на возможность перестановки влияет выбор способа номинации однородных членов. Использование прономинализации при назывании компонентов, занимающих 2-е, 3-е и следующие места в координативном ряду, мешает их постановке на первое место: *Телега, на которой ехали Уля Громова, Анатолий Попов, Виктор Петров и его отец...* (А. Фадеев) (ср. также: *Lang, 1977: 38*).

В-третьих, в некоторых рядах с сочинительной связью порядок следования компонентов закреплен устойчивостью, фразеологизацией самого словосочетания: *стар и млад, ни рыба, ни мясо*; нем. *Tag und Nacht*, англ. *day and night* «день и ночь», «сутки» и др. Линеаризация в такого рода словосочетаниях объясняется как содержательными, так и формальными факторами. В раннесреднеанглийском языке, например, часто на первое место ставилось слово французского происхождения, а на второе место — исконное, англосаксонское, которое было своего рода толкованием первого слова. Со временем второе слово стало служить целям повышения выразительности, экспрессивности высказывания (*Jespersen, 1943: 89—90*). Установлено также, что компонент, занимающий второе место, характеризуется повышенной сонорностью (Ольшанский, 1965: 17), большим количеством слогов (*Jespersen, 1943: 220—221; Якобсон, 1975: 203*). При одинаковом числе слогов в обоих словах наблюдается тенденция к удлинению второго слова (Марченко, 1971: 113—115).

Нарушение традиционного порядка в подобных образованиях вызывает дополнительные смысловые оттенки (не-

обычность, стремление к оригинальности), изменяет характер воздействия такого выражения на слушающего. Например, в романе Д. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» Сэлли рассказывает Холдену о своем знакомом, который очень ухаживает за ней и звонит ей ночью и днем: *Calling her up night and day* (разрядка Сэлинджера). Холден с его обостренной реакцией на притворство, «липу» (*phony*), с его неприятием показухи, «счастливых концов», успеха в капиталистическом «раю» так воспринимает это: *Night and day — that killed me* «Ночью и днем — сдохнуть можно».

В-четвертых, весьма существенным для линейного порядка компонентов (особенно тех, которые обозначают лица, учреждения, организации, их признаки) в рядах с сочинительной связью является принцип ранговости, иерархии (ср.: Якобсон, 1975: 203). Линейный порядок однородных компонентов определяется в этом случае нарастанием или убыванием признаков, характеристик. Сравните постоянно повторяющуюся последовательность имен *Сережка (Тюлений)* и *Витька (Лукьянченко)* в романе А. А. Фадеева «Молодая гвардия» и замечание автора: *Витька Лукьянченко... который относился к нему (Сережке. — А. П.) примерно так же, как сам Сережка относился к Серго Орджоникидзе или Сергею Кирову*. Нарушение последовательности в нарастании, убывании признаков может создавать такой же стилистический эффект, как и нарушение однородности при перечислении. Сравните: *Я прочла много книг и между прочим Мещерского, Майкова, Дюму, Ливанова, Тургенева и Ломоносова* (А. П. Чехов. Каникулярные работы институтки Наденьки N); *Käme irgendein Skribent des achtzehnten Jahrhunderts daher und behauptete: Ich und Goethe und Schiller haben die Klassik initiiert* (Die Zeit, 21.2. 1964) «Если бы какой-нибудь писака восемнадцатого столетия пришел и сказал: «Я и Гете и Шиллер положили начало классике». Однако, если исходить из того, что иерархия для заданного множества в определенное время и в определенном пространстве должна быть статичной, то фактором иерархии нельзя объяснить, почему один и тот же компонент может занимать разные места в рядах с сочинительной связью, имеющих одинаковый набор компонентов. Ср.: *Это одно из самых фантастических дел «Молодой гвардии» осуществили вместе Сережа Тюлений и Любка Шевцова с помощью Вити Лукьянченко; Сережка и Люба пробирались к окни: ...и Уля волновалась за Любку и Сережку; Это*

была тревога за Любу с Сережей (А. Фадеев); *Holt und Wolzow* standen rauchend abseits (D. Noll) «Хольт и Вольцов стояли в стороне и курили»; *Gottesknecht* rief: *Holt, Wolzow, Gomulka, ihr könnt morgen fahren* (D. Noll) «Готескнехт крикнул: «Хольт, Вольцов, Гомулка, вы завтра можете ехать»; *Branzer... warf hilfeschende Blicke auf Wolzow, auf Holt, auf Gomulka* (D. Noll) «Бранцер... бросал умоляющие взгляды на Вольцова, на Хольта, на Гомулку»: *Schmiedling* schrie: *Wolzow! Holt! Gomulka!* (D. Noll) «Шмидлинг закричал: Вольцов, Хольт, Гомулка!»

Объяснить эту вариативность в линеаризации однородных компонентов помогает обращение к контексту (роману А. А. Фадеева «Молодая гвардия» и роману Д. Нолля «Приключения Вернера Хольта»). Естественно, что Уля волновалась в первую очередь за Любку Шевцову (о Сереже Тюленине можно сказать, что такой не пропадет). Бранцер, конечно, чувствовал большую духовную близость к Вольцову и от него в первую очередь надеялся получить поддержку. Для Шмидлинга авторитетней других был Вольцов с его отличным знанием военного дела, племянник генерала (Готескнехт, наоборот, больше симпатизировал Хольту). С позиций автора и той объективности, которая создается всем произведением, с позиций других героев более оправданы последовательности *Сергей и Любка; Хольт, Вольцов* (другантогонист), *Гомулка*. Сравните также традиционное *отец, мать*, закрепленное в многочисленных анкетах, деловых бумагах, и другой линейный порядок *в некоторых эпизодах «Молодой гвардии»: *Уля любила мать и отца... Она должна бросить мать, отца врагу на поругание... К ней уже бежала мать навстречу. За матерью или отец, сестра...* По этому же принципу происходит линеаризация в названиях двусторонних и многосторонних соглашений, договоров, отношений: *советско-польские переговоры* и *польско-советские переговоры* (с позиций ПНР). Данный принцип распространяется и на образования, в основе которых лежит не сочинительная, но функционально близкая к сочинительной связь: *сын с отцом, отец с сыном; Джоан Варни, сестра мисс Виолет Варни* и *мисс Виолет Варни, сестра мисс Джоан Варни*: In general view of society, Miss Joan Varney was the sister of Miss Violet Varney. In the perverse and personal view of Captain Gahagan, Miss Violet Varney was the sister of Miss Joan Varney (G. K. Chesterton. The Ring of Lovers). Таким образом, на линейный порядок компонентов в рядах

с сочинительной связью помимо статического фактора иерархии может влиять динамичный фактор «угла зрения», «перспективы», в котором отражается коммуникативно-функциональная, прагматическая сторона речевого акта. Способом линеаризации однородных компонентов в ряду с сочинительной связью может выражаться целенаправленное и мотивированное видение фрагмента действительности, осуществляться указание на автора представленной точки зрения. Правоммерно утверждать, что черты «избирательной заинтересованности», проявляющейся в преимущественном выделении одних объектов (свойств, признаков, качеств предметов) по сравнению с другими, характеризуют не только уровень восприятия, чувственного познания (Петрушанский, 1967; Панфилов, 1975: 8), но и речевую деятельность.

В ряде случаев возникает необходимость не подчеркивать момент избирательной заинтересованности при линеаризации однородных компонентов. Средством достижения этого является употребление соответствующего ряда в двух линейных разновидностях, одна из которых нейтрализует другую: *Мы и они, они и мы* (газета «Правда» о советско-американских отношениях), *учить и воспитывать, воспитывать и учить*, нем. *menschlich, göttlich; göttlich-menschlich* «человеческая, божественная; божественно-человеческая» (о поэзии) (Th. Mann. Lotte in Weimar).

Коммуникативно-функциональные различия между линейными разновидностями рядов с сочинительной связью могут становиться трудноотличными от референтно-денотативных: *Общество советско-германской дружбы* (в СССР) и *Общество германо-советской дружбы* (в ГДР). В многочисленных названиях статей типа «И. С. Тургенев и Л. Н. Толстой», «Толстой и Торо», «Торо и Толстой», «Г. Торо — Г. Успенский — Л. Толстой», «Торо — Толстой — Ганди», «Л. Н. Толстой и Н. Г. Чернышевский», «Чернышевский и Достоевский», «Достоевский и Белинский» и др. различные варианты линеаризации нередко имеют различное типовое содержание: «творчество (мировоззрение) А повлияло на творчество Б», «творчество Б повлияло на творчество А», «сравнение (выявление общего и различного) творчества А и Б», «творчество А как результат влияния мировоззрения Б». Линейным порядком в таких образованиях может выражаться не только противопоставление «передний план, фокус внимания — фон(овость)», т. е. различие коммуникативно-функциональ-

ного характера, но и противопоставление «агенс — пациенс», различие референтно-денотативного характера.

В заключение можно сделать вывод о том, что линейный порядок компонентов в рядах с сочинительной связью не является произвольным. Одним из факторов, влияющих на способ линейаризации однородных компонентов, является коммуникативно-функциональная, прагматическая сторона высказывания.

ЛИТЕРАТУРА

Адамец П. Порядок слов в современном русском языке: Praha: Academia, 1966. 96 с.

Адмони В. Г. Синтаксис современного немецкого языка: Система отношений и система построения. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. 336 с.

Ван Дейк Т. Вопросы прагматики текста. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1978, вып. 8. Лингвистика текста, с. 259—336.

Звегинцев В. А. О цельнооформленности единиц текста. — Изв. АН СССР. Серия лит-ры и языка, 1980, т. 39, № 1, с. 13—21.

Ковтунова И. И. Современный русский язык: Порядок слов и актуальное членение предложения. М.: Просвещение, 1976. 239 с.

Марченко А. Н. Равнозначные слова в неидиоматической фразеологии. — В кн.: Проблемы неидиоматической фразеологии. М., 1971, с. 105—115.

Ольшанский И. Г. Парные сочетания слов современного немецкого языка (семантика, структура, сочетаемость): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГПИИЯ, 1965. 25 с.

Панфилов В. З. Язык, мышление, культура. — Вопросы языкознания, 1975, № 1, с. 3—12.

Петрушевский С. А. Диалектика рефлекторных процессов. М.: Изд-во МГУ, 1967. 400 с.

Пешковский А. М. Избр. труды. М.: Учпедгиз, 1959. 252 с.

Сосюр Ф. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 695 с.

Стеблин-Каменский М. И. Рец. на кн.: И. М. Оранский. Фольклор и язык гиссарских парья (Средняя Азия): Введение, тексты, словарь. М.: Наука, 1977. — Вопросы языкознания, 1979, № 2, с. 139—142.

Сусов И. П. О двух путях исследования содержания текста. — В кн.: Значение и смысл речевых образований. Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1979, с. 90—103.

Якобсон Р. Лингвистика и поэтика. — В кн.: Структурализм: «за» и «против». М.: Наука, 1975, с. 193—230.

Austin J. L. How to Do Things with Words. Oxford: At the Clarendon Press, 1962. 168 p.

Dressler W. Einführung in die Textlinguistik. Tübingen: Max Niemeyer, 1973. 136 S.

Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. 3-te übergearb. Aufl. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1974. 361 S.

Jespersen O. Growth and Structure of the English Language. Oxford, 1943. 528 p.

Lang E. Semantik der koordinativen Verknüpfung. Berlin: Aufbau-Verlag, 1977. 320 S.

Mann Th. Leiden und Größe der Meister. Frankfurt/M.; Hamburg: Fischer Bücherei, 1957. 275 S.

Schmidt S. J. Texttheorie: Probleme einer Linguistik der sprachlichen Kommunikation. München: W. Fink, 1973. 184 S.

Searle J. R. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1970. 203 p.

Wunderlich D. Studien zur Sprechakttheorie. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1976. 417 S.

А. А. Романов

(Калининский госуниверситет)

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ВЫСКАЗЫВАНИЙ-ПРОСЬБ

В классификациях коммуникативных типов высказываний (предложений) реквестивные высказывания (высказывания-просьбы, реквестивы) включаются в более широкий интенциональный тип побудительных высказываний, в основе которого лежит волеизъявление говорящего, проявляющееся в речевом понуждении адресата сообщения (слушающего) к определенному поведению (Грамматика, 1970; Структурный синтаксис, 1972; Виноградов, 1972; Мицкевич, 1974; Рябенко, 1975; Молчанова, 1976; Русская грамматика, 1980; Thorne, 1966; Moskalskaja, 1971; Schendels, 1979 и др.).

Проблематика, связанная со специфическим содержанием побуждения, которое раскрывается через значение волеизъявления, приказа, совета, запрещения, пожелания, рекомендации, просьбы и т. д., рассматривается по-разному. Так, в работах по логике норм и оценок отмечается, что побудительные высказывания, или императивы, стоят вне категории истины, что в основе таких высказываний не может лежать суждение, т. е. они не являются познавательно осмысленными (Ивин, 1973; Segeth, 1974). В лингвистических исследованиях, посвященных проблеме побудительных высказываний, основное внимание уделяется анализу формально-грамматических характеристик таких высказываний (Новичкова, 1979; Бабкина, 1980). Анализ семантического аспекта побудительных высказываний сводится к исследованию широкой гаммы оттенков категории побуждения: от категорического приказа, просьбы, «приближающихся к пожеланию» (Грамматика, 1970: 355; Адмони, 1973: 189; Thiel, 1975: 11) до мольбы,

«носящей эмоциональный характер» (Козлова, 1973; Молчанова, 1976; Киселева, 1978; Sosa, 1967; Arabski, 1975; Holmberg, 1979). Все эти оттенки не могут быть исчислены, «так как они не имеют специальных формальных средств своего выражения» (Русская грамматика, 1980: 114).

В высказываниях (1) *Ich befehle Ihnen zu notieren!* (Schneider, 140) «Я приказываю Вам записывать!»; (2) *Ich rate Ihnen, auch im zweiten Teil der Vernehmung offen zu bekennen* (Schneider, 195) «Я советую Вам полностью признаться также и во второй части допроса»; (3) «*Ich bitte Sie, doch wieder näher zu rücken, schöne Charlottel!*» begann Rumpf erneut (Kellermann, 198) «Я прошу Вас все же придвинуться ближе, прекрасная Шарлотта!», — произнес вновь Румпф»; (4) «*Ich verlange die Verlobung wieder zu lösen!*» sagte Merker (Spranger, 65) «Я требую вновь расторгнуть помолвку!», — сказал Меркер» описываются ситуации побуждения (приказ, совет, просьба, требование).

Эксплицируя смысл этих высказываний, можно обнаружить их семантическую общность: «лицо каузирует действие (состояние) другого лица». Семантическая структура такого типа имеет сложный характер: «лицо (каузатор) каузирует действие» и «другое лицо должно совершить ответный акт по отношению к каузатору». Наличие нескольких концептуальных компонентов в семантическом содержании побудительных высказываний объясняется сложностью денотативной ситуации таких высказываний. Знаками такой сложной ситуации могут быть иногда два высказывания, которые при изолированном их анализе могут репрезентировать акт каузации и ответный акт. Ср., например: (5) «*Aber sehen Sie mich an. Ich bitte Sie!*» sagte Krieg (Kellermann, 29) «Но посмотрите на меня. Я прошу вас», — сказал Криг». Эти два высказывания могут амальгамироваться в одно сложное. Соответственно, семантическая структура таких высказываний должна представлять собой определенную смысловую конденсацию семантических моделей: «лицо + каузация акта» и «лицо + предполагаемое ответное действие».

Семантическое содержание побудительных высказываний, рассматриваемых в денотативно-референтном плане (уровень реляционной структуры в терминологии И. П. Сусова), может быть представлено в виде конфигурации предикатного ядра-релятора и его аргументов, обладающих определенными ролевыми характеристиками (см.: Сусов, 1973; Чейф, 1975; Богданов, 1977; Fillmore, 1968). Семантическая струк-

тура каждого интенционального типа высказываний (приказа, совета, приглашения и т. д.) будет находиться в определенной зависимости от валентности и семантической характеристики соответствующего релятора.

Реляционная структура реквестива характеризует состав и связи элементов в отражаемой ситуации. Так, реквестивное высказывание (6) *Ich bitte Sie mir Dreitausend Mark zu geben!* (Wolf, 264) «Я прошу вас дать мне три тысячи марок» можно представить в следующем виде: Я (1) *прошу* (0) вас (2) *дать мне три тысячи марок* (3), где 0 репрезентирует позицию предикатора (т. е. релятор + интенциональное содержание предикации), 1 обозначает позицию первого аргумента, 2 и 3 указывают на позиции второго и третьего аргументов соответственно.

Первый аргумент в реляционной структуре реквестивов обозначает носителя каузации (воздействия), второй аргумент репрезентирует объект каузации и третий аргумент представляет цель каузации. Позиции первого и второго аргументов в реквестивных высказываниях могут заполняться только предметными знаками. Аргументная позиция цели каузации не может заполняться предметными знаками.

Ядро семантической конфигурации просьб образует признаковое слово, которое репрезентирует отношение каузации между аргументом — носителем каузации и аргументом — объектом каузации. Чаще всего в качестве такого ядра выступает глагольная лексема *bitten* «просить», которая характеризуется рядом общих и специфических семантических признаков.

К числу общих семантических признаков названной глагольной лексемы следует отнести ее информативный (Ломтев, 1976: 218) и каузативный (Алисова, 1971а: 54; Алисова, 1971б: 57—115; Супрун, 1977: 233—245) характер. Информативный характер такой лексемы заключается в выражении «несимметричных отношений между адресантом и адресатом», данная глагольная лексема обозначает такой информационный процесс, в котором одно лицо всегда остается адресантом, а другое — адресатом (Ломтев, 1976: 221). Являясь членом класса каузативных глаголов, лексема *bitten* «просить» представляет собой каузацию особого рода — речевую каузацию ответного акта в виде конкретного или речевого действия, в зависимости от интенционального значения предикации.

Специфический признак «речевое воздействие (каузация)»

данной лексемы проявляется в описании и одновременном совершении вербального акта каузации. Это выражается морфологической формой 1-го лица, ед. числа, наст. времени, активного залога, изъявит. наклонения. Например: (7) *In acht Tagen bitte ich mir Bericht zu erstatten!* (Kellermann, 127) «Я прошу доложить мне через неделю».

Установив общие и специфические признаки ядра семантической конфигурации реквестивов, можно перейти к более подробной характеристике аргументных значений. Аргументная позиция носителя воздействия может замещаться только одушевленным предметом, выполняющим семантическую функцию агенса по отношению к процессу акта каузации в форме речевого (коммуникативного) действия и объекту каузации. Аргументная субкатегоризация позволяет снабдить агентивный аргумент дополнительным набором сем, отражающих его семантические свойства: (+ одуш. лицо; + каузатор; + говорящий).

Аргументная позиция объекта каузации замещается одушевленным предметом, на который направляется отношение каузации. В семантическом плане указанный аргумент выполняет роль пациентива. Аргументная субкатегоризация дает возможность приписать этому аргументу следующие семы: (+ одуш. лицо; — каузатор; + объект каузации; + слушающий).

Направленность ответного акта каузации, репрезентируемого целевой конструкцией, совершение этого акта происходит в пользу говорящего. На этом основании следует считать, что первый аргумент совмещает значения агентива и бенефициатива.

Позиция аргумента цели заполняется в реквестивах включенной предикатной структурой или зависимым предикатным именем, репрезентирующим соответствующую ситуацию. Например: (8) *Ruhe! Ich bitte um Ruhe!* (Weiskopf, 95) «Тишины! Я прошу тишины»; (9) *Zum Dank bitte ich meinerseits um eine Gunst, schöne Marion* (Kellermann, 167) «В знак благодарности я прошу о благосклонности ко мне, прекрасная Марион». Ср. также высказывания (3, 6—7).

Какие предикатные конструкции могут замещать позицию аргумента цели? В принципе за аргументной позицией может стоять любая ситуация. Но так как акт ответного действия будет совершать одушевленное лицо (объект каузации), то формы его могут представлять собой речевое или конкретное действие (ср. высказывания 6—7), а также отражать со-

хранение или изменение состояния, присущее одушевленному имени. Ср.: (10) «Ich bitte Sie herzlich, beruhigend auf Mama einzuwirken», begann Christa (Kellermann, 50) «От всего сердца я прошу Вас успокоить маму», — начала Криста»; (11) Ich bitte dich diese Geschichte zu vergessen! (Otto, 82) «Я прошу тебя забыть эту историю».

Аргументную позицию цели не могут замещать нульместные конструкции, репрезентирующие ситуации амбиентного состояния (Чейф, 1975: 120), например: (12) *Ich bitte es zu dämmern! «* Я прошу смеркаться!» Невозможно также замещение аргументной позиции цели многими конструкциями с предикатами, приведенными в классификации Т. Б. Алисовой (Алисова, 1971б: 57—115). К таким можно отнести, в частности, конструкции с абсолютным статическим предикатом временного признака, со статическим предикатом презентации и т. д.

Следует отметить, что включение конструкций, которые могут замещать позицию аргумента цели, основано на условии совмещения вторым аргументом значений пациенса и агенса.

Совмещение семантических функций в аргументных позициях свойственно не только реквестивам, но и сходным с ними в реляционном плане приказам, советам, пожеланиям и т. д. Однако совмещение семантических функций аргументами в таких высказываниях будет различным. Например: (13) Kiewetter verwendete dieses Format für kurze Notizen. «Zum Bericht befohlen»... Flemmig wußte Bescheid, bevor er es gelesen hatte... Ein Befehl muß ausgeführt werden. ...Befehl ist Befehl, daran ist nichts zu ändern! (Schneider, 70—73) «Кисветтер использовал такой формат для кратких указаний. «Приказано доложить»... Флеммиг все понял, не читая этой записки... Приказ должен быть выполнен... Приказ есть приказ, и тут ничего не изменишь!»; (14) Ich rate Ihnen alles zu beweisen (Schneider, 115) «Я советую Вам все доказать». В приказах, базирующихся на пресуппозиционной основе обязательного следования приказу (высказывание 13), первый аргумент не совмещает семантических функций агентива и бенефициатива. Семантические функции второго аргумента в приказах и просьбах аналогичны.

Иначе дело обстоит в высказываниях-советах, основанных на пресуппозиции оценки возможного следования указанному совету в пользу слушающего (ср. высказывание 14). Семантическая функция первого аргумента высказываний-со-

ветов аналогична семантической функции того же аргумента в приказах. Но к упомянутым семантическим функциям второго аргумента (пациентивная и агентивная) добавляется семантическая функция бенефициатива. Таким образом, сходные в реляционном плане структуры реквестивов, приказов, советов и т. д. могут различаться набором семантических функций соответствующих аргументов.

В ряде случаев семантическая и тектоническая структуры реквестивных высказываний нередко обнаруживают асимметрию. Так, в высказываниях (15) *Ja, also, ich bitte die Rosen!* (Flex, 13) «Да, итак, я прошу розы»; (16) *Ich bitte sogar anzufangen!* (Kellermann, 250) «Я прошу начинать» аргументная позиция пациентива не замещена: говорящий не называет лицо, к которому он обращается с просьбой. Однако отсутствие данной аргументной позиции в конкретных высказываниях (15—16) есть факт формы языка. В данном случае речь идет о неполной реализации реляционной структуры в конкретных высказываниях, которая в рамках семантической конфигурации остается по-прежнему трех-аргументной.

Неполную реализацию соответствующей реляционной структуры реквестивов можно наблюдать на примере различных объявлений, например: (7) *Es wird gebeten, das Rauchen einzustellen!* «Просьба не курить»; (18) *Es wird gebeten, den Rasen nicht zu betreten!* «По газонам просят не ходить»; (19) *Es wird gebeten, daß du hier bleibst!* «Тебя просят остаться здесь».

В высказываниях (17—18) незамещенными остаются аргументные позиции агентива и пациентива. В высказывании (19) незамещенной оказывается позиция агентива. Неполная реализация аргументных позиций агентива и пациентива наблюдается в большинстве случаев в конструкциях с так называемым безличным пассивом (см.: Сусов, 1973: 39). Однако для создания видимости нормальной синтаксической конструкции «местозаполняющее» слово *es* может занимать место подлежащего в предикационной структуре (Сергеева, 1979: 87). Ср. высказывания (17—19).

Целевая аргументная позиция, репрезентирующая ответный акт каузации (само каузируемое событие), может оказаться также незамещенной. Например: (20) «*Ich bitte*», *sagte er freundlich, während er die Tür zuzog* (Kellermann, 220) «Я прошу», — сказал он любезно, открывая дверь»; (21) «*Ich bitte herzlich*», *begann Christina und deutete auf*

einen Sessel (Kellermann, 50) «Я прошу Вас», — начала Кристина и указала на кресло».

В подобных случаях также наблюдается неполное замещение аргументных позиций. В зависимости от речевой ситуации говорящий информирует слушающего о характере и виде ответного действия параязыковыми средствами. Так, в случае (20) говорящий, открывая дверь, просит слушающего войти в комнату. Указывая на кресло, говорящий просит слушающего сесть (высказывание 21).

Таким образом, в конкретном высказывании любая из аргументных позиций может оказаться незамещенной. В ряде случаев незамещенными оказываются одновременно несколько аргументных позиций (ср. высказывания 17—18).

Итак, семантическая структура реквестивных высказываний представляет собой конфигурацию, которая образуется релятором и его аргументами. Характерным признаком семантической структуры высказываний-просьб является специфическое совмещение семантических функций первого и второго аргументов: 1) агентив + бенефициатив и 2) пациен-тив + агентив.

ЛИТЕРАТУРА

Адмони В. Г. Синтаксис современного немецкого языка: Система отношений и система построения. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. 366 с.
Алисова Т. Б. Дополнительные отношения модуса и диктума. — Вопросы языкознания, 1971 (а), № 1, с. 54—64.

Алисова Т. Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка: Семантическая и грамматическая структура простого предложения. М.: Изд-во МГУ, 1971 (б). 293 с.

Бабкина Л. Г. Вопросительные и побудительные предложения в системе гипотаксиса. На материале современного немецкого языка: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Л.: ЛГПИ, 1980. 20 с.

Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. 204 с.

Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. 2-е изд. М.: Высш. школа, 1972. 616 с.

Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970. 768 с.

Ивин А. А. Логика норм. М.: Изд-во МГУ, 1973. 122 с.

Киселева Л. А. Вопросы теории речевого воздействия. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 160 с.

Козлова Л. А. Система средств выражения просьбы и приказания в современном английском языке. — В кн.: Вопросы германской филологии. Барнаул: Барнаульск. гос. пед. ин-т, 1973, с. 3—24.

Ломтев Т. П. Конституенты предложений с глаголами речи. — В кн.: Ломтев Т. П. Общее и русское языкознание. М.: Наука, 1976, с. 218—239.

Мицкевич З. В. Аспекты изучения побудительных высказываний. —

В кн.: Вопросы романо-германского и славянского языкознания. Минск: Минск. гос. пед. ин-т иностр. языков, 1974, с. 271—283.

Молчанова Г. П. Некоторые особенности семантики императивных предложений. — В кн.: Грамматические и лексико-семантические исследования в синхронии и диахронии. Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1976, с. 146—151.

Новичкова Р. Н. Императив на лексико-семантическом уровне системы современного немецкого языка. — Филологические науки, 1979, № 3, с. 82—84.

Русская грамматика/Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980, т. 2. 709 с.

Рябенко В. С. Функционально-семантическое поле побудительности в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск: Минск. гос. пед. ин-т иностр. языков, 1975. 28 с.

Сергеева В. И. Семантическая интерпретация некоторых видов немецких связочных предложений. — В кн.: Значение и смысл речевых образований. Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1979, с. 80—89.

Структурный синтаксис английского языка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1972. 176 с.

Супрун А. В. Грамматика и семантика простого предложения. М.: Наука, 1977. 262 с.

Сусов И. П. Семантическая структура предложения: На материале простого предложения в современном немецком языке. Тула: Тульск. гос. пед. ин-т, 1973. 141 с.

Чейф У. Л. Значение и структура языка. М.: Прогресс, 1975. 431 с.
Arabski J. Imperative in English and Polish. — *Linguistica Silesiana*, 1975, t. 1, p. 153—162.

Fillmore Ch. The Case for Case. — In: *Universals in Linguistic Theory*/Ed. by E. Bach and R. Harms. London etc.: Holt, Reinhart and Winston, 1968, p. 1—88.

Holmberg A. On Whimperatives and Related Questions. — *Journal of Linguistics*, 1979, vol. 15, No. 2, p. 225—244.

Moskalskaja O. I. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Moskau: Hochschule, 1971. 384 S.

Schendels E. I. Deutsche Grammatik: Morphologie, Syntax, Text. Moskau: Vysšaja Škola, 1979. 397 S.

Segeth W. Aufforderung als Denkform. Berlin: Akademie-Verlag, 1974. 201 S.

Sosa E. The Semantics of Imperatives. — *American Philosophical Quarterly*, 1967, vol. 4, No. 1, p. 57—64.

Thiel R. Bemerkungen zum Ausdruck der Aufforderung. — *Sprachpflege*, 1975, Heft 1, S. 11—12.

Thorne J. R. English Imperative Sentences. — *Journal of Linguistics*, 1966, vol. 2, No. 1, p. 69—78.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

Flex H. Vierzehn Rosen. Rostock: Hinstorff, 1976.

Kellermann B. Der Totentanz. Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag, 1952.

Otto H. Zeit der Störche. Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag, 1980.

Schneider H. Tote schweigen nicht. Berlin: Greifenverlag, 1979.

Spranger G. Das Lügenspiel. Berlin: Greifenverlag, 1980.

Weiskopf F. C. Lissy oder Die Versuchung. Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag, 1974.

Wolf Ch. Der geteilte Himmel. Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag, 1975.

Л. П. Рыжова
(Калининский госуниверситет)

КОММУНИКАТИВНЫЕ ФУНКЦИИ ОБРАЩЕНИЯ

Обращение реализует в процессе общения самые различные функции, причем «особенностью обращения является то, что в одном словоупотреблении совмещается ряд функций и обращение предстает единицей многозначной» (Мизин, 1973: 36). Вопрос о функциях обращения поднимался во многих работах, но оно исследовалось главным образом в формально-синтаксическом и стилистическом аспектах и почти не рассматривалось с точки зрения семантической (референтной) и тем более коммуникативно-интенциональной (прагматической, речеактовой) функций.

Обладая общим смысловым значением — называть адресата речи, обращения «предназначены для маркирования социальных отношений, устанавливаемых в рамках коммуникативного акта... Факт употребления того или иного обращения должен непременно свидетельствовать об определенной ситуации, об определенных социальных отношениях» (Лендел, 1977: 193). Одной из основных функций обращения является социально-регулятивная, содержание которой определяется зависимостью выбора формы обращения от статуса и социальных ролей коммуникантов, отношений между ними, места и обстановки речевого акта, стиля и типа речи. Как указывает В. Е. Гольдин, обращение не называет эти факторы, оно лишь передает представления собеседников о них, причем «передает... нерасчлененно, в целом, не выделяя и специально не обозначая отдельных ее составляющих» (Гольдин, 1978: 38). Для выявления социально-регулятивной функции обращения можно представить его в виде высказывания *Я сообщаю вам/тебе, что я обращаюсь к вам/к тебе*, которое отображает основные компоненты коммуникативного и социативного актов: я — адресант, вы/ты — адресат. Отношения между конституирующими обращение компонентами устанавливаются на основе процедуры анализа высказываний, предложенной А. А. Холодовичем, правда, с некоторыми оговорками. А. А. Холодович выделяет в высказывании четыре компонента: А — говорящий, В — слушающий, С — семантический субъект, Д — семантический объект (Холодович, 1979: 55—56). В случае обращения компоненты А и С представляют одно и то же лицо — отправителя речи, адресанта, компоненты В и Д — получателя речи,

адресата. В соответствии с этим и устанавливаются отношения между компонентами обращения.

Отношение $A \rightarrow B$ — это отношение респективности, т. е. уважительное /неуважительное, вежливое/ невежливое отношение говорящего к адресату, определяемое нормами речевого этикета.

Отношение $A \rightarrow C$ — это отношение субъектной иерархичности. Поскольку $A=C$, то это отношение передает оценку говорящим своего социального статуса относительно социального статуса слушающего (более высокий, равный, более низкий), передает оценку своих социальных ролей в рамках данного коммуникативного акта.

Отношение $A \rightarrow D$ — это отношение объектной иерархичности. Данное отношение передает оценку социального статуса адресата относительно социального статуса говорящего, отражает представление говорящего о социальных ролях адресата.

Анализируя отношения $A \rightarrow C$ и $A \rightarrow D$, нужно иметь в виду, что в обращении эти отношения «характеризуют не каждого из общающихся в отдельности, а адресанта (= посылающего сообщение) и адресата (= получающего сообщение) вместе как действующих лиц одной ситуации общения. Высший может быть высшим только в той ситуации, где он связан с низшим, и наоборот. Точно так же быть равным, своим или чужим можно лишь по отношению к другому равному, своему или чужому. Каждое лицо характеризуется при этом не абсолютно, не само по себе, а только лишь через соотношение с другими лицами в данной конкретной ситуации» (Гольдин, 1978: 10).

Отношение $C \rightarrow D$ в случае обращения является аналогом отношения $A \rightarrow D$; кроме того, оно указывает, что C совершает действие относительно D с определенной целью.

В предложении (1) *Полноте, Борис Михайлович, да нужны ли русскому человеку китайские церемонии...* (Дангулов, 165) обращение отражает следующие отношения между собеседниками: $A \rightarrow B$ — вежливость, уважительность, нормативность; $A \rightarrow C$ и $A \rightarrow D$ — равенство социальных статусов, поскольку собеседники — давно, но не близко знакомые люди, имеющие примерно равное служебное положение; отношение $C \rightarrow D$ показывает, что обращение адресовано Борису Михайловичу с целью установления равноправных, непринужденных отношений.

(2) *Брызгалов: Ваша память меня не устраивает. Счи-*

тайте, что мы не сработались. Самое лучшее для вас — подать заявление по собственному желанию.

Тина: Виктор Николаевич! (Врублевская, 36)

(3) Брызгалов: ...Ну с вашим опозданием, Анна Павловна, я думаю, мы уладим... Можете не писать объяснительную. Я буду сегодня у ректора. Словом, считайте инцидент исчерпанным. Естественно, я надеюсь, что в будущем...

Евграфова: Виктор Николаевич! (Врублевская, 55)

В примерах (2) и (3) обращение отражает следующие отношения: А → В — вежливость, нормативность; А → С — более низкий социальный статус говорящего, так как и лаборантка Тина, и преподаватель Евграфова — подчиненные, а адресат — заведующий кафедрой, и отношение С → Д отражает его более высокий статус; отношение С → Д показывает, что обращение направлено к заведующему кафедрой с целью выражения отрицательной (2) и положительной (3) реакции на его слова.

Таким образом, выявление отношений респективности, субъектной и объектной иерархичности, а также коммуникативной направленности обращения указывает на то, что обращение реализует в тексте (высказывании) функцию социальной регуляции, определяемую социальными ролями коммуникантов, соотношением их социальных статусов, правилами и нормами речевого этикета.

Анализ социально-регулятивной функции играет важную роль при выявлении у обращения речеактовых функций: перформативной, иллокутивной и перлокутивной.

Для выявления перформативной (т. е. аутометакоммуникативной) функции существенным оказывается вопрос об отношениях между коммуникантами, о соотношении их социальных статусов, поскольку «перформативные высказывания отражают отношения, существующие между говорящим и адресатом, и употребляются для того, чтобы воздействовать на волю слушающего» (Austin, 1962). В перформативном высказывании речевое и неречевое действия совпадают. О наличии у обращения перформативной функции свидетельствует тот факт, что любое обращение является сигналом установления или поддерживания контакта и определенных социальных отношений между коммуникантами, т. е. своеобразным сообщением об этом адресату, и самим действием установления и поддерживания контакта и определенных социальных отношений между говорящими с целью воздействия на волю и поведение адресата. Наличие таких свойств

позволяет квалифицировать обращение как перформативный компонент текста (высказывания), выраженный в свернутой форме (представлен только адресат) и несущий, подобно другим перформативам (особенно глагольным), разностороннюю информацию о собственно интенциональной (иллокутивной) функции обращения (см.: Рыжова, 1980).

Содержанием интенциональной функции может быть выражение просьбы, мольбы, приказа, предупреждения, приглашения, угрозы и т. п. (см.: Searle, 1969). Авторская интенция реализуется и в тех случаях, когда она не выражена лексически, а детерминирована ситуацией речевого акта или окружающим контекстом, что подтверждается следующими примерами:

(4) Le garçon s'approche.

— Monsieur?

— Un rhum. (Sanitas, 45).

Обращением monsieur официант предлагает клиенту сделать заказ.

(5) Au moment où il quittait la pièce, Albert Perrichon, toujours assis sur le lit, l'interpella:

— Lambertin? (Sanitas, 107).

В данном примере с помощью обращения выражено приказание остаться.

Употребление обращения в качестве ответа на то или иное сообщение указывает на наличие у него перлокутивной (реактивной) функции, содержанием которой является имплицитное выражение радости, огорчения, обиды, удивления, упрека и т. п., определяемые ситуацией общения или контекстом. В примере (6) обращение выражает огорчение, упрек:

(6) Robert: Ich helf mir schon. Ihr müßt ewig euren Dank abstellen wollen. Ihr wart mal meine Untermieter und gut...

Erdhöfer: Robert! (Schirmer, 21).

Анализ примеров (2) и (3) показывает, что имя собственное, называющее одного и того же человека, в позиции обращения реализует реактивную функцию, выражая в примере (2) растерянность, обиду, в примере (3) — радость, облегчение.

Наличие перформативной (автометакоммуникативной), иллокутивной (интенциональной) и перлокутивной (реактивной) функций характеризует обращение как «особого рода коммуникативный акт» (Копыленко, 1971: 76), с помощью которого осуществляется социальное взаимодействие коммуникантов на основе речевого контакта, определяемое ситуацией общения и интенцией говорящего.

На основе референтной отнесенности имени можно выделить такие семантические функции обращения, как идентифицирующая и характеризующая (предикатная). По мнению Н. Д. Арутюновой, «в предложении регулярно реализуются две основные коммуникативные функции — идентификация предметов, о которых идет речь, и предикация, вводящая сообщаемое... Знание слов приспосабливается к выполнению одного из этих заданий» (Арутюнова, 1976а: 326). «Апеллятивы создают промежуточную между идентифицирующей и предикатной номинацией зону семантики, сочетающей черты этих двух принципиально разных типов имен. Они осуществляют переход от идентифицирующей, объективной семантики к семантике субъективного типа соответствующей номинациям, употребленным в позиции предиката» (Арутюнова, 1977: 344), так как «обращение в функциональном отношении двойственно. С одной стороны, оно позволяет адресату идентифицировать себя как получателя речи, с другой стороны, в обращении часто выражается отношение говорящего к адресату» (Арутюнова, 1976а: 355—356). Поскольку «идентифицирующая номинация предназначена для того, чтобы адресат мог при ее помощи выделить из поля своего знания или восприятия тот объект, о котором делается сообщение» (Арутюнова, 1976а: 188), постольку с позиции адресата идентифицирующая функция обращения является универсальной, т. е. адресат всегда идентифицирует себя как получателя речи, причем обращение может быть выражено любой формой номинации — положительной, нейтральной или отрицательной коннотацией.

Обращение как и все единицы речевого этикета, «с точки зрения присущего им социального символизма отмечено не только позицией адресата, но и позицией адресанта» (Формановская, 1979: 29). Так как «в современных семантических исследованиях проблема номинации связывается с содержанием и целью коммуникации» (Карташкова, 1979: 1), то авторская интенция, отражающая позицию адресанта, «является основным текстообразующим фактором..., предопределяя отбор той или иной предметной ситуации на роль референта и способ ее описания..., выступая организующим звеном в многослойной структуре речевого произведения» (Сусов, 1979: 101). И коммуникативно-функциональный подход к изучению текста предполагает, что выбор формы обращения определяется авторской интенцией, что обращение как

компонент текста реализует в тексте те или иные функции в соответствии с авторской интенцией.

В этом отношении определенный интерес представляет выявление идентифицирующей функции обращения, рассматриваемого с позиции адресанта. При этом под идентифицирующей функцией можно понимать роль языковой единицы, «состоящую в выделении конкретного лица или группы лиц в качестве участников какой-либо ситуации» (Ляхова, 1980: 13). Наиболее успешно реализуют идентифицирующую функцию обращения, выраженные именами собственными, так как «когда речь идет о конкретном, уникальном объекте, то идентифицирующим целям наиболее адекватно удовлетворяет имя собственное» (Арутюнова, 1977: 189), которое мыслится как самое конкретное из всех типов имен (Суперанская, 1973: 266—275; Степанов, 1975: 10—20; Привалова, 1979: 61—62), и «реляционными номинациями», где «референция имени... выражается через указание на «партнера», соотносительный объект» (Арутюнова, 1979: 246).

Идентифицирующая функция обращения реализуется прежде всего в ситуациях группового общения, где оно служит для выделения одного из собеседников, уточнения адресата с целью побуждения его к действию, что подтверждается следующими примерами.

(7) Четверо служащих, находясь на работе, делятся впечатлениями о самом счастливом дне в их жизни). Heidicke: Kollege Böttrich! Bitte! Wir sind nicht ganz unter Männern! (Schirmer, 21).

(8) В учительской обсуждают проблемы обучения и воспитания в современной школе). Ольга Олеговна повернулась к директору: — Иван Иванович, вы не против, если я ради эксперимента устрою вам копотенький экзамен? (Тендряков, 22).

О реализации обращением функции идентификации можно говорить и в том случае, когда говорящий лично не знаком с адресатом, но знает его имя и предполагает, что это именно тот человек, кто ему нужен.

(9) Николаю Алексеевичу не везло. Карты валились из рук, и Репнин встал из-за стола. Незнакомец сочувственно улыбнулся и устремился к освободившемуся стулу — он ждал этой минуты.

— Николай Алексеевич... Простите, я не ошибся? — поднял он белесые глаза (Дангулов, 65).

Идентифицирующая функция обращения проявляется так-

же в высказываниях, где обращение соотносится с личными местоимениями второго лица: (10) *Это ты, Кира?* (Дангулов, 61); (11) *Kommst du mit, Achim?* (Schirmer; 22) или с глаголами в форме повелительного наклонения: (12) *Alors, père, continue...* (Triolet, 32); (13) *Laß ihn, Robert!* (Schirmer, 35).

Выполнение обращением идентифицирующей функции опирается на прямую связь имени с референтом (в случае обращения — с адресатом). При этом идентифицирующая функция обращения с точки зрения восприятия его адресатом — явление универсальное, присущее любому обращению, тогда как с позиции адресанта наличие этой функции определяется ситуацией общения и (авторской интенцией).

Употребление в позиции обращения эмоционально-оценочных номинаций, характеризующих адресата по различным признакам, определяется способностью обращения выражать отношение говорящего к адресату, что является содержанием характеризующей функции. Характеризующие номинации могут отражать отношение к адресату через отношение к его поступкам, к его поведению, к его образу жизни:

(14) *Куда же ты смотрел, чертова баба! На реке случилось бы, ведь ты бы нас утопил...* (Леонов, 4); (15) *Tes roses, elles étaient à crédit, tu me les a reprises, salaud!* (Triolet, 102).

Обращения могут характеризовать адресата по внешнему виду: (16) *Tu t'appelles Martine, hein, petite?* (Triolet, 115); (17) *Là j'aime mieux ça, ma grandel!* (Sanitas, 48), по возрасту: (18) *Salut, les jouvencaux!* (Sanitas, 25) и т. п.

Как считает Н. Д. Арутюнова, «человек в своих разнонаправленных проявлениях становится референтом многих функциональных, реляционных и других имен и, хотя большинство из них имеет статус семантических предикатов, т. е. обозначает признаки, роли, действия лица, его отношение к другим лицам, многие из них регулярно выполняют в предложении идентифицирующую функцию...» (Арутюнова, 1979: 179), что подтверждается примерами, где характеризующие номинации служат целям идентификации адресата.

(19) *Rendez-vous et levez les mains! Vous deux, là-bas!* (Sanitas, 112).

В этом обращении идентифицирующая функция реализуется благодаря указанию на количество и местонахождение адресатов.

(20) *A moi, Rugby Clusot! hurle le fils Briand.* (Vailland,

55). Здесь целям идентификации адресата служит указание на принадлежность к спортивной команде города.

Таким образом, реализация обращением характеризующей функции основывается на контакте «между денотатом имени... и понятием (сигнификатом), элементом мира и элементом нашего мышления о мире» (Арутюнова, 1976б: 26), вследствие чего характеризующие номинации в позиции обращения ситуативны, отражают ситуацию речевого акта и носят субъективный характер.

Анализ идентифицирующей и характеризующей функций обращения показал, что любая номинация в позиции обращения референтна и характер номинации определяется авторской интенцией и коммуникативной направленностью текста (высказывания) в рамках данного речевого акта.

Изучение социально-регулятивной, коммуникативно-интенциональных и семантических функций обращения показало, что обращение всегда реализует одновременно несколько функций, образующих сложную систему взаимодействия. Функция социальной регуляции обуславливает реализацию обращением семантических и речевых (коммуникативно-интенциональных) функций и является обязательным компонентом вокативной функции (или функции адресации), сущность которой заключается в привлечении внимания другого лица или побуждении его к совершению некоего действия. Вокативная функция представляет собой более частный компонент фатической (контактной) функции. Нужно, однако, отметить, что понимание фатической функции в современном языкознании не однозначно. Для Л. Е. Скрипниченко и Н. И. Формановской сущность фатической функции заключается в установлении контакта (Скрипниченко, 1978: 166; Формановская, 1979: 11), для Л. А. Федоровой — в поддержании контакта (Федорова, 1980: 21). Думается, более адекватным является ее широкое понимание как функции организации интеракции, т. е. использования в процессе взаимодействия языковых средств для начала, поддерживания и окончания контакта, обусловленного фокусировкой внимания на контактном элементе сообщения (Якобсон, 1965: 374—376; Торсуева, 1975: 56; Киселева, 1978: 43; Почецов, 1981).

Функции обращения как компонента средств речевого контакта (см.: Гайсина, 1967) занимают определенное место в иерархической системе функций речевого контакта и, следовательно, в иерархической системе функций языка, пред-

ставление о которой дает опыт Л. А. Киселевой, считающей, что главенствующее положение занимают коммуникативная и мыслительная функции. Они представляют собой диалектическое двуединство и реализуются в виде частных функций, одной из которых является прагматическая функция (функция воздействия и регуляции поведения), включающая, в свою очередь, контактную (фатическую) функцию (Киселева, 1978: 27—38).

Место функций обращения в системе функций языка определяет следующая схема:

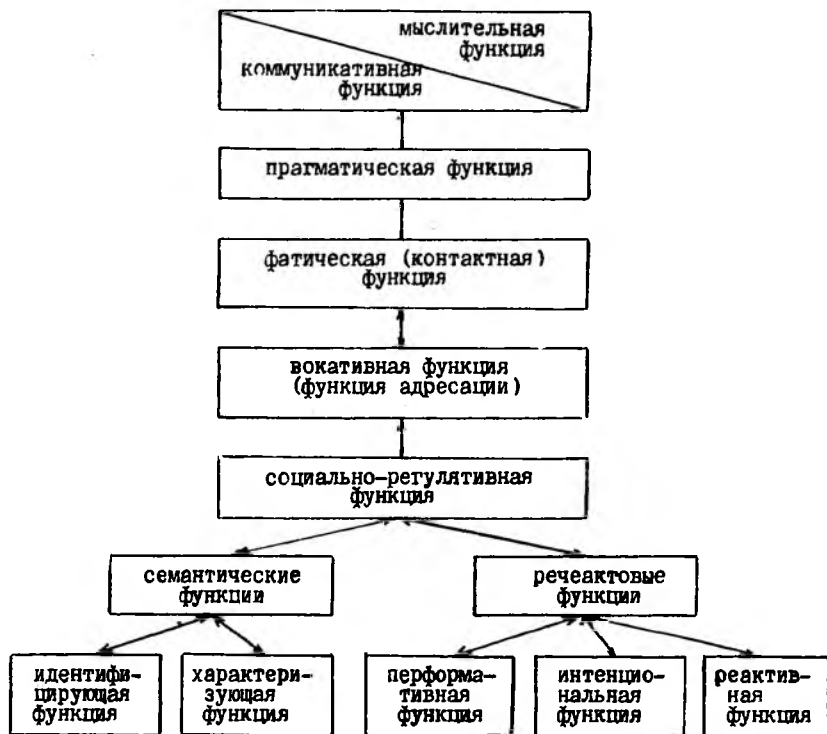

Рис. I

Анализ функций обращения показывает, что обращение как компонент текста (высказывания) реализует все те коммуникативные функции, которые присущи языковой системе в целом и тексту как речевому произведению.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976(а). 383 с.
- Арутюнова Н. Д.* Референция имени и структура предложения. — Вопросы языкознания, 1976(б), № 2, с. 24—35.
- Арутюнова Н. Д.* Номинация и текст. — В кн.: Языковая номинация: Виды наименований. М.: Наука, 1977, с. 304—357.
- Арутюнова Н. Д.* К проблеме функциональных типов лексического значения. — В кн.: Аспекты семантических исследований. М.: Наука, 1980, с. 156—249.
- Гайсина Р. М.* Средства речевого контакта в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов: Саратовск. гос. ун-т, 1967. 21 с.
- Гольдин В. Е.* Этикет и речь. Саратов: Саратовск. гос. ун-т, 1978. 112 с.
- Карташкова Ф. И.* Функционирование в тексте слов неполной номинации: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л.: ЛГУ, 1979. 21 с.
- Киселева Л. А.* Вопросы теории речевого воздействия. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 160 с.
- Копыленко М. М.* Наблюдения над этикетом обращения. — В кн.: Страноведение и преподавание русского языка как иностранного: Международный симпозиум. М.: Изд-во МГУ, 1971, с. 76—79.
- Лендел Ж.* Обращения, приветствия и прощания в речевом этикете современных венгров. — В кн.: Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977, с. 193—218.
- Ляхова И. В.* Функционально-семантический анализ имен собственных личных: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 1980. 24 с.
- Мизин О. А.* Функции обращения в современном русском языке. — В кн.: Вопросы методики преподавания языка и литературы. Минск, 1973, вып. 4, с. 36—47.
- Почепцов Г. Г.* Фатическая метакоммуникация. — В наст. сб., с. 52—59.
- Привалова М. И.* Собственные имена и проблема омонимии. — Вопросы языкознания, 1979, № 5, с. 56—67.
- Рыжова Л. П.* Обращение как перформативный компонент высказывания (текста). Калинин, 1980. 11 с. Рукопись представлена Калининск. гос. ун-том. Деп. в ИНИОН АН СССР 9.06. 1980, № 5511.
- Скрипиченко Л. Е.* Диалогический текст и интонация обращения. — В кн.: Лингвистика текста и обучение иностранным языкам. Киев: Вища школа, 1978, с. 163—167.
- Степанов Ю. С.* Основы общего языкознания. М.: Просвещение, 1975. 271 с.
- Суперанская А. В.* Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.
- Сусов И. П.* О двух путях исследования содержания текста. — В кн.: Значение и смысл речевых образований. Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1979, с. 90—103.
- Торсуева И. Г.* Теория высказывания и интонация. — Вопросы языкознания, 1976, № 5, с. 53—64.
- Федорова Л. Л.* К понятию коммуникативной компетенции: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 1980. 25 с.
- Формановская Н. И.* Функциональные и категориальные сущности устойчивых формул общения: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М.: Ин-т рус. языка и литературы им. А. С. Пушкина, 1979. 37 с.

Холодович А. А. Проблемы грамматической теории. Л.: Наука, 1979. 304 с.

Якобсон Р. Разработка целевой модели в европейской лингвистике в период между двумя войнами. — В кн.: Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1965, вып. 4, с. 372—377.

Austin J. L. How to Do Things with Words. Oxford: Oxford University Press, 1962. 167 p.

Searle I. R. Speech Acts. Cambridge: Cambridge University Press, 1969. 306 p.

В. И. Сергеева

(Калининский госуниверситет)

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ И СМЫСЛЕ ПРЕДЛОЖЕНИЙ-ТИПОВ И ПРЕДЛОЖЕНИЙ- РЕАЛИЗАЦИЙ

Предложение как лингвосемиотический объект может рассматриваться как единица-событие (на уровне речи) и как единица-тип (на уровне языка), т. е. на этическом и эмическом уровне (Сусов, 1977: 101).

Предложение, будучи коммуникативной единицей, обладает не только номинативным значением, служит не только для номинации той или иной денотативной ситуации, но и используется в коммуникативных целях. Коммуникативная функция языка имеет далеко идущие следствия, она пронизывает все особенности языка (Серебренников, 1970: 6). Коммуникативно-прагматические компоненты являются доминирующими в плане содержания языковых единиц. Они накладываются на номинативные значения, образуя сложные семантические комплексы. Сопоставляя лексическое и сентенциональное значение, можно сказать, что в первом доминирует номинативный компонент, а во втором коммуникативно-прагматический.

Для тщательного исследования значений предложений-типов необходимо иметь инвентарь этих коммуникативных единиц языка. Работа в этом направлении, как известно, уже ведется. Что касается смысла предложений-реализаций, то можно сказать, что исследовать и описать смысл каждого конкретного употребления предложения практически невозможно в силу неограниченного количества коммуникативных единиц речи. Необходима, по-видимому, какая-то промежуточная единица, менее абстрактная, чем предложение-тип, и

более абстрактная, чем предложение-реализация. На лексическом уровне принято считать, что в системе языка слово выступает как абстрактная, виртуальная единица, независимая от реализации и актуализации в речи (лексема, глоссема, слово-тип). Предложение-тип также рассматривается как виртуальная единица коммуникативного уровня в отвлечении от конкретных грамматических форм и значений, от конкретного лексического наполнения. Слово-лексема предстает в своем прямом номинативном значении. В предложении-типе тоже должно быть выявлено необходимое и достаточное содержание, по которому одно предложение-тип отличается от другого. Даже в лексеме невозможно выделить общее значение, поэтому инвариантное в лексическом содержании интерпретируется как более устойчивое, менее подвижное, служащее основой семантической производности (Уфимцева, 1972: 415). Тем более трудно установить инвариантное значение предложения-типа, обобщить существующие в данный период реализации данного предложения-типа. На лексическом уровне выделена посредствующая единица — лексико-семантический вариант, который выступает в двойном облици: как виртуальный знак по отношению к речевым реализациям слова и как актуальный по отношению к слову-лексеме. Лексико-семантические варианты реализуются в речи в конкретных экземплярах (глоссах, лексах, аллолексемах). Лексы — это актуализованные единицы, соотношенные с действительностью речевого общения, примененные в конкретной речевой ситуации. Можно предположить, что если на фонетическом уровне для адекватного описания языковых и речевых единиц необходимы фонема, аллофонема и их реализации (фоны), а на лексико-семантическом уровне необходим промежуточный компонент в виде лексико-семантического варианта, то на коммуникативном уровне также необходим промежуточный компонент.

Слово-тип реализует как свое сигнификативное значение, т. е. выступает в понятийной отнесенности, так и денотативное значение, т. е. выступает в предметной отнесенности. Что касается предложения, то отмечается, что оно как коммуникативная единица всегда референтно соотносено с действительностью. Это справедливо в отношении предложения-реализации. Акт общения обладает подлинно индивидуальной отнесенностью с ситуацией действительности (Сусов, 1978: 125). Если рассматривать значение предложения-типа, то можно говорить о соотношенности его значения с обобщен-

ным образом денотативной ситуации, т. е. с понятием о ситуации. Так, предложения-реализации *Мальчик бежит; Девочка играет* репрезентируют конкретные денотативные ситуации. В системе языка этим конкретным реализациям соответствует предложение-тип, отражающий обобщенный образ соответствующих денотативных ситуаций, который вербально можно представить следующим образом: «Лицо совершает действие». В предложениях-реализациях это обобщенное значение представлено в некотором конкретном воплощении. И в каждую реализацию конситуация вносит дополнительные компоненты значения. Предложение *Мальчик бежит* может осмысливаться следующим образом: *Мальчик бежит (а не идет); Мальчик бежит (а не девочка); Мальчик бежит (в данный момент)* и т. д. Эти дополнительные компоненты значения, которые извлекаются либо из контекста, либо из ситуации общения, или даны пресуппозиционно вместе с основным значением, которое можно квалифицировать как номинативное, составляют смысл предложения-реализации.

Влияние ситуации на выявление смысла предложения-реализации можно наглядно продемонстрировать следующим примером. (Князь Андрей излагает отцу операционный план предполагаемой кампании.) *Старый князь не выказал ни малейшего интереса при рассказе, как будто не слушал, и, продолжая на ходу одеваться, три раза неожиданно прервал его. Один раз он остановил его и закричал: — Белый! Белый! Это значило, что Тихон подавал ему не тот жилет, который он хотел* (Л. Толстой. Война и мир).

Только в данном контексте предложение-реализация получает смысл, который можно прокомментировать следующим образом: «Я приказываю подать мне белый жилет».

В этом примере смысл предложения-реализации настолько обусловлен ситуативно, что даже контекст не помогает эксплицировать его, потребовалась интерпретация автора.

Приведем еще один пример авторской интерпретации смысла предложения-реализации.

Автор повести «Земля русская» И. Васильев описывает свою встречу с председателем колхоза: *В тот раз в беседе я не касался кукурузы, но мою поездку по деревням Сергей Владимирович принял, вероятно, за инспекционную и первым делом спросил: — Ну, как писать будешь? — Он сделал ударение на «как». Я не понял, что он имеет в виду. — Королеву. — В уголке его губ мелькнула чуть приметная усмеш-*

ка. — *Никак не буду. ...Совсем не случайно допытывался он у заезжих корреспондентов, как будут они писать о кукурузе. Да и подразумевалась, конечно, не сама культура как таковая, а то, что крылось за ней, и от чего он, истинный земледелец, страдал более всего.*

В преобладающем большинстве случаев смысл согласуется со значением, не противоречит значению предложения-типа (за исключением переносного употребления): *«Помни одно, князь Андрей: коли тебя убьют, мне, старику, больно будет... А коли узнаю, что ты повел себя не как сын Николая Болконского, мне будет... стыдно!»* — *взвизгнул он.* Значение предложений *Мне... больно будет* и *Мне будет стыдно* можно представить в следующих словах: *«Лицу присуще некоторое состояние».*

Интересным является вопрос об отражении субъективного компонента в значении предложения-типа и в смысле предложения-реализации. Представление предложения-типа как номинации некоторой обобщенной ситуации, образа ситуации не должно приводить к исключению из рассмотрения субъективного компонента. Полная экспликация смысла любого предложения должна содержать отражение субъективного компонента: отношения или оценки говорящим отображаемой ситуации.

По словам П. Сгалла, в языке нет чистой семантики, его семантическая структура основана на прагматике (Сгалл, 1976: 17). Объективная реальность, те денотативные ситуации, которые лежат в основе значения предложения-типа, не несут в себе никаких оценок, они абсолютно нейтральны. В объективной действительности нет ни отрицательных, ни вопросительных ситуаций. Человек с его сложным внутренним миром также выступает как часть экстралингвистической реальности. Следует разграничивать случаи, когда человек выступает как носитель оценки некоторой денотативной ситуации и когда он выступает как некий «компонент» экстралингвистической реальности. Рассмотрим следующие предложения: *Графиня прослезилась и молча соображала что-то.*

— *Часто думаю, может, это и грех, — сказала княгиня, — а часто думаю: вот граф Кирилл Владимирович Безухов живет один... это огромное состояние... и для чего живет?* (Л. Н. Толстой. Война и мир). В первом предложении описывается ситуация, в которой участвует лицо (*графиня*) с ее внутренним психическим миром (*прослезилась, молча сообра-*

жала что-то). В данном случае лицо выступает не как носитель какого-то отношения к некоторой денотативной ситуации, а как часть экстралингвистического мира. Если и усматривать здесь субъективный компонент, то только в том смысле, что автор, Лев Николаевич Толстой, констатирует, что с описываемым лицом произошло нечто. А вот в следующем предложении на этот субъективный компонент констатации факта (который присутствует в любом коммуникативно не маркированном предложении-реализации) накладывается вторая субъективная линия: отношение княгини к некоторой ситуации (*граф Безухов живет один...*). Кроме того, княгиней оценивается и это отношение к ситуации (*может, это и грех*). И все это — и денотативную ситуацию, и отношение к ней, и оценку отношения к денотативной ситуации высказывает княгиня, что и показано эксплицитно автором. Имеет место совмещение семантических компонентов в рамках одной семантической структуры: Если эксплицитировать все эти компоненты значения предложения, получится очень громоздкое выражение, которое не может использовать ни один носитель языка, не говоря уже о таком великом мастере художественного слова, как Л. Н. Толстой. Автор констатирует, что княгиня сказала, что она часто думает, что граф Кирилл Владимирович Безухов живет один. Княгиня считает, что то, что она часто думает, что граф Кирилл Владимирович Безухов живет один, может быть и грехом. Схематически семантическую структуру этого предложения можно представить следующим образом:

$$A_1 + \Pi_{\text{конст}}(A_2^1 + \Pi_{\text{гов}}(A_2^2 + \Pi_{\text{мысл}}(A_3^1 + \Pi_{\text{сост}}))) \\ A_2^3 + \Pi_{\text{оц}}(A_2^4 + \Pi_{\text{мысл}}(A_3^2 + \Pi_{\text{акц}})).$$

Аргумент A_1 (автор), аргумент A_2^1 — автор слов (княгиня), A_2^2 — аргумент при предикате мысли (княгиня), A_3^1 — аргумент оцениваемой ситуации (Безухов). Во второй семантической структуре A_2^3 — аргумент при предикате оценки (княгиня), A_2^4 — аргумент при предикате мысли (княгиня), A_3^2 — аргумент оцениваемой ситуации (граф Безухов). Некоторые аргументы кореференты. Это отражается в совпадении нижних индексов. В рассмотренном предложении-реализации можно обнаружить некоторые дополнительные смыслы, которые не выводятся из самого высказывания, а требуют привлечения более широкого контекста.

Проанализируем еще одно предложение-реализацию: *Когда заиграла музыка, Наташа вошла в гостиную и, подойдя прямо к Пьеру, смеясь и краснея, сказала: Мама велела вас*

просить танцевать (Л. Н. Толстой. Война и мир). В первой части сложного предложения-реализации имеет место не совмещение нескольких семантических структур в рамках одной сложной семантической структуры, а присоединение одной семантической структуры к другой. Здесь описывается сложная денотативная ситуация, которая может быть условно расчленена на простые денотативные ситуации: *Музыка заиграла. Наташа вошла в гостиную. Наташа подошла прямо к Пьеру. Наташа смеялась. Наташа краснела. Наташа сказала. Мама велела. Я прошу вас. Вы танцуете со мной.* Различные грамматические и лексические средства дают возможность представить последовательность этих денотативных ситуаций в форме сложного предложения. Схематически семантическая структура первой части этого сложного предложения может быть представлена следующим образом:

$$(A_1 + \Pi_1) + (A_2^1 + \Pi_2 + A_3) + (A_2^2 + \Pi_3 + A_4) + (A_2^3 + \Pi_4) + \\ + (A_2^4 + \Pi_5) + (A_2^5 + \Pi_6).$$

Рассмотрим отдельно вторую часть предложения: *Наташа сказала: Мама велела вас просить танцевать.* Если представить эксплицитно все компоненты значения этого предложения, то получится следующее высказывание *Наташа сказала, что мама велела Наташе, чтобы Наташа просила Пьера, чтобы Пьер танцевал с Наташей.* Здесь наблюдается не простое соположение семантических структур, а их совмещение и взаимодействие, что может быть представлено схематически: $A_1^1 + \Pi_{гов} (A_2 + \Pi_{кауз} + A_1^2 (A_1^3 + \Pi_{рекв} + A_3^1 (A_3^2 + \Pi_{акц} + A_1^3)))$. Сложная система скобок необходима для того, чтобы показать зависимость одной семантической структуры от другой, включение одной в другую. Какая денотативная ситуация соответствует предложению: *Мама велела вас просить танцевать?* В предложении представлены каузативный реквестивный и акциональный предикаты. Если исходить из того, что каждый предикат репрезентирует какую-либо денотативную ситуацию, то надо признать существование трех денотативных ситуаций, представленных в рассматриваемом предложении. Денотативная ситуация, манифестируемая каузативным предикатом, имеет актуальный характер, а денотативные ситуации, манифестируемые реквестивным и акциональным предикатом, в данном случае имеют потенциальный характер. Это можно показать с помощью процедуры введения дополнительного отрицательного контекста: *Мама велела вас просить, но я не стала вас просить. Мама велела вас*

просить танцевать, но вы не стали танцевать. Дополнительный отрицательный контекст не совместим с актуальным каузативным предикатом: **Мама велела, но не велела.* Если мы просто введем отрицание (*Мама не велела*), то предложение приобретает отрицательный смысл, но предикат отрицательной каузации манифестирует актуальную денотативную ситуацию: *Мама запретила.* Таким образом, предложение: *Мама велела вас просить танцевать* манифестирует денотативную ситуацию, которую можно выразить так: «Лицо оказывает воздействие (в форме каузации) на другое лицо в целях совершения вторым лицом некоторого действия».

Воздействие лица на другое лицо может иметь различные формы, например, реквестивную форму: *От толпы вдруг отделилась девочка и подбежала к нам с позеленевшим винтовочным патроном в руке. Протягивая его нам, она пронзительным голосом просила: «Дяденька, убей немца за папу и маму»* (И. Васильев. Земля русская); интеррогативную форму: *Заведующий пригласил Анну Ивановну и спросил, что делать с классом* (там же); форму приказа: *Полицай оскалил зубы, позеленел, трясется: — Весь род ваш искореню, марш на улицу! Сейчас я тебя пуцую в расход* (там же).

Близки к описанным и предложения с предикатами качественной и модальной оценки, которые рассматривались автором ранее (Сергеева, 1979). В значениях таких предложений доминирующим является субъективный компонент, выступающий в таких случаях не как часть экстралингвистической ситуации, а как лицо, оценивающее эту ситуацию. Иными словами, денотативная ситуация, соответствующая таким предложениям, включает лицо с его отношением к явлениям внешнего и внутреннего мира, с его оценками этих явлений.

При таком рассмотрении денотативной ситуации не придется ставить под сомнение существование денотативной ситуации, соответствующей предложениям: *Книга, возможно, лежит на столе; Книга не лежит на столе* (ср.: Сусов, 1980: 23). Первому предложению соответствует денотативная ситуация «Говорящий ставит под сомнение существование некоторого положения вещей», второму — «Говорящий отрицает существование определенного положения вещей». Отрицательные предложения могут быть проинтерпретированы иначе, так как отрицание одного положения есть утверждение противоположного: «Говорящий утверждает существо-

вание некоторого положения вещей, противоположного описываемому».

Проблемы взаимоотношения этического и эмического уровней на сентенциональном уровне, значения и смысла предложений-типов и предложений-реализаций требуют тщательного, углубленного исследования. В данной статье намечены лишь некоторые возможные аспекты рассмотрения этих проблем.

ЛИТЕРАТУРА

Сгалл П. Значение и содержание предложения. — В кн.: Научно-техническая информация. Сер. 2, 1976, № 11, с. 3—21.

Сергеева В. И. Семантическая интерпретация немецких предложений со словами и семантическими вариантами слов, специализированными в присвязочном употреблении: Дис. ... канд. филол. наук. Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1979. 158 с.

Серебрянников Б. А. Предисловие. — В кн.: Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка. М.: Наука, 1970, с. 5—8.

Сусов И. П. Предложение как лингвосемиотический феномен. — Сб. науч. трудов/Моск. гос. пед. ин-т иностр. языков имени М. Тореза, 1977, вып. 112, с. 97—107.

Сусов И. П. Семантические функции основных лингвосемиотических объектов. — В кн.: Предложение и текст в семантическом аспекте. Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1978, с. 122—138.

Сусов И. П. Предложение и действительность. — В кн.: Коммуникативно-прагматические и семантические функции речевых единств. Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1980, с. 11—25.

Уфимцева А. А. Лексика. — В кн.: Общее языкознание: Внутренняя структура языка. М.: Наука, 1972, с. 394—455.

И. П. Сусов

(Калининский госуниверситет)

ПРЕДИКАТ И ПРЕДИКАЦИЯ

1. В новейшем синтаксисе о предикате говорится по крайней мере в двух различных смыслах. Одна трактовка исходит из традиционного противопоставления субъекта и предиката как двух звеньев, на которые членится речемыслительный акт; другая опирается на представление о предикате как своеобразном конструктивном (или конструктивно-семантическом) ядре, задающем — в силу той или иной присущей ему «местности» — свое окружение, в состав которого может входить определенное число членов, называемых аргументами, компонентами, актантами или партиципантами.

Наличие двух моделей — предикационный (или субъектно-предикатной) и реляционной (или предикатно-аргументной) — отражает сложившееся в новейших синтаксико-семантических исследованиях понимание того, что содержание предложения многоаспектно: в то время как его реляционный аспект моделирует систему отношений компонентов той или иной описываемой в предложении ситуации (положения дел), предикационный аспект воспроизводит динамику движения мысли-речи, ее направление. Обе модели верны и нужны. Но употребление термина предикат и в одной, и в другой создает немалые трудности, причем не только чисто терминологического порядка.

В рамках предикационной трактовки в соответствие субъекту ставится предмет (в широком смысле слова), выступающий носителем предикативного признака. Предмет может быть одушевленным и неодушевленным, конкретным и абстрактным, активно действующим и инактивным. Функция субъекта заключается в том, чтобы служить исходным звеном мысли-сообщения. В соответствие предикату (предикату₁) ставится актуальный признак, приписываемый предмету мысли-сообщения именно в данный момент времени посредством данного высказывания. Возникающая в этом высказывании субъектно-предикатная связь, или предикация, сиюминутна. Предложение строится ради такой сиюминутной, живой, динамической связи предикативного признака с предметом — носителем этого признака. Поэтому может утверждаться, что предикация представляет собой конститутивный признак предложения, что она создает предложение.

Наиболее грамматикализированным, а для многих языков первичным способом выражения предикации служит финитность глагола. Однако предикат₁ не сводим только к финитному глаголу, он может включать в свой состав все те компоненты, которые в совокупности выражают актуальный признак определяемого им предмета; ср., например: *Лейтенант молчал* (В. Карпов. Портрет лейтенанта); *Он был готов на все* (К. Лагунов. Смотлор); *Разбор несчастного случая длился два дня* (А. Плетнев. Шахта); *Шевелев грохнул кулаком по столу* (Н. Дубов. Родные и близкие); *Сбежавшиеся на выстрел люди отобрали у Мишухи берданку...* (А. Иванов. Вражда); *Второй такой шапки в округе не было* (И. Ракша. Весь белый свет); *Фотографий было много...* (В. Степанов. Серп Земли). Более того, наличие финитного глагола может быть не-

обязательным: *Ей воробьев жалко* (И. Грекова. Вдвой пароход); *А у тестя пенсия с гулькин нос, у тещи — вообще инвалидная* (Р. Коваленко. Хлеб на каждый день). За пределами предиката₁ остаются те компоненты предложения, которые имеют факультативный характер и выступают как дополнительные распространители, легко преобразуемые в субъектно-предикатные конструкции: *Колыбельников ощущал большую неловкость от этого разговора* (В. Карпов. Не мечом единым) → *Колыбельников ощущал большую неловкость. Ее причиной был этот разговор*.

Актуальность субъектно-предикатной связи делает предикат₁ динамическим независимо от того, передает ли он динамический признак (движение в пространстве, изменение во времени) или же выражает статический признак (состояние покоя). Эта динамичность предиката₁ обуславливает его функционирование в тексте как орудия линейаризации, с одной стороны, и как инструмента квантования информационного содержания, с другой. Последовательность предикаций создает динамическую перспективу текста, в которой так называемые тематические прогрессии, выделенные Франтишекком Данешем, оказываются лишь одним, и притом не самым существенным, аспектом (см.: Юганов, 1980). Чередование субъектов и предикатов отдельных предложений, входящих в текст, выступает как смена более статических и более динамических звеньев содержания, как полоса переходов от более статического к более динамическому. Предикации формируют и развивают содержание текста.

Для реляционной трактовки предиката (предиката₂) более важной является не содержательная его характеристика, а господствующее положение в иерархической системе «предикат — аргументы». Все связи предиката₂ равноправны, ни одна из них не выделяется как наиболее актуальная и самая подвижная. Предикатно-аргументная система отражает некое положение дел как систему отношений между участниками ситуации, оставаясь в принципе безразличной к динамическому или статическому характеру моделируемой ситуации. Поэтому и предикат₂ по своему существу статичен. Финитность не относится к числу его конститутивных признаков.

Рассмотрение предиката₂ как вершины отношений позволяет не ставить вопроса о его смысловой завершенности. При соотнесении границ предиката₁ и предиката₂ первый

может быть представлен как совокупность предиката₂ и его несубъектных аргументов или же как иерархия предикатов₂; ср.: 1) ...*Лидия Максимовна тут же побежала в штаб* (В. Карпов. Портрет лейтенанта) — *побежала* выступает здесь в роли предиката₂, *Лидия Максимовна* и *в штаб* функционируют как аргументы, а именно субъектный и директивный; сочетание *побежала в штаб* манифестирует предикат₁, противопоставляемый субъекту *Лидия Максимовна*; 2) *Она бежала спасать сына* (В. Карпов. Там же) — предикат₁ *бежала спасать сына* здесь соответствует иерархическая структура, состоящая из двух предикатов₂ (*бежала* и *спасать*) и присоединяющая к себе пациентивный аргумент *сына*.

Предикат₂ не связан жестко с позицией предикативного признака и может быть представлен как финитной, так и нефинитной формой глагола (причастие, деепричастие, инфинитив, герундий и т. д.), а также прилагательным, наречием, отглагольным и отадъективным существительным в любом синтаксическом употреблении. На роль предиката₂ могут выдвигаться грамматические значения времени, модальности и т. п., операторы отрицания, выделения и т. д. (см.: Вейнрейх, 1970; Богданов, 1977; Касевич, Храковский, 1981; Schmidt, 1961; Schmidt, 1970). При таком подходе любое элементарное предложение, содержащее только одну предикацию и, следовательно, один предикат₁, может включать в себя несколько предикатно-аргументных структур, а значит, и предикатов₂. Ср., например: *Нолик пытался пресечь эти разговоры* (Р. Коваленко. Хлеб на каждый день), где представителями предикатов₂ выступают лексемные знаки *пытаться*, *пресечь*, *разговоры*, а также значения прошедшего времени и изъявительного наклонения глагола *пытался*. Разнообразие типов предикатов, с которым приходится иметь дело в реляционной модели, естественно, потребовало разработки соответствующей классификации (ср. предикаты главные и деградированные, актуальные и потенциальные, матричные, включенные и зависимые, первой и более высоких степеней; ср. также предлагаемое Б. В. Касевичем и В. С. Храковским различие предикатных и непредикатных функторов, имеющее целью избежать чрезмерной экспансии термина предикат — Касевич, Храковский, 1981: 9 и след.).

Будучи главным и актуальным, предикат₂ соответствует структурному ядру предиката₁, так называемому предикатору (ср.: Сусов, 1973: 59, где под предикатором понимался

знак экзистенциальности, или утверждения бытия). Во всех остальных случаях предикат₂ понижается в ранге, что сигнализируется, по Уриэлю Вайнрайху, такими средствами, как номинализация, употребление в качестве вставляемого аргумента, в частности при глаголах говорения и т. п. (Вейнрейх, 1970: 200 и след.). Деградированные предикатно-аргументные структуры не служат ни линейризации текста, ни квантованию его содержательной структуры. Они не участвуют в развитии динамической перспективы текста. Их текстовая функция заключается в усложнении структуры иерархических связей, увеличении конструктивной и семантической глубины (в основном за счет так называемого вставления).

Итак, под один и тот же термин предикат подводятся весьма различные понятия. Предикат₁ динамичен, актуален; он участвует в построении предложения как его необходимое звено, играет существенную роль в развитии динамической перспективы текста, выступая в качестве его конструктивно необходимого линейного звена и кванта новой информации. Предикат₂ представляет собой прежде всего господствующий член в иерархии смысловых компонентов, для которого несущественны свойства динамичности и актуальности и который связан с увеличением конструктивной и семантической глубины как предложения, так и текста. Думается, что нет особой необходимости стремиться к слиянию обоих этих понятий, их гибридации за счет отказа от ряда существенных для каждого из них дифференциальных признаков. Было бы целесообразно, наоборот, развести их терминологически, оставив наименование предикат за компонентом двучленной предикационной структуры, а за вершиной реляционной структуры закрепить название релятор или функтор.

2. Характер предикации, или субъектно-предикатной связи, нередко привлекал внимание исследователей, но тем не менее и сейчас остается неясным. Одних деклараций, что подлежащее и сказуемое представляют собой конструктивные центры предложения или же что предикативная связь есть такое отношение, которое делает связываемые им компоненты подлежащим и сказуемым, что это отношение является двусторонним, явно недостаточно. Сущность предикативного отношения не раскрывается и в грамматике непосредственно составляющих, видящей специфику субъектно-предикатной структуры в том, что она не может быть свернута ни к одной, ни к другой из своих НС. Субъектно-пре-

дикатная связь, тем более, не получает объяснения в констатации типичных форм выражения субъекта (именительный падеж) и предиката (финитная форма глагола, представляющая набор значений времени, наклонения и лица).

Есть немало попыток дать субъекту и предикату содержательную интерпретацию. Сюда относятся опыты характеристики субъекта и предиката в терминах предмета и признака, экстенционала и интенционала, денотата и сигнификата. В содержании предикации выделялся и такой компонент, как утверждение связи данного признака с данным предметом, производимое говорящим, т. е. являющееся коммуникативно-интенциональным актом (ср.: Сусов, 1973: 59, где этот смысловой компонент неудачно назывался бытийностью, или экзистенциальностью). Однако наблюдения над разнородным языковым материалом показывают, что предикацию нельзя свести к утвердительности (или ассерторичности).

Ассерция как акт утверждения действительно характеризует связь предиката с субъектом, но только в случае чисто утвердительных высказываний, например: *Старшие сыновья жили своими домами в соседних районах* (И. Меттер. Мой друг Антон); *Он велел подать себе фрак* (Ю. Нагибин. О ты, последняя любовь!..); *А больные смеялись. Потому что смех — это был способ выжить* (В. Токарева. Ничего особенного). Ассертивным является и отрицательное высказывание (утверждение как аффирмативное высказывание противостоит отрицанию, негации, а утверждение как ассерция не имеет однозначного противочлена): *Сон тоже не возник на пустом месте* (С. Наровчатов. Диспут); *Секрета из денег Юра не делал, но и говорить о них не любил* (Г. Пряхин. Интернат).

Но в очень многочисленных случаях утвердительность отсутствует, нейтрализуется, по выражению У. Вайнрайха (Вейнрейх, 1970: 173). Утвердительность снимается в высказываниях побудительных и вопросительных, ср.: — *Не торопи, старшина* (М. Колосов. Три круга войны); — *Где мой баян?* (Г. Пряхин. Интернат); — *Ты чего это один? Может, у вас что получилось с Любой?* (И. Меттер. Мой друг Антон).

Вероятно, утвердительность снимается или же отходит на задний план в перформативных высказываниях не только приведенных типов, но и во всех прочих коммуникативно-прагматических (или интенциональных) типах, противостоящих репрезентативному (или констативному), а именно обещаниях, угрозах, извинениях, благодарностях, присвоении

имен, назначениях на должность, объявлениях об открытии и закрытии заседаний и т. п. (см.: Сусов, 1980: 45). В репрезентативных по форме высказываниях нейтрализации утвердительности способствует появление сослагательного наклонения, а также модальных слов и частиц, выражающих нереальность или же ослабленную достоверность связи предикативного признака с его носителем. Утвердительное значение предложения оказывается погашенным, когда оно выступает носителем косвенной речи. Ср. примеры: — *Все равно я до вас до всех доберусь. Ох и доберусь! Волинщики* (В. Чукреев. Вечен огонь); — *А вы, товарищ часовой, почему на посту разговариваете? — возмущился Кузьмин. — Я вот доложу дежурному по батальону товарищу лейтенанту Максимову* (М. Колосов. Три круга войны); — *Извините, что вторгаюсь, — сказал он и подал мне записку от моего доброго друга, поэта Константина Липскерова* (В. Лидин. Друзья мои — книги); — *...Вы полезли бы за деньгами, а они бы сняли с вашей руки часы, это уж точно...* (В. Лидин. Там же); *Вряд ли мы тогда что-то поняли из ее слов* (Г. Пряхин. Интернат); *И тогда она сказала нам, что мы дураки* (Г. Пряхин. Там же); *Мне кажется, я ревновал тебя* (А. Ананьев. Годы без войны).

Но снятие утвердительности не должно пониматься как зачеркивание субъектно-предикатной связи. Субъект и предикат, безусловно, соотнесены друг с другом и в таких, например, высказываниях, как *Я велю тебе оставаться на месте; Я прошу тебя купить и мне билет; Я обещаю тебе прийти завтра вечером; Я извиняюсь за мой резкий тон; Я благодарю Вас за помощь; Я объявляю заседание открытым; Я приглашаю официальных оппонентов занять места в президиуме; Я предоставляю слово диссертанту для ответа официальному оппоненту*, где в позиции субъекта выступает я, обозначающее совпадение роли говорящего и роли производителя действия речевой каузации, а предикативный признак квалифицирует речевое действие говорящего (побуждение адресата к чему-то). Позиции же, соотнесенные с адресатом, т. е. каузируемым лицом, и каузируемым действием, не находятся в отношении предикации. Предикация есть отношение не между деятелем и производимым им действием как компонентами существующей или ожидаемой ситуации, а между звеньями содержательной структуры языкового образования. Говорящий, безусловно, соотносит адресата своего высказывания и ожидаемое от него действие, но не уста-

навливает между ними предикативной связи и, тем более, не утверждает ее. Вторичное субъектно-предикатное отношение может быть, конечно, эксплицировано; ср.: *Я прошу (тебя), чтобы ты купил билет и мне; Я извиняюсь за то, что я был резок; Я требую, чтобы вы оставались на своих местах.* В таком случае предикация имеет место, но она не сопровождается утвердительностью.

Таким образом, предикация и ассерция не равны друг другу. Ассерция есть лишь частный вид предикации. Можно, соответственно, различать предикаты ассертивные и неассертивные. Что же касается предикации, то, по всей очевидности, ее сущность заключается именно в актуальности, сиюминутности связи данного признака с данным предметом, в намеренном (интенциональном) характере соотношения говорящим двух основных моментов мысли-сообщения. Наиболее полно эти свойства предикации проявляются в самостоятельных ассертивных высказываниях, образующих фундамент текстового содержания.

ЛИТЕРАТУРА

Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. 204 с.

Вейнрейх У. О семантической структуре языка. — В кн.: Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1970, вып. 5. Языковые универсалии, с. 163—249.

Касевич В. Б., Храковский В. С. Общие вопросы семантики конструкций с предикатным актантом. — В кн.: Семантика и синтаксис конструкций с предикатными актантами: Материалы Всесоюзной конференции «Типологические методы в синтаксисе разносистемных языков», 14—16 апреля 1981 г. Л.: ЛО ИЯ АН СССР, 1981, с. 7—23.

Сусов И. П. Семантическая структура предложения: На материале простого предложения в современном немецком языке. Тула: Тульск. гос. пед. ин-т, 1973. 141 с.

Сусов И. П. Семантика и прагматика предложения. Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1980. 51 с.

Юганов В. И. Коммуникативно-информационная структура немецкого микротекста: Дис. ... кандидата филол. наук. Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1980. 151 с.

Schmidt F. Logik der Syntax. Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften. 1961. 175 S.

Schmidt F. Symbolische Syntax. Halle (Saale): VEB Max Niemeyer Verlag, 1970. 196 S.

А. И. Шестакова
(Калининский госуниверситет)

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТРАНСПАРАНТНО-АПЕЛЛЯТИВНЫХ МИКРОТЕКСТОВ **На материале немецкого языка**

Для прагматики текста особый интерес представляют речевые произведения небольшого объема, к числу которых относятся и надписи на транспарантах, транспарантно-апеллятивные микротексты, транспарантные апелляции (Александрова, 1980: 4).

Коммуникативно-прагматическим (интенциональным) значением транспарантно-апеллятивного микротекста является воздействие, непосредственно связанное с авторской интенцией. Речевая интенция рассматривается в работах многих ученых как важный коммуникативный фактор. И. П. Сусов, например, считает интенцию говорящего основным текстообразующим фактором, так как именно она предопределяет «как отбор той или иной предметной ситуации на роль референта и способ ее описания, так и характер информации об отношениях между текстом и другими компонентами коммуникативного акта, выступая организующим звеном в многослойной содержательной структуре речевого произведения» (Сусов, 1979: 101).

Являясь доязыковой фазой коммуникативного процесса, относясь к предыстории коммуникативного акта, «интенция предопределяет отбор и комбинацию языковых единиц, соответствующие ситуации общения, функциональный стиль и набор языковых средств. Ее реализация предполагает, однако, не просто построение определенного высказывания, но и понимание ее адресатом» (Сусов, 1979: 100).

Рассматривая апеллятивные тексты как один из интенциональных (иллокутивных) типов, среди транспарантно-апеллятивных микротекстов можно выделить три основные группы: 1) апелляции, выполняющие задачу предписания определенного поведения или действия; 2) апелляции, дающие оценку предметам и явлениям; 3) апелляции-сообщения. Единым для всех них является явный инструментальный характер апелляции, ее роль как орудия общественного воздействия в определенных условиях социального взаимодействия (ср. о воздействии как основной прагматической функции текста: Киселева, 1974; Сусов, 1980; Klaus, 1969).

Каждую из этих групп рассмотрим подробнее.

Среди предписывающих апелляций можно выделить микротексты со значением требования, протеста, приветствия, пожелания и призыва.

Наиболее часты в условиях ГДР призывы, что объясняется задачами социалистического строительства. Призывы представляют собой обращения к тем, кто принимает участие в этом строительстве. Нередко призывы включают в свой состав обращения, позволяющие понять, кому адресуется апелляция: FDJler! Stärkt und festigt die Reihen unserer Volkspolizei! (ND, 4—5.6.77) «Члены ССНМ! Укрепляйте ряды нашей народной полиции!» Призывы обычно оформляются клишированными предложениями с компонентами vorwärts «вперед», zu «к», für «за», gegen «против», например: Für eine qualifizierte Berufsausbildung (W., 3—4.12.77) «За квалифицированное профессиональное образование»; 1939—1969. Gegen Krieg und Faschismus (T., 1.9.69) «1939—1969. Против войны и фашизма».

К этой же группе относятся апелляции-приветствия, пожелания, здравницы: Es lebe die Aktionseinheit aller antiimperialistischen Kräfte! (T., 7.4.76) «Да здравствует единство действий всех антиимпериалистических сил»; Gruß den Werktätigen aller Länder zum 1. Mai (ND, 1.4.76) «Первомайский привет трудящимся всех стран».

Апелляции-требования выражаются повелительными предложениями: Haltet ein! (a. Z., 28.3.68) «Прекратите!»; Rettet das Grundgesetz (a. Z., 4.7.68) «Спасите конституцию»; а также именными односоставными предложениями типа: Tod dem Faschismus (T., 5.9.69) «Смерть фашизму» или предложениями с перформативным глаголом fordern «требовать»: Wir fordern unser Menschenrecht auf Arbeit (W., 18.11.77) «Мы требуем нашего права на труд».

Требования оформляются также клишированными предложениями с компонентами nieder mit, weg mit, Schluß mit «долой», mehr «больше», statt «вместо», например: Mehr Krippen- und Kindergartenplätze (ND, 3. 2. 78) «Больше мест в детских садах и яслях»; Lehrstellen statt Wehrstellen (T., 1.10.68) «Учебные заведения вместо полигонов».

Апелляции, выражающие протест, оформляются конструкциями с nein «нет»: Nein zum Bau der menschenfeindlichen Neutronenbombe. Solidarität (ND, 10.12.78) «Нет созданию человеконенавистнической нейтронной бомбы. Солидарность»; Lehrlinge als Arbeitstiere. Nein!!! (a. Z., 14.11.68) «Ученики

как рабочие лошади. Нет!» (Часто наблюдаемое нарушение грамматических и литературных норм в транспарантно-апеллятивных микротекстах объясняется, вероятно, общеобразовательным уровнем их создателей, а также стремлением привлечь внимание к апелляции). Протест может быть выражен лексическим значением глагола: *Ich protestiere gegen den Krieg der Amerikaner in Vietnam. Ich bin SPD-Mitglied* (а. З., 29.2.68) «Я протестую против войны американцев во Вьетнаме. Я — член СДПГ».

Протесты, как уже отмечалось в литературе, занимают промежуточное положение между апелляциями, побуждающими к действию (призывы, требования), и волеизъявительными транспарантными апелляциями (приветствия). В них нет прямого предписания к действию, но ярко выражена воля выступающих (Александрова, 1980: 12).

Кроме предписания определенного поведения, одной из главных функций транспарантных апелляций следует считать передачу общественно и классово детерминированных оценок. Объектом оценки являются различные стороны жизни, в том числе материальное положение трудящихся, проводимая правительством политика. Характер оценки может быть отрицательным или положительным: *Neutronenbombe neue Runde des Wettrüstens* (ND, 4.5.78) «Нейтронная бомба — новый этап гонки вооружений»; *IV. Festival Wolgograd — Symbol unserer Freundschaft* (ND, 21.6.77) «4-й фестиваль в Волгограде — символ нашей дружбы».

Оценки могут носить характер осуждения, критики, разоблачения и т. п. Существуют различные способы выражения оценок. В группу оценочных лексико-семантических средств входят прежде всего слова значимых частей речи — прилагательные, которые выражают степень и полноту качества, наречия, существительные и глаголы, имеющие положительные и отрицательные коннотации. Эмоциональность оценки усиливается использованием иронии, при которой положительно маркированные предложения получают прямо противоположное значение, и антитезы, когда противопоставляются слова с положительными и отрицательными коннотациями. Использование рифмы, диалектальных слов также увеличивает экспрессивность транспарантно-апеллятивных микротекстов: *In der Rüstung sind sie fix — für die Bildung tun sie nix!* (Г., 9.5.69) «В вооружении они расторопны, для образования они ничего не делают».

Оценка часто может содержаться неявно в предписываю-

шей транспарантной апелляции, призыве, протесте, например: Gegen die NATO, für den Frieden (II. Internationale Frauenkonferenz in Rostock 1959) «Против НАТО, за мир».

Транспарантные апелляции, выражающие оценку, могут касаться отдельных сторон жизни небольшого коллектива или относиться к значительному социальному явлению. Ср. апелляции с отрицательной оценкой деятельности министра округа Шлезвиг-Хольштейн (ФРГ) Лемке и апелляцию, отражающую зависимость между социализмом и миром на Земле: Was andere im Suff reden, sagt Lemke nüchtern (а. Z., 21.3.68) «То, что другие говорят, когда выпьют, Лемке говорит, когда трезв»; Jugend und Bauer sind auf Lemke sauer (а. Z., 21.3.68) «Молодежь и строители недовольны Лемке»; Je stärker der Sozialismus, desto stabiler der Frieden (Т., 7.4.76) «Чем сильнее социализм, тем прочнее мир».

Задачей третьей группы транспарантно-апеллятивных микротекстов является сообщение. Апелляции на транспарантах информируют об экономическом положении трудящихся различных отраслей, о явлениях политической жизни и т. д. Они дают информацию о положении, в котором находятся выступающие, о причине выступления или о событии, послужившем поводом к нему, например: 3 Jahre Hilfsarbeiter — das ist keine Ausbildung (УГ, 16.12.76) «3 года подсобный рабочий — это не учеба»; Ich wollte Elektriker werden, jetzt trifft mich der Schlag (ND, 3.6.77) «Я хотел стать электриком, но потерпел неудачу».

Анализ апелляций-сообщений приводит к мысли о том, что они могут содержать скрытый протест, требование или призыв, которые выявляются в конкретной ситуации. Их целью является привлечение внимания к выступающим, призыв к солидарности, к совместным действиям. Таким образом, апелляции-сообщения — это не просто констативы. Даже транспарантные апелляции, состоящие из названий акций или организаций, участвующих в этих акциях (например: Streik (ND, 5—6.3.77) «забастовка» или Seefahrtsschule Hamburg (а. Z., 20.6.68) «Гамбургская мореходная школа»), неизбежно становятся побудительными в условиях выступлений. Любое из названий говорит о том, что данная акция проводится участвующими в ней организациями с какой-то определенной целью.

Рассмотренные примеры свидетельствуют о том, что деление транспарантно-апеллятивных микротекстов на три группы (предписание, оценка, сообщение) в соответствии с их

прагматической направленностью является относительным. Г. Г. Почепцов пишет в связи с этим: «Устанавливая прагматические характеристики текстов, следует иметь в виду, что тексты, как и предложения, могут использоваться с переносным коммуникативным содержанием. Распространенными являются транспозиции, связанные с использованием текстов, формально не являющихся побуждением к действию, в качестве таковых» (Почепцов, 1980: 7).

Перечисленные типы прагматического содержания, характерные для однопредложенческих транспарантно-апеллятивных микротекстов, наблюдаются и в многопредложенческих апелляциях. Такие микротексты состоят из группы связанных формально и семантически высказываний, представляющих собой сверхфразовые единства. Отдельные предложения в этом случае часто имеют различную прагматическую установку: *Mit 18 Jahren sind wir unmündig für eine politische Entscheidung, jedoch reif fürs Militär. Deshalb fordern wir Herabsetzung des Wohllalters* (Т. 1.10.68) «В 18 лет нам не доверяют решение политических вопросов, но считают созревшими для военной службы. Поэтому мы требуем снижения возрастного ценза при выборах» (сообщение + требование); *Stress! Mehr Urlaub* (W., 12.12.77) «Стресс! Увеличить отпуск» (сообщение + требование); *Freiheit im Beruf. Demokratie im Betrieb. Verteidigt die Grundgesetze* (УГ, 17.10.76) «Свободу выбора профессии. Демократию на предприятии. Защищайте основные права» (требование + требование + призыв).

Эту особенность текста подчеркивает Г. Г. Почепцов, говоря, что текст далеко не всегда состоит из предложений одного прагматического типа. Принадлежность текста к определенному прагматическому типу выявляется в этом случае коммуникативной интенцией текста в целом, которая может быть установлена благодаря наличию в тексте хотя бы одного предложения с данной прагматической направленностью (Почепцов, 1980: 6).

Следует отметить, что среди многопредложенческих транспарантно-апеллятивных микротекстов редко встречаются состоящие из большого количества предложений. Чаще всего это единства из двух, трех, реже четырех предложений. К сокращению объема апелляций ее создателей вынуждают, очевидно, и размеры транспарантов, и стремление к краткости, которое можно рассматривать как способ более эффективно воздействия на читающих (чем короче апелляция, тем

легче она запоминается). Краткость транспарантных апелляций непосредственно связана с пресуппозиционным компонентом их содержания.

Под пресуппозициями понимаются и логические отношения между предложениями, и наиболее общие предпосылки коммуникации, т. е. различные аспекты речевого акта, которые не репрезентируются непосредственно в тексте. В советском языкознании наиболее употребительно толкование пресуппозиции как некоторого фонового знания, общего для участников коммуникативного акта.

Выделяются два вида пресуппозиций. В случае, когда пресуппозиция основана на анализе языковых единиц, ее следует отнести к внутриязыковым факторам. Если же пресуппозиция не имеет языкового выражения, она принадлежит к экстралингвистическим факторам. На два вида необходимых для понимания смысла текста пресуппозиций указывает В. А. Хомяков: 1) актуализация слов посредством знаний коммуникантов в пределах конкретного дискурса, 2) актуализация слов посредством знаний, накопленных ранее, до данного дискурса (Хомяков, 1979: 116).

Отдельные исследователи определяют пресуппозицию как следствие, другие считают, что пресуппозиции всегда предшествуют высказыванию (Арутюнова, 1976: 359). Выдвигается также точка зрения, согласно которой для говорящего пресуппозиции являются предпосылкой, а для слушающего — следствием (Торопова, 1978: 83).

Е. В. Падучева различает семантическую и прагматическую пресуппозиции (в ее терминологии — презумпции). Первый вид презумпции определенного предложения образует суждение, которое слушающий должен считать истинным, чтобы данное предложение было для него осмысленным. Прагматическая презумпция — это суждение, которое для слушающего должно быть не только верно, но и известно (Падучева, 1977: 102). Семантические презумпции предложения могут не совпадать с его прагматическими презумпциями.

Обращаясь к рассмотрению апелляций на транспарантах, необходимо подчеркнуть особое значение для них прагматических пресуппозиций. Для того, чтобы правильно понять многие апелляции, нужно иметь сведения о «социальном фоне развертывания речевых действий» (Леонтьев, 1974: 255).

Schüler gegen Maulkorb (УГ, 4.1.77) «Учащиеся против намордников» — гласит надпись на плакате, который несут

гимназисты города Мюнстер. Прагматической пресуппозицией этой апелляции является 'факт знания того, что в ФРГ распространена антиконституционная практика «запретов на профессии», выражающаяся, в частности, в увольнении учителей с прогрессивными взглядами.

Подобную же пресуппозицию имеет апелляция *Sind Kommunisten rechtlos?* (а. Z., 22.8.68) «Разве коммунисты не имеют прав?» Эта апелляция, выраженная вопросом, содержит в себе одновременно и ответ на этот вопрос, и протест против существующего положения, когда коммуниста в любое время могут уволить с работы за его убеждения.

Апелляция *Wir fordern vollen Verlustausgleich* (а. Z., 20.7.67) «Мы требуем полного уравнивания в убытках» совершенно не понятна тем, кто не знает ситуации, к которой она относится. Создатели этого плаката — западногерманские фермеры, борющиеся против аграрной политики монополий. Таким образом, только знание того, кто и к кому обращается с подобным требованием, делает смысл апелляции доступным для читающих ее.

Авторы апелляции 1917. *Seitdem hat die Welt ihre Hoffnung* (ND, 22.9.77) «1917. С этого времени планета имеет надежду» предполагали у коммуникантов знание о том, что в 1917 г. произошла Великая Октябрьская социалистическая революция, положившая начало новой эре в истории человечества.

Для понимания апелляции *Stirbt die Krawo?* (Т., 25.1.68) «Умрет ли автозавод?» необходимо знать, что она создана рабочими автозавода (Krawa-Kraftwagenfabrik), принадлежащего концерну Круппа, который предприниматели намерены закрыть. Вопрос «Умрет ли автозавод?» дает информацию о его возможном закрытии и содержит латентный протест против этого.

Приведенные примеры показывают, насколько важным является наличие пресуппозиций для понимания смысла транспарантно-апеллятивных микротекстов.

ЛИТЕРАТУРА

Александрова Н. А. Английские апелляции и лозунги на транспарантах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л.: ЛГУ, 1980. 17 с.

Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1974. 383 с.

Киселева Л. А. Вопросы теории речевого воздействия. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 160 с.

Леонтьев А. А. Функции и формы речи. — В кн.: Основы теории речевой деятельности. М.: Наука, 1974, с. 241—254.

Падучева Е. В. Понятие презумпции в лингвистической семантике. — В кн.: Семиотика и информатика. М.: ВИНТИ, 1977, вып. 8, с. 91—124.

Почепцов Г. Г. Прагматика текста. — В кн.: Коммуникативно-прагматические и семантические функции речевых единств. Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1980, с. 5—10.

Сусов И. П. О двух путях исследования текста. — В кн.: Значение и смысл речевых образований. Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1979, с. 90—103.

Сусов И. П. Семантика и прагматика предложения. Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1980. 51 с.

Торопова Н. А. К исследованию логических частиц. — Вопросы языкознания, 1978, № 5, с. 82—92.

Хомяков В. А. Текст, пресуппозиция и социальное сознание слова. — В кн.: Значение и смысл речевых образований. Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1979, с. 113—120.

Klaus G. Die Macht des Wortes: Ein erkenntnistheoretisch-pragmatisches Traktat. Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1969. 200 S.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ИХ УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

УГ — Учительская газета

a.Z. — Die andere Zeitung.

ND — Neues Deutschland

T — Tribüne

W — Die Wahrheit

В этих источниках объектом анализа являются апеллятивные микротексты, воспроизведенные на фотографиях, которые фиксируют моменты митингов и демонстраций трудящихся в ГДР и ФРГ.

В. И. Юганов
(Калининский госуниверситет)

ТЕКСТ И ЕГО ТЕМАТИЧЕСКОЕ ЯДРО

Текст как единое целое, интегрированное единство (Гальперин, 1978: 26), в состав которого входят семантически связанные предложения, отличается сложным переплетением отдельных фразовых тем и рем. Он обладает собственным содержанием и имеет тематическое ядро, которое служит первоосновой для совершения коммуникативного акта, для выбора при этом определенного лексического наполнения, для выработки определенной структуры, по которой строится текст. Все эти факторы способствуют осуществлению одного важного момента коммуникации — сообщению чего-то нового, неизвестного о «герое» как предмете высказывания. Данное требование обязательно для микротекстов, подвер-

гаемых анализу: например, анекдоты всегда должны передавать новую информацию, еще неизвестную читателю/слушателю.

Малая информационная нагрузка фразовых тем делает их важным средством построения темы текста. Фразовая тема не только центр, на котором основано предложение (Boost, 1955: 31), но и одна из микроединиц в процессе поиска текстового ядра (Koch, 1973). Текстовая тема прослеживается в семантически эквивалентных сегментах, каждый из которых является компонентом какого-то предложения (Кох, 1978: 157). Х. Плетт считает, что темы составляют семантическую базу текста, причем текст представляет собой последовательность и иерархию тем; тема текста может разбиваться на несколько более частных тем (или субтем), которые, в свою очередь, являются составными элементами расположенных выше тем (Plett, 1975: 102).

В лингвистической литературе нередко смешиваются два понятия — тема и тематическое ядро. Первое понятие уместнее связывать с предметным, или референтным, подходом к анализу содержания текста, второе — с пропозициональным. Референтный подход опирается либо на выделение набора опорных слов, который характеризует описываемый фрагмент действительности как совокупность отдельных ее частей или сторон, либо на выделение основных участников описываемого события, прежде всего «героя» повествования (ср. темы школьных сочинений: «Моя мама», «Мои братья и сестры», «Наш класс», «Мой любимый писатель», «Моя собака», «Моя комната»; см.: Слюсарева, Теплицкая, 1978: 96). «Героем», как показывают только что приведенные примеры, не обязательно оказываются одушевленные существа и среди них прежде всего люди, но и неодушевленные предметы естественного и искусственного происхождения (ср. еще примеры: «Моя любимая книга», «Моя любимая игрушка»). На роль темы текста может претендовать указание на временной отрезок как темпорально определенный континуум, в котором действует «герой» (ср.: «Мои летние каникулы», «Мой отпуск»). Кстати, текстовая тема типа «Моя комната» или «Наша квартира» или «Дом Пети» вполне может считаться лишь репрезентантом пространственно определенного континуума, в котором действует «герой» (я, мы, Петя). Иными словами, текст, имея своим референтом, а следовательно, и темой, тот или иной фрагмент мира, локализуемый в мире пространственно-временной

континуум, вместе с этим имеет и референт (а значит, тему) более высокого порядка. Этим референтом оказываются главный участник описываемого события или же группа участников, в числе которых возможно, но отнюдь не обязательно выделение «главного героя». Иначе говоря, возможно расщепление текстовой референтной темы на две: тему-локализацию и тему-идентификацию. Первая логически подчинена второй.

Референтный подход к установлению текстовой темы имеет место главным образом в описании содержания того или иного текста (особенно научного или технического) посредством методики опорных слов (прежде всего слов предметного значения). Он опирается на изотопные (изо-семантические) отношения элементов в связанных предложениях (см. образец анализа: Agricola, 1976: 22, 26).

Пропозициональный подход основывается на выделении семантического базиса текста, который имеет уже не столько денотативно-референтный, предметный характер, сколько сигнификативный, коммуникативно-интенциональный характер. Семантический базис адекватно репрезентируется не совокупностью отдельных предметных номинаций, а итоговым, результирующим высказыванием (пропозицией), т. е. языковым образованием с событийным и ассертивным значениями. Этот семантический базис тоже иногда называют темой (Жолковский, Шеглов, 1975; Рахманкулова, 1976; Москальская, 1978а; Москальская, 1978б). Но термин текстовая тема целесообразнее оставить за результирующей темой как одним из компонентов семантического базиса, а конденсат текстового содержания именовать тематическим ядром, предполагая, что в него входит и результирующая рема.

Пропозициональный подход, как уже говорилось выше, более адекватен целям содержательного анализа текста. В отличие от денотативно-референтного подхода он сигнификативен. Тема текста создает лишь остов референции. Однако референтная ситуация состоит не только из предметов, но и свойств, отношений, процессов, действий, отражаемых в движении рем. К тематическому ядру ведет установление результирующей темо-рема-тематической структуры. Тематическое ядро понимается здесь не как предмет внеязыкового мира, а как мысль о нем.

Тема и рема каждого предложения вносят свой вклад в развитие тематического ядра, темы и ремы текста. Как

представляется, сцепление тем и рем характеризуется не просто как процесс, при котором происходит их автоматическое соединение. Тематические прогрессии можно рассматривать в качестве опорных схем темо-рематической организации текста (Юганов, 1978). Рематические элементы при этом характеризуются постоянной сменяемостью, в то время как тематические могут оставаться в тексте одними и теми же, обогащаясь, однако, новым содержанием.

В ниже приводимом тексте хорошо прослеживается существенная роль рем в развитии тематического ядра.

(1) Kontrahenten

(2) Ferdinand Freiligrath und Georg Herwegh waren auf literaturtheoretischem Felde Kontrahenten. (3) Langsam und eindringlich der eine, beredt und eitel der andere, versuchten sie im Pariser Exil Jenny von Westphalen zu überzeugen — jeder für seinen Standpunkt.

(4) Als Karl Marx auf dem Heimweg seine Jenny fragte, (5) wer den stärksten Eindruck auf sie gemacht habe, Freiligrath oder «die eiserne Lerche», (6) antwortete sie nach kurzem Grübeln: «(7) Wenn Herwegh mit mir spricht, (8) bin ich überzeugt, (9) er sei der klügste Dichter Deutschlands. (10) Aber nach einem Gespräch mit Freiligrath muß ich glauben, (11) ich sei die klügste Frau von ganz Paris» (Мозаика, 1971, N 5).

В качестве тематического ядра можно выделить окончательную пропозицию, которая заключается в том, что оба немецких поэта — Фрейлиграт и Гервег — хороши как собеседники, но каждый по-своему. Тематические элементы прослеживаются на протяжении всего текста: это пара Фрейлиграт и Гервег. Ремы отдельных предложений вносят вклад в результирующую рему всего текста: во-первых, это положительная оценка Женни фон Вестфален, женой Карла Маркса, Фрейлиграта и Гервега, во-вторых, подчеркивание различий между ними. Связь рематических элементов с тематическими отмечается, например, в предложениях (2) и (3). Рематические компоненты waren auf literaturtheoretischem Felde Kontrahenten несут наибольшую информационную ценность, сообщая важные сведения о поэтах: langsam und eindringlich der eine, beredt und eitel der andere. Информация, заключенная в Kontrahenten, перешла в тематический элемент (3), расширив знания о предмете повествования.

В предложении (2) отмечается эмфатический вариант контраста темы и ремы (или, по Крушельницкой, данного

и нового) с эллипсисом. Компоненты коммуникативного задания, по мысли К. Г. Крушельницкой, эксплицитно противопоставлены друг другу, и эмфатический вариант высказывания создает нетривиальную форму и особое напряжение, коммуникативный динамизм (Крушельницкая, 1975: 147).

Рассмотрим еще один текст.

(1) Der falsche Chinchilla

(2) Seit 1923 schon war Alexandra Michailowna Kollontai, enge Mitarbeiterin Lenins, als geachtete Diplomatin in Skandinavien tätig und wirkte dort in der für junge Sowjetmacht so schwierigen Zeit der außenpolitischen Isolierung für die diplomatische Anerkennung der UdSSR durch Norwegen, (3) als sie 1930 ihre ehrenvolle Berufung als Botschafter der UdSSR in Schweden erhielt. (4) An einem der ersten Tage ihres Aufenthaltes in Schweden hielt vor dem Stockholmer Grandhotel die prunkvolle von vier Rossen gezogene königliche Staatskarosse (5) und die Botschafterin, umringt von vielen Straßenpassanten, stieg ein, um bei König Gustav V. ihre Antrittsvisite als Gesandte des Sowjetstaates zu machen. (6) Schon am nächsten Tag berichtete die schwedische Presse ausführlich über dieses Ereignis. (7) Beim Durchsehen der Morgenzeitungen las Alexandra Michailowna Kollontai die vielen sensationell aufgemachten Berichte über «die rote Diplomatin im kostbaren Chinchillapelz» und mußte herzlich lachen. (8) Der Chinchillapelz war gewöhnliches Katzenfell und in Berlin in einem Trödel Laden gekauft. (NL, 1974, N 5).

Предложения (2) и (3) сообщают читателю основную массу информации о после Советского Союза А. М. Коллонтай. Однако их большая информативность не позволяет считать их чисто рематическими, поскольку здесь можно говорить об условиях, удовлетворение которых необходимо, чтобы предложение в целом было утверждением, вопросом, поведением и т. д., т. е. речь идет о пресуппозициях (ср.: Звегинцев, 1976).

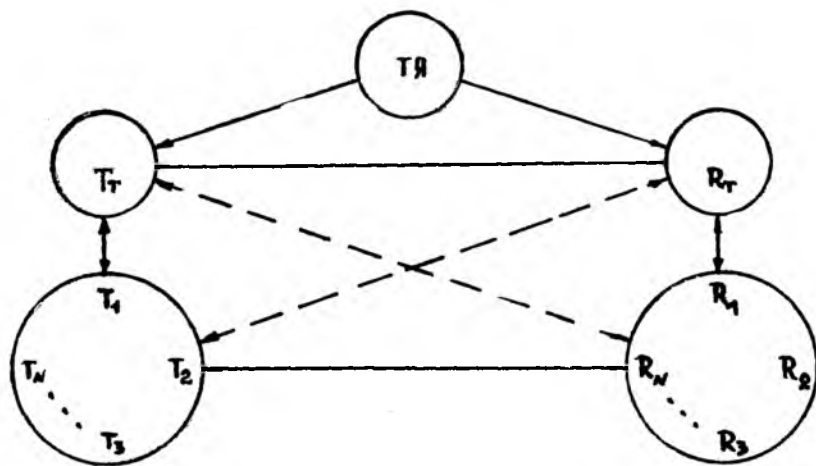
Предложения (2) и (3) можно назвать экспозицией (термин К. Г. Крушельницкой). Главная их функция состоит во введении читателя в курс дела, им свойственна коммуникативная односоставность — еще нет известной для читателя/слушателя темы и противопоставление данного и нового не актуально (Крушельницкая, 1975: 148). Присутствие в тексте предложений-экспозиций объясняется, видимо, фактом, что всякое высказывание, как изолированное, так и тем более входящее в текст, связывается с имеющимися у

отправителя и получателя сообщения сведениями (пресуппозициями) (Вольф, 1979: 123).

Пресуппозиции, считающиеся релевантными для текста, влияют на построение текста. Они выполняют важную функцию ситуативной привязанности или «уместности» предложения и могут задавать главную смысловую «тему» текста. Такие пресуппозиции становятся связующим звеном текста (Звегинцев, 1976: 280—281). Пресуппозиции могут относиться к разным сферам, среди которых выделяются «фоновые знания», связанные с общей «картиной мира», имеющимися в ней предметами и событиями и их соотношениями; знания, относящиеся к быту, культуре, социальным установлениям данного языкового коллектива; сведения социально-культурного свойства. И, наконец, кроме знания «картины мира» и «стандартной ситуации», получатель сообщения располагает сведениями, извлеченными из текста, куда входит соответствующее высказывание — все это и образует некую «данность», из которой строится понимание высказывания и заключение о его информативности (Звегинцев, 1976; Верещатин, Костомаров, 1976; Вольф, 1978). Пресуппозиция способствует вхождению предложений в текст и влияет на определение тематического ядра текста.

Связь тематических элементов с релативными и в целом с тематическим ядром текста прослеживается на схеме, приведенной ниже.

В состав тематического ядра (ТЯ) входят тема текста

(T_T) и рема текста (R_T). Связь, существующая между ними, обозначается символом \rightarrow и рассматривается как однонаправленная, обязательная. Это так называемая односторонняя зависимость, детерминация, при которой один член предполагает существование другого, но не наоборот (Ельмслев, 1960: 284). Между темой и ремой текста существует взаимообусловленность, интердепенденция, при которой один элемент предполагает существование другого и наоборот. Эта связь выражается символом \leftrightarrow . Отношениями интердепенденции характеризуются также связи между темой текста и темами предложений ($T_1, T_2, T_3 \dots T_N$), между ремой текста и ремами отдельных предложений ($R_1, R_2, R_3 \dots R_N$). Это положение составляет содержание понятия «тематической релевантности» Э. Виттмерс. Данная гипотеза заключается в том, что устанавливается прямое или косвенное соотношение каждого предложения с ведущей темой текста (Wittmers, 1970: 51).

Между темой и ремой внутри отдельного предложения существует обязательная, взаимообусловленная связь. Тема одного предложения обязательно должна предполагать рему, т. е. название определенного предмета, объекта, предполагает сообщение, информацию о нем. В данной схеме не учитываются усеченные модели предложений с эллипсисом данного, о которых говорит К. Г. Крушельницкая. В них всегда возможна подстановка неназванного компонента высказывания, т. е. замена односоставной конструкции двусоставной (ср.: Крушельницкая, 1975: 147). Поэтому и наличие рематического компонента предложения всегда будет требовать существования тематического, т. е. отношения интердепенденции.

Взаимодействие тематических и рематических элементов в предложении составляет базис дальнейшего развертывания коммуникации (Пфютце, 1978: 237). Рематическим элементам свойственна функция прямонаправленности, поскольку она проистекает из самой сути языкового процесса. «Если речевой акт не замыкается в кругу пустой избыточности, он все время должен вводить новые высказывания о предмете разговора. Поскольку эти новые сообщения могут быть взяты из самых различных областей человеческой жизни и мышления и могут по-разному соотноситься с темой разговора, они по своему содержанию представляют факультативные образования, но само присутствие в предложении является обязательным, ибо только рематические

элементы диалектически дополняют тематические элементы до наполненной смыслом информации» (Пфютце, 1978: 278).

Связь тематических и рематических элементов можно проследить также на примере разных типов тематических прогрессий и их модификаций, где явно прослеживается отношение взаимообусловленности одних компонентов другими (см.: Юганов, 1978; Юганов, 1979).

Более сложные, опосредованные отношения прослеживаются между текстовой темой и ремой отдельных предложений, с одной стороны, и текстовой ремой и темами предложений, с другой стороны. Их можно было бы охарактеризовать как отношения, которые не обязательно должны существовать между этими компонентами. Видимо, не всегда намечается связь рематических элементов предложений с темой всего текста и тематических элементов с ремой текста. Если же такая связь наблюдается, то тогда отношения между ними можно считать отношениями интерденденции, поскольку опять-таки они предполагают взаимозависимость одних элементов с другими.

Такие связи будут необязательными, факультативными. Но они способствуют более полному раскрытию темы и ремы текста, поскольку каждый элемент дополняет другой, вносит определенную часть информации о референте.

ЛИТЕРАТУРА

Верецагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1976. 248 с.

Вольф Е. М. Прилагательное в тексте: «система языка» и «картина мира». — В кн.: Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1979, с. 118—135.

Гальперин И. Р. Членимость текста. — Сб. научн. трудов/Моск. гос. пед. ин-т иностр. языков имени М. Тореза, 1978, вып. 125, с. 26—36.

Жолковский А. К., Щеглов Ю. И. К понятиям «тема» и «поэтический мир». — Труды по знаковым системам/Тартуский гос. ун-т, 1975, вып. 7, с. 143—167.

Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. М.: Изд-во МГУ, 1976. 307 с.

Кох В. Предварительный набросок дискурсивного анализа семантического типа. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1978, вып. 8, с. 149—172.

Крушельницкая К. Г. О коммуникативно-односоставных предложениях. — Сб. науч. трудов/Моск. гос. пед. ин-т иностр. языков имени М. Тореза, 1975, вып. 81, с. 147—154.

Москальская О. И. Текст как лингвистическое понятие. — Иностранные языки в школе 1978(а), № 3, с. 9—17.

Москальская О. И. Композиционная структура микротекста. — Сб. науч. трудов/Моск. гос. пед. ин-т иностр. языков имени М. Тореза, 1978 (6), вып. 125, с. 46—50.

Пфютце М. Грамматика и лингвистика текста: Заметки об участии некоторых грамматических средств в построении текста. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978, вып. 8, с. 218—242.

Рахманкулова И. С. Проблемы лингвистики текста. — В кн.: Лингвистика текста. Куйбышев: Куйбышевск. гос. ун-т, 1976, с. 3—6.

Слюсарева Н. А., Теплицкая Н. И. Гиперсинтаксический уровень языка и лингвистическое членение текста. — В кн.: Предложение и текст в семантическом аспекте. Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1978, с. 91—105.

Юганов В. И. К вопросу об актуальном членении текста. — В кн.: Предложение и текст в семантическом аспекте. Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1978, с. 154—160.

Юганов В. И. Текст и типы тематических прогрессий. — В кн.: Значение и смысл речевых образований. Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1979, с. 157—163.

Agricola E. Vom Text zum Thema. — In: Probleme der Textgrammatik. Berlin: Akademie-Verlag, 1976, S. 13—29.

Boost K. Neue Untersuchungen zum Wesen und zur Struktur des deutschen Satzes: Der Satz als Spannungsfeld. Berlin: Akademie-Verlag, 1955. 88 S.

Koch W. Das Textem. — Studia Semiotica, 1973, vol. 5, S. 90—95.

Plett H. Textwissenschaft und Textanalyse. Heidelberg: Quelle und Meyer, 1975. 354 S.

Wittmers E. Ein Beitrag zu einer funktionalen Textlinguistik. — Sprachpflege, 1970, Heft 3, S. 9—11.

В. С. Юрченко

(Саратовский госпединститут имени К. А. Федина)

О СООТНОШЕНИИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ И ФОРМАЛЬНОЙ СТОРОН ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Одна из важнейших особенностей грамматической структуры предложения состоит в том, что она непосредственно не дана исследователю, а скрыта в реальной коммуникативной единице, представляющей собой сложное единство речи, языка и мышления. Анализ показывает, что в типичной коммуникативной единице, т. е. такой, которая содержит основной тип предложения — двусоставное глагольное (*Весеннее солнце освещает ярко землю*), выделяются следующие ингредиенты (они перечисляются строго последовательно от «поверхности» в «глубину»): 1) актуальное суждение (тема — рема), выражающееся с помощью интонации и порядка слов; 2) лексическое содержание, актуализированное и — более «глубоко» — неактуализированное, обобщенное; 3) грамматическая структура предложе-

ния, имеющая два плана — форму и содержание; 4) виртуальное суждение (предмет — признак), репрезентацией которого служат состав подлежащего и состав глагольного сказуемого.

Основной логической операцией, с помощью которой можно выделить, или вычленить, грамматическую структуру предложения, является абстрагирование. Применяя данную операцию, важно правильно решить вопрос о пределах абстрагирования: от чего можно и нужно абстрагироваться, а от чего абстрагироваться нельзя. Абстракция должна быть, с одной стороны, проведена последовательно до конца, а с другой — не дальше известного предела, определяемого существом предмета исследования, его внутренней структурой, выделением в ней ведущего момента внутренних противоречий (Спиркин, 1960: 295—296). При вычленении грамматической структуры предложения этот кардинальный методический вопрос часто решается неверно, причем в обоих планах: с одной стороны, абстракция получается недостаточной, а с другой — чрезмерной. Интересно при этом, что, как будет показано ниже, абстракция оказывается чрезмерной, т. е. выходит за необходимый предел (в одном отношении), в значительной мере как раз потому, что она недостаточно последовательна (в другом отношении).

Грамматическая структура основного типа предложения построена на линейной оси реального времени и в предикативной части содержит три конститутивных члена: подлежащее — глагольное сказуемое — приглагольный зависимый член. При этом явно просматривается закономерность: слева направо, по ходу объективного времени, члены предложения получают все большее семантическое, а затем и формальное разнообразие. Так, в подлежащем соотношение между формой и значением наиболее просто и однозначно; в сказуемом при тождественной (в определенных рамках) форме значительно возрастает семантическое многообразие, представленное разными классами глагола; в приглагольном члене семантическое многообразие дополняется формальным, в силу чего данный член приобретает поликомпонентный парадигматический характер (ось «обстоятельство — дополнение»). Соответственно этому в том же направлении структура предложения все больше «прорастает» лексической семантикой.

Особая трудность, которая встает перед исследователем при вычленении грамматической структуры предложе-

ния, состоит в том, чтобы отвлечь, отделить от нее лексические напластования. Конечно, лексическая семантика не есть нечто чуждое для предложения; напротив того, она — органическое продолжение и развитие синтаксической (категориальной) семантики, заключенной в структуре предложения; поэтому изучение лексико-грамматического уровня остается насущной задачей синтаксической науки. Однако, чтобы познать существеннейшие свойства предложения, необходимо рассмотреть его грамматическую основу в наиболее «чистом» виде. На инвариантном уровне структура предложения объективно соотносена с основными частями речи (существительное, глагол, наречие), системой их категориальных и морфологических значений, а не с лексико-грамматическими классами слов, которые выделяются в рамках данных частей речи. Но как раз в этом пункте процесс абстрагирования при исследовании предложения часто не доводится до конца, в связи с чем тот объект, который выдается ученым за чисто синтаксическую структуру, на самом деле содержит большую долю лексической «примеси». Обычно это касается двух членов: второго (сказуемое) и третьего (обстоятельство — дополнение). В позицию сказуемого при таком подходе помещается не предельно широкий глагол вообще (как часть речи) с его категориальным значением процессуального (и опосредствующего) признака, а глаголы определенных лексико-семантических классов, например глаголы конкретного действия, состояния, речи, чувства, перемещения в пространстве и т. д. Соответственно этому, в заглагольную позицию помещается некоторое множество лексико-грамматических компонентов — различных обстоятельств и дополнений, которые, однако, не рассматриваются как единый поликомпонентный член, обозначающий опосредствованный атрибут субъектного предмета, выраженного через подлежащее. Как известно, данные компоненты в одних случаях семантически и формально связаны с глаголом-сказуемым, а в других индифферентны по отношению к нему, во всяком случае не обнаруживают явной связи. Отсюда делается вывод, что приглагольные обстоятельства и дополнения не являются обязательными для грамматической структуры предложения. Аргументация, однако, выглядит довольно произвольной: считается, что конструкция с авалентным глаголом (*Он спит*) дает нам пример «гармонии» между синтаксической структурой и лексической семантикой, тогда как конструк-

ция с валентным глаголом (*Он подарил...*) показывает своеобразную «дисгармонию»: синтаксическая структура является законченной, а семантическое содержание осталось неполным (такое решение дается, например, в книге: Грамматика, 1970: 536—545). Но ведь можно сделать и обратное заключение: более «гармоничной» является вторая конструкция, поскольку в ней неполной синтаксической структуре соответствует неполное семантическое содержание, тогда как «гармония» первой конструкции мнима, поскольку здесь законченное семантическое содержание маскирует неполноту синтаксической структуры, о чем свидетельствует, в частности, тот факт, что к любому авалентному глаголу может быть присоединен в речи объектный или обстоятельственный член (ср.: *Он спит хорошо — днем — на диване*). Исключение приглагольных обстоятельств и дополнений из числа членов обязательных, конститутивных для структуры предложения — это и есть та чрезмерно сильная абстракция, о которой было сказано выше и которая, далеко выходя за необходимый предел, ведет к утрате специфики предложения, лишает возможности познать его сущность. Характерно, что такое чрезмерное абстрагирование возникает в условиях недостаточного отвлечения лексического материала от грамматической структуры предложения.

Важно, однако, отметить, что в последнее время некоторые синтаксисты стали включать определенные заглагольные компоненты в число обязательных для предикативной структуры предложения. Это безусловно прогрессивная тенденция в современной синтаксической науке, хотя в значительной мере она возникла под явным или скрытым влиянием математической логики: в этом случае на предложение обычно смотрят сквозь призму пропозициональной функции (Ломтев, 1979: 68—74). Такое включение часто ограничивается двумя условиями: 1) оно касается только предметных заглагольных компонентов; 2) оно рассматривается как следствие семантического распространения глагольного предиката. Однако данные ограничения не имеют грамматического обоснования и, следовательно, должны быть сняты, а указанная тенденция доведена до конца: все заглагольные компоненты, независимо от их значения и формы, подлежат включению в исходную предикативную структуру. Парадигматическая ось «обстоятельство — дополнение», представляя собой единое целое, в определенной мере ха-

рактируется семантической недискретностью, диффузностью, поэтому в принципе нет возможности до конца разграничить лежащие на этой оси элементы, в частности отграничить: а) предметные (объектные) элементы от не предметных (обстоятельственных и признаковых); б) семантически обусловленную связь данных элементов с глаголом-сказуемым от чисто грамматической, формальной связи. Не наблюдается также и взаимно-однозначного соответствия между значением заглагольного элемента и его отношением к глаголу-сказуемому: с одной стороны, семантически обусловленную связь с глаголом-сказуемым может иметь не только объектный элемент (*Он купил книгу*), но и обстоятельственный (*Он приходит домой*), и даже признаковый (*Он выглядит хорошо*), а с другой стороны, объектный элемент может и не иметь семантически обусловленной связи с глаголом-сказуемым (*Он купил сыну*).

Предложение характеризуется двумя важнейшими особенностями: 1) оно выражает двучленную по структуре мысль — логическое суждение S—P (это свойство назовем двусоставностью предложения); 2) оно содержит финитный глагол с его грамматическими категориями времени, наклонения и лица (это свойство назовем глагольностью предложения). Величайший парадокс предложения состоит в том, что эти два свойства являются безусловно специфическими для предложения (никакая другая единица языка не выражает логическое суждение и не содержит финитный глагол-сказуемое), но вместе с тем отнюдь не всеобщими (не все типы или варианты предложения обладают этими свойствами). История научных теорий русского предложения во многом определялась усилиями, которые направлялись к тому, чтобы разрешить это фундаментальное противоречие языка — противоречие между специфичностью и всеобщностью указанных свойств предложения. При этом явно просматривается тенденция ставить на первое место критерий всеобщности — в ущерб специфичности, что вело к замене данных свойств на другие, которые в таком случае неизбежно оказывались чрезмерно широкими и поэтому неопределенными, расплывчатыми.

Так, свойство «предложение выражает логическое суждение S—P» было заменено свойством «предложение выражает относительно законченную мысль». Это свойство — в такой широкой формулировке — можно отнести, конечно, к любому варианту предложения; однако, став всеобщим, оно

перестало быть специфическим (относительно законченную мысль выражают и другие единицы языка — слово, словосочетание, сложное синтаксическое целое), а также четким, определенным (не ясно, что такое относительно законченная мысль). В дальнейшем на предложение стали обычно смотреть сквозь призму не атрибутивного, а релятивного суждения aRb , а точнее сквозь призму пропозициональной функции $P(x, y)$, в связи с чем его объективное свойство «двусоставность» (выражение двучленной структуры мысли «предмет — признак») вообще было исключено из большинства синтаксических концепций. Однако в данном случае не учитывается, что гносеологическая адекватность и гибкость предложения как раз и состоит в том, что оно внутренне связано с обеими логическими структурами — атрибутивной и релятивной, и задача теоретического синтаксиса — раскрыть эти связи, а не произвольно отбрасывать ту или другую логическую структуру как псевдовеличину. В. З. Панфилов верно указал на уже известный факт, что одновременно «существуют два уровня структуры суждения как формы мысли, выражаемой предложением: субъектно-предикатная структура и его структура как пропозициональной функции» (Панфилов, 1977: 116).

В какой-то мере сходную метаморфозу претерпело и другое существенное свойство предложения — то, что оно содержит *verbum finitum*. Чтобы сделать это специфическое свойство предложения всеобщим, была проделана довольно простая операция: грамматические категории времени, наклонения и лица, выражаемые формами финитного глагола, были отделены от него, что позволило относить их к любому варианту предложения, независимо от того, содержится в нем *verbum finitum* или нет. Таким образом, свойство «предложение содержит финитный глагол» было заменено свойством «предложение характеризуется грамматическими (обычно стали говорить — синтаксическими) категориями времени, наклонения и лица». В таком толковании данное свойство действительно стало всеобщим, однако оно «проиграло» в своей определенности: до сих пор остается неясным, что такое грамматические категории времени, наклонения и лица, совершенно не связанные с финитным глаголом. Приходится признать, что указанная операция в значительной мере оказалась мнимой, и данные грамматические категории не удалось полностью отделить, оторвать от глагольного компонента.

В русском языке выделяются две группы безглагольных предложений. В первую группу входят модальные предложения типа *Да; Нет; Возможно; Разумеется*. Будучи действительно безглагольными, в прямом и точном значении данного слова, эти предложения лишены грамматических категорий времени, наклонения и лица, что обусловлено их особым положением в системе речевой коммуникации. Подлинно безглагольными являются также междометные предложения (*Спасибо; Ах!*), однако они, в отличие от модальных, лежат за пределами грамматического синтаксиса. Во вторую группу входят предложения типа *Ночь темна; На улице холодно; Впереди река; Всего вдоволь; Зима; Вот мельница* и другие подобные. Безглагольность таких предложений является внешней. По существу, это — глагольные предложения. Глагольность реализуется в них двояким способом: не только с помощью нулевых форм глагола, выявляемых через ближайшую морфологическую парадигму (*Ночь была темна — Ночь темна — Ночь будет темна*), но и через скрытое отношение к основному типу предложения — двусоставному глагольному — в рамках иерархической системы синтаксиса, что обычно не учитывается.

Вопрос о предикативности (а это — важнейшая конститутивная категория предложения) обычно решается таким образом, что она фактически оказывается связанной, явно или скрыто, с одним из названных выше двух свойств предложения: двусоставностью или глагольностью. Если предикативность определяется как отношение между предметом и признаком, репрезентацией которых служат соответственно состав подлежащего и состав сказуемого (ср.: Шахматов, 1941: 19), или как отношение между темой и ремой, или как отношение между подлежащим и сказуемым, то во всех этих случаях она оказывается так или иначе связанной с двусоставностью предложения, т. е. с его способностью выражать двучленную структуру мысли. Интересно, что Т. П. Ломтев, для которого предложение служит прежде всего средством выражения структуры означаемого в форме «системы с отношениями» (aRb), определяет, однако, предикативное отношение на субъектно-предикатной основе, т. е. как отношение между элементами двучленной структуры мысли (предмет — признак). Он пишет: «Предикативные отношения — это отношения между исходным предметом и всем другим содержанием высказывания, которое выступает как утверждение или отрицание некоторого свойства исходного пред-

мета» (Ломтев, 1977: 66). Если же предикативность определяется как особое свойство глагола-сказуемого или как совокупность грамматических категорий времени, наклонения и лица, присущих предложению независимо от наличия в нем материального *verbum finitum*, или как единство категорий объективной модальности и синтаксического времени, выражаемых специальными грамматическими средствами, то во всех этих случаях она оказывается так или иначе связанной с наличием в предложении финитного глагола.

В категорию предикативности (особенно в том случае, когда она восходит к глагольному компоненту) иногда включается еще один аспект предложения — отношение его содержания к действительности. Однако, формулируемое в таком общем виде, отношение к действительности не является спецификой предложения. Если это отношение понимать как локализацию вещественного содержания предложения в объективном времени и пространстве, т. е. как процесс актуализации, то данный аспект получает сдвиг в план речи и грамматическую структуру предложения непосредственно не затрагивает, между тем как категория предикативности принадлежит этой структуре. Если же здесь имеется в виду отношение к действительности именно грамматической структуры предложения, то задача состоит в том, чтобы раскрыть специфические особенности этого отношения. Категорию предикативности (опять-таки обычно в том случае, когда она явно или скрыто опирается на финитный глагол) часто сочетают также с интонацией, однако последняя непосредственно характеризует высказывание речи, но не инвариантную грамматическую структуру предложения.

В грамматической структуре предложения выделяются три главнейших аспекта: синтагматический, семантический и модальный. Синтагматический аспект — это соотношение элементов структуры предложения на линейной (синтагматической) оси, которая представляет собой по существу линейную ось объективного времени. Семантический аспект — это означаемая сторона предложения, в которой находит свое отражение — через ступень двучленной структуры виртуальной мысли — внеязыковая действительность (событие, факт). Модальный аспект — это отношение содержания предложения к внеязыковой действительности в плане грамматического времени и наклонения, под углом зрения говорящего лица. Категория предикативности — это то структурное основание, на котором происходит объединение, син-

тез данных трех аспектов предложения: синтагматического, семантического и модального. Следовательно, чтобы решить вопрос о предикативности, необходимо найти это основание.

ЛИТЕРАТУРА

Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970. 767 с.

Ломтев Т. П. Структура предложения в современном русском языке. М.: Изд-во МГУ, 1979. 198 с.

Панфилов В. З. Философские проблемы языкознания. М.: Наука, 1977. 287 с.

Спиркин А. Г. Восхождение от абстрактного к конкретному. — В кн.: Философская энциклопедия. М., 1960, т. 1, с. 295—296.

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. 2-е изд. Л.: Учпедгиз, 1941. 620 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие редактора	3
<i>В. В. Богданов.</i> Роль вторичной предикативности в построении связного текста	5
<i>В. Н. Ерхов.</i> Семантические позиции в модели предложения	13
<i>С. В. Михеев.</i> Семантические свойства залоговых конструкций	20
<i>В. П. Недялков.</i> Результатив и пассив: На материале немецкого языка	27
<i>Ю. В. Попов, Т. П. Трегубович.</i> О предикации в тексте	40
<i>Г. Г. Почепцов.</i> Фатическая метакоммуникация	52
<i>А. А. Прокочук.</i> Коммуникативно-функциональный аспект лине- аризации в рядах с сочинительной связью	60
<i>А. А. Романов.</i> Семантическая структура высказываний-просьб	68
<i>Л. П. Рыжова.</i> Коммуникативные функции обращения	76
<i>В. И. Сергеева.</i> К вопросу о значении и смысле предложений-типов и предложений-реализаций	86
<i>И. П. Сусов.</i> Предикат и предикация	93
<i>А. И. Шестакова.</i> Прагматические особенности транспарантно-апел- лятивных микротекстов: На материале немецкого языка	101
<i>В. И. Юганов.</i> Текст и его тематическое ядро	108
<i>В. С. Юрченко.</i> О соотношении семантической и формальной сто- рон предложения	116

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА СИНТАКСИЧЕСКИХ ЕДИНСТВ

Межвузовский тематический сборник

Редактор *С. А. Сузова*

Технический редактор *Е. В. Ратникова*

Сдано в набор 2/VII-1981 г. ЕА02812. Подписано в печать 30/X-1981 г.		
Формат 60×84 ¹ / ₁₆ .	Бумага писчая № 1.	Гарнитура литератур.
Физ. печ. л. 8,0.	Усл. печ. л. 7,44.	Уч.-изд. л. 7,33.
Тираж 700 экз.	Заказ 2130.	Цена 1 р. 30 к.

Издано Калининским государственным университетом.

170013, Калинин 13, Желябова, 33.

Темплан Минвуза РСФСР 1981 г., поз. 1696.

Отпечатано: г. Калинин. Областная типография. Студенческий пер., 28.